35 ДЕВУШЕК. 1 КОРОНА. КОНКУРС, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИТ ИХ ЖИЗНЬ

# ОТБОР

КИРА КАСС

YAKOVEHA

http://vk.com/the_selection

# ОТБОР

КИРА КАСС

http://the-selection
http://vk.com/the_selection
координатор перевода
yakoveha

Внимание!
Перевод является любительским.
Все оригинальные права принадлежат
Кире Касс, а права на перевод в России -
издательству Азбука.

HARPER TEEN
An imprint of HarperCollinsPublishers

Перевод: Виктория Алексеева, Анастасия Канарик, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко, Лина «Aileen» Алехнович, Алена Игоревна
специально для http://vk.com/the_selection

# 1 ГЛАВА

Когда мы получили письмо, моя мать была в восторге. Она уже решила, что со всеми нашими проблемами покончено раз и навсегда. Единственной помехой в ее гениальном плане была я. Не думаю, что была чересчур непослушной дочерью, но нести на себе это бремя я не желала.

Не хочу быть частью королевской семьи, не хочу быть Первой, не хочу даже пытаться!

Я спряталась в своей небольшой комнатушке, чтобы не слушать пустую болтовню в нашем доме. Я пыталась собраться с мыслями и придумать, как переубедить маму. Я уже приготовила с полсотни основательных аргументов. Но, увы, среди них не было ни одного, к которому она бы прислушалась.

Я не могла избегать ее слишком долго. Время шло к обеду, а после того, как старшие дети покинули дом, приготовление пищи легло на меня. Я заставила себя встать с кровати и спуститься в эту змеиную яму.

Мама одарила меня свирепым взглядом, но ничего не сказала.

Молча, мы кружили по кухне и столовой: готовили курицу, пасту, нарезали кусочки яблок и накрывали стол на пятерых. Если бы я осмелилась посмотреть на нее, то увидела бы на ее лице ярость и укор. Так она пыталась заставить меня повиноваться. Она делала так довольно часто. Например, когда я не хотела работать на семьи, которые были

неоправданно грубы с нами. Или убирать дом, когда мы могли позволить себе нанять слуг из Шестой касты.

Иногда это срабатывало, иногда – нет. Здесь я могла с ней соперничать.

Ей не нравилось, когда я упрямилась. Но эту черту я унаследовала от нее, поэтому удивляться здесь нечему. Но дело было не только во мне. Мама была напряженной в последнее время. Лето подходило к концу, скоро начнутся холода, а вместе с ними - проблемы.

Мама поставила на стол кувшин с чаем, специально стукнув погромче, чтобы я еще раз увидела, как она мной недовольна. При мысли о чае с лимоном мой рот наполнился слюной. Но придется потерпеть, ведь если я выпью свой стакан сейчас, придется запивать ужин обычной водой.

– Ты ведь не умрешь, если просто заполнишь анкету? – воскликнула она, не в состоянии больше сдерживаться. – Отбор - прекрасная возможность для тебя. Для всех нас.

Я тяжело вздохнула, подумав о том, что заполнение анкеты действительно может приблизить меня к смерти.

Не секрет, что повстанцы, жители подземных колоний, которые ненавидели нашу большую и сравнительно молодую страну Иллею, все чаще нападали на дворец, и каждый их набег был яростнее предыдущего. Несколько раз они появлялись и в Каролине. Они сожгли дотла дом одного из чиновников, избили кучку Вторых и оставили глубокие вмятины на их машинах. Однажды они даже устроили побег из местной тюрьмы. Но, учитывая, что они выпустили лишь умудрившуюся забеременеть девушку-подростка и Седьмого, которого дома ждали девять детей, я не могла назвать это самым ужасным из их поступков.

Но, даже не вспоминая о настоящей опасности, я не могла принять саму мысль об участии в Отборе. Я улыбнулась, вспомнив о главной причине, по которой я должна была остаться здесь.

– Последние несколько лет были очень тяжелыми для твоего отца, – прошипела мать. – Если в тебе есть хоть капля сострадания, ты, поду-

маешь о нем.

Да. Папа. Я действительно хочу помочь ему. И Мэй и Джераду. Да и маме, наверное, тоже. Когда она представила все в таком свете, улыбка сползла с моего лица. Напряжение надолго повисло в воздухе. Я гадала, решит ли папа, что легче всего будет вернуться к нормальной жизни, заработав на мне немного денег.

Мы жили не настолько плохо, чтобы перебиваться с хлеба на воду. Мы не были нищими. Но мы недалеко от этого ушли.

От самого дна нас отделяли лишь три касты. Мы были художниками. А художники и музыканты, как правило, не купаются в роскоши. Наш доход в значительной степени зависел от времени года.

Я читала в одной старой книжке, что раньше все главные праздники отмечались зимой: сначала шел Хэллоуин, за ним - День Благодарения, а потом Рождество и Новый год. Все друг за другом.

Теперь все иначе, лишь Рождество отмечается по-прежнему: ты ведь не можешь изменить дату рождения Бога. Но когда Иллея заключила мирный договор с Китаем, Новый год стали праздновать в январе или феврале – в зависимости от лунных фаз. Все отдельные праздники, такие как День Благодарения и День Независимости, стали одним большим торжеством. Мы праздновали его летом, в день создания Иллеи.

Я понятия не имела, что такое Хэллоуин. Никогда ничего о нем не слышала.

По крайней мере, три раза в год вся семья занята своими делами: папа и Мэй пишут картины, которые представители высших каст потом раскупают в качестве подарков; мы с мамой выступаем на вечеринках. Я пою, а мама играет на фортепиано. Мы стараемся не упускать ни единой возможности заработать. Когда я была помладше, я боялась выступать перед публикой, но со временем я научилась полностью сосредотачиваться на музыке и не обращать внимания на слушателей.

Джерад еще не открыл в себе никакого таланта, но ему всего семь. У него еще есть время.

Вскоре все изменится, и наш крошечный мир вновь будет расшатан:

пять ртов, и только четыре пары рабочих рук.

Нужно найти работу до Рождества. Когда я вспоминала обо всем этом, Отбор действительно казался шансом всей моей жизни. Этот глупый конкурс может помочь мне и моей семье.

Я взглянула на маму. Для Пятой она была немного полновата. Это было странно, ведь она ела совсем немного, мы просто не могли себе позволить наедаться вдоволь. Возможно, это приходит после рождения пяти детей. Ее волосы, как и мои, рыжего цвета. Но пару лет назад в них начали появляться проблески седины. Она была еще довольно молода, хотя вокруг ее глаз уже появились морщинки, и я видела, как, двигаясь по кухне, она чуточку горбилась, будто невидимая тяжесть лежала на ее плечах.

Она брала на себя большую часть работы, и, наверное, поэтому была со мной так строга. Нам и в лучшие времена приходилось сводить концы с концами, а с приближением осени она становилась еще более раздражительной. Я знала, что она считает меня глупой и безответственной. Она наверняка думала сейчас, что я не хочу заполнять эту анкету лишь из собственного упрямства.

Но в этом мире были вещи по-настоящему важные для меня. И этот листок бумаги, словно кирпичная стена, вставал между мной и моими мечтами. Возможно, я была наивной. Возможно, я мечтала о том, что никогда не станет моим. Но это были мои мечты. И я не думаю, что могла бы пожертвовать ими, даже ради благополучия своей семьи. Я и так отдавала им очень много.

На данный момент я была старшим ребенком в семье. После того, Кенна вышла замуж, а Кота уехал, я помогала, чем могла. Мы старались совмещать мое домашнее обучение с музыкальными репетициями, которые в последнее время отнимали большую часть моего дня: я пыталась овладеть несколькими музыкальными инструментами сразу.

Но с приходом письма все это перестало иметь значение. Моя мать уже решила, что я королева.

Если бы мне хватило ума спрятать это глупое письмо прежде, чем па-

па, Мэй и Джерад вошли в комнату! Но я даже не заметила, как мама спрятала его в складках одежды. Она достала его посреди обеда и начала читать.

– Дом Сингеров, – торжественно произнесла она.

Я попыталась отобрать письмо, но мама оказалась проворнее меня. Рано или поздно, они бы все узнали. Но если она представит это так, все встанут на ее сторону.

– Мам, пожалуйста! – взмолилась я.

– Я хочу послушать! – завизжала Мэй. Не удивительно.

Моя младшая сестра выглядела точь-в-точь как я, только на три года помладше. Хоть внешне мы и были похожи, наши характеры - абсолютные противоположности. В отличие от меня она была мечтательной и полной надежд. Она сходила с ума по мальчикам и ,несомненно, все это покажется ей очень романтичным.

Я поняла, что краснею. Папа приготовился внимательно слушать, а Мэй подпрыгивала на стуле от нетерпения. Лишь Джерад, милый мальчик, продолжал спокойно есть. Мама прокашлялась и продолжила.

– Последняя перепись населения подтвердила, что в настоящее время в вашем доме проживает девушка в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. В связи с этим, мы рады сообщить, что вам предоставляется возможность почтить великий народ Иллеи.

Мэй снова завизжала и схватила меня за руку.

– Это про тебя!

– Я знаю, маленькая обезьянка. А теперь прекрати, иначе сломаешь мне запястье.

Но она вцепилась в меня еще сильнее, не переставая качаться на стуле.

– Наш любимый принц, Максон Скрив, достигнет совершеннолетия в этом месяце, – продолжила мама. – Вступая в новый этап своей жизни, он надеется найти себе подходящую пару и жениться на истинной дочери Иллеи. Если ваша дочь и сестра заинтересована в возможности стать невестой принца Максона и обожаемой принцессой своей страны, пожа-

луйста, заполните этот бланк и отнесите его в бюро услуг вашей провинции. Из каждой провинции для встречи с принцем будет наугад выбрано по одной девушке.

Отобранные поселятся в королевском дворце в столице нашей страны, Анджелесе. Семьи этих девушек будут *щедро вознаграждены* за их верную службу королевской семье.

Она растянула последние слова для пущего эффекта. Я закатила глаза.

Так они поступали с сыновьями. Принцесс, родившихся в королевской семье, ждал брак по расчету с влиятельными дипломатами из других стран. Я понимала, почему так происходило: нашей молодой стране нужны были союзники за рубежом. Но мне это очень не нравилось. Однако в королевской семье не было принцесс вот уже три поколения, так что мне не пришлось стать свидетелем чего-то подобного и, надеюсь, никогда не придется. Принцы же женились на девушках из простого народа, чтобы укрепить дух нашей разрозненной нации. Думаю, Отбор и был придуман с той целью, чтобы напомнить людям, что наша страна когда-то и сама поднялась из руин.

В любом случае, участвовать в конкурсе, где этот самодовольный зануда будет выбирать себе глупую куклу со смазливой мордашкой, которая всю свою жизнь будет молча стоять позади во время его выступлений с речью по телевизору…. Я готова была закричать от одной лишь мысли о чем-то подобном! И за этим будет наблюдать вся страна. Что может быть унизительнее?

Кроме того, я достаточно бывала в домах Вторых и Третьих, чтобы убедиться, что я никогда не захочу жить среди них, не говоря уж о том, чтобы принадлежать к Первой касте. Не считая тех периодов, когда мы голодали, меня вполне устраивала жизнь Пятой. Мама горела желанием взобраться на самый верх кастовой лестницы, не я.

– И конечно, ему понравится Америка! Она ведь такая красивая! – воскликнула мама.

– О, мама, прошу тебя! Я совершенно обычная.

– Вовсе нет! – заявила Мэй. – Потому что я очень похожа на тебя, а я красивая!

Она так широко улыбалась, что я не смогла сдержать смех. И это было верно подмечено, потому что Мэй действительно была красавицей. И не только милое лицо, не только искренняя улыбка и сияющие глаза делали ее такой. Мэй излучала энергию и энтузиазм, которые располагали к ней любого. Она была привлекательной, а я нет, честно.

– Джерад, а что ты думаешь? Я красивая? – спросила я.

Все взгляды обратились к самому младшему члену нашей семьи.

– Нет! Девчонки ужасны!

– Джерад, прошу тебя, – мама вздохнула, но не раздраженно, а скорее устало. На него было сложно злиться.

– Америка, ты и правда очень милая девушка.

– Если я такая милая, почему никто не приходит, чтобы позвать меня на свидание?

– О, они приходят, но я их всех прогоняю. Мои девочки слишком красивы, чтобы выходить замуж за Пятых. Кенна нашла себе Четвертого, и я уверена, что ты пойдешь даже дальше.

Мама сделала глоток чая.

– Его зовут Джеймс. Перестань называть его числом. И с каких это пор к нам заглядывают мальчики? – мой голос становился все выше и выше. Ни разу не видела ни одного парня на пороге нашего дома.

– С недавних, – подал голос отец, впервые за весь разговор. Он грустно смотрел в свою чашку, его голос был полон горечи.

Я пыталась понять, что его так расстроило. Заглядывающие мальчики? Очередной спор между мной и мамой? То, что я отказываюсь принять участие в конкурсе? То, как далеко я буду, если все же соглашусь?

Мы с папой были очень близки. Когда я родилась, мама долго не могла оправится и моим главным воспитателем стал отец. От мамы я унаследовала упрямство, а от него терпение и сострадание.

Он поднял на меня взгляд всего на секунду, и внезапно я все поняла. Он не хотел просить меня об этом. Он не хотел, чтобы я уезжала. Но он

не мог отрицать того, как сильно я помогу семье, продержавшись во дворце хотя бы пару дней.

– Америка, сама подумай, – снова вступила мама, – мы должно быть единственные родители во всей стране, которым приходится уговаривать свою дочь принять участие. Подумай о возможностях! В один прекрасный день ты могла бы стать королевой!

– Мама, даже если бы я хотела быть королевой, а я определенно этого не хочу, в провинции есть тысячи других девушек. Тысячи! И если даже меня каким-то образом выберут, у меня будет еще 34 соперницы, которые наверняка окажутся гораздо соблазнительнее меня, сколько бы я ни притворялась.

Джерад навострил уши.

– Что значит «соблазнительный»?

– Ничего, – хором рявкнули они.

– Глупо думать, что я каким-то образом смогу выиграть, – подытожила я.

Мама привстала и нагнулась ко мне через стол:

– Кто-то ведь должен победить, Америка. У тебя столько же шансов, сколько и у остальных, – она бросила свою салфетку на стол, собираясь уйти. – Джерад, как закончишь есть, бегом в ванну.

Он застонал.

Мэй ела молча. Джерад все еще хныкал, но мамы уже не было в комнате. Когда они встали из-за стола, я начала собирать тарелки. Папа потягивал свой чай. Его волосы снова были испачканы желтой краской, и это заставило меня улыбнуться. Он встал и смахнул крошки с рубашки.

– Прости, папа, – пробормотала я, не отрываясь от уборки.

– Не будь глупышкой, котенок. Я не злюсь, – он слегка улыбнулся и обнял меня.

– Я просто…

– Ты не должна мне ничего объяснять, дорогая. Я все понимаю, – он поцеловал меня в лоб. – Мне нужно вернуться к работе.

Он ушел, а я отправилась на кухню, чтобы вымыть посуду.

К еде я почти не прикоснулась, поэтому накрыла свою тарелку салфеткой и поставила в холодильник. Остальные съели все подчистую.

Я вздохнула, пошла к себе в комнату, чтобы приготовиться ко сну. Все это приводило в бешенство.

Почему мама так на меня давит? Разве она не счастлива? Разве она не любит папу? Почему для нее этого недостаточно?

Я лежала на своем куцем матраце и думала об Отборе. Возможно, во всем этом есть свои преимущества. Было бы здорово нормально питаться хоть какое-то время.  И мне не стоило переживать. Я не собиралась влюбляться в принца Максона. Я видела его в Столичном Отчете Иллеи. Мне ничуть не понравился этот парень.

Я с трудом дождалась полуночи. Возле двери висело зеркало, и я подошла к нему, чтобы удостовериться, что мои волосы не слишком спутались. Я нанесла немного блеска на губы, чтобы освежить лицо. Мама всегда была строга в отношении макияжа, настаивая, чтобы я сохраняла косметику для выступлений или появлений на публике. Но в такие ночи, как эта, я позволяла себе немного накраситься.

На цыпочках я прокралась в кухню. Я взяла свои объедки, немного хлеба и яблоко и завернула все это в салфетку. Трудно было сдержаться и не припустить бегом обратно в свою комнату, но, чтобы никого не разбудить, я заставила себя идти как можно медленнее.

Я открыла окно и оглядела наш небольшой задний дворик. Луна пряталась за тучами, и мне пришлось немного подождать, пока глаза привыкнут к темноте. Под покровом ночи домик на дереве по ту сторону лужайки казался причудливой тенью. Когда мы были маленькими, Кота связывал ветки так, что дерево становилось похожими на большой корабль. Он был капитаном, а я - его главным помощником. В мои обязанности входили уборка палубы и приготовление «еды» из грязи и веток в старых маминых формах для выпечки. Он брал ложку грязи и «ел», бросая через плечо. После этого мне снова приходилось убираться, но я не возражала. Мне просто нравилось быть с Котой на корабле.

Я огляделась. Все соседние дома были темны. Никто не смотрел. Я осторожно выскользнула через окно. Раньше на животе оставались синяки от оконной рамы, но за пару лет я научилось проделывать это довольно аккуратно.

Я неслась через лужайку в своей самой симпатичной пижаме. Конечно, я могла бы остаться в дневной одежде, но мне было комфортнее в легких коричневых шортах и белой футболке.

Было не сложно взбираться по ступенькам, вбитым в стол дерева, цепляясь только одной рукой: я проделывала это сотни раз. С каждым шагом становилось легче. Я отошла от дома всего на несколько метров, а груз проблем, давивший на меня весь день, уже исчез. Здесь мне не нужно было быть ничьей принцессой.

Как только я забралась в крошечную коробку, я поняла, что не одна. В дальнем углу кто-то притаился. Мое дыхание участилось. Я отложила еду и прищурилась. Человек зашевелился, зажигая почти непригодную свечу. От нее было совсем немного света - никто в домах не заметит - но этого вполне хватило. Наконец, незваный гость заговорил, и на его лице появилась хитрая ухмылка:

– Привет, красавица.

Перевод: Виктория Алексеева, Анастасия Канарик, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко, Лина «Aileen» Алехнович, Алена Игоревна
специально для http://vk.com/the_selection

# 2 ГЛАВА

Я пробралась глубже в древесный домик. Это был куб размером пять на пять футов; даже Джерад не смог бы встать здесь в полный рост. Но мне здесь нравилось. Тут было всего два отверстия: дыра, в которую я только что пролезла и окно на противоположной стене. Старая табуретка в углу играла роль столика для свечи, а на маленьком ветхом коврике сидеть было едва ли лучше, чем на голом полу, но мне здесь нравилось. Домик был небольшим, но для меня он стал своеобразным раем. *Нашим* раем.

– Пожалуйста, не называй меня красавицей. Сначала мама, затем Мэй, теперь еще и ты. Это действует мне на нервы!

По тому, как Аспен смотрел на меня, я могла сказать, что так и не убедила его в своей "некрасивости". Он улыбнулся.

– Ничего не могу с собой поделать. Ты самое прекрасное создание из всех, что я видел. И я буду напоминать тебе об этом, так часто, как только смогу.

Он подошел ближе, нежно взял мое лицо в свои ладони, и я утонула в его глазах. В тот момент, когда его губы коснулись моих, я забыла обо всем на свете. Больше не существовало ни Отбора, ни семьи, ни Иллеи. Были лишь руки Аспена на моей талии, привлекающие меня ближе; его дыхание на моих щеках. Я запустила свои пальцы в его темные волосы,

все еще влажные после душа - он всегда мылся по ночам - и стянула их в маленький ровный пучок. Он пах домашним мылом, которое делала его мать. Мой любимый запах. Когда мы оторвались друг от друга, я не смогла сдержать улыбку.

Он опустился на пол и широко расставил ноги. Я уселась между ними, как ребенок, который хотел, чтобы его покачали.

– Извини, я сегодня не в лучшем настроении. Просто… мы получили сегодня это глупое письмо.

– Ах, да, письмо, – вздохнул Аспен. – Мы получили два.

Ну конечно. Близняшкам только исполнилось шестнадцать.

Пока мы говорили, Аспен внимательно всматривался в мои черты. Он делал так каждый раз, когда мы бывали вместе, будто восстанавливая мое лицо в собственной памяти. С прошлой нашей встречи прошло больше недели, а мы начинали тосковать друг по другу уже после нескольких дней разлуки.

Я тоже его разглядывала. Если не принимать во внимание касту, Аспен был самым привлекательным парнем в городе. У него темные волосы, зеленые глаза, и загадочная улыбка. Он высокий и худой, но не слишком. В тусклом свете я заметила у него небольшие мешки под глазами: он снова работал всю неделю допоздна. Его черная футболка была заношена до дыр в нескольких местах, как и потрепанные джинсы, которые он надевал почти каждый день.

Ах, если бы я только могла сесть и заштопать их для него. Вот что было целью моей жизни - не быть принцессой Иллеи. Быть с Аспеном.

Больно было находиться вдали от него. Иногда я сходила с ума, гадая, где он и что сейчас делает. И когда становилось совсем тяжко, я занималась музыкой. Мне и правда стоило поблагодарить Аспена за то, что из меня вышел такой хороший музыкант. Он сводил меня с ума.

И это было неправильно.

Аспен из Шестых. Они были прислугой и отличались от Седьмых лишь лучшим образованием и хорошей физической силой. Аспен был очень умен и убийственно красив, но для женщины считалось непристойным

выходить замуж за человека ниже себя по статусу. Мужчина из низшей касты мог попросить вашей руки, но редко получал согласие. И когда заключались межкастовые браки, нужно было заполнять кучу бумаг и ждать еще около трех месяцев, пока не будут соблюдены все формальности. Говорят, это время дается специально, чтобы у людей была возможность передумать. Будучи наедине в столь позднее время, нарушая комендантский час, мы оба могли попасть в серьезные неприятности. Не говоря уж о том, что устроила бы моя мама.

Но я люблю Аспена. Люблю уже почти два года, и он отвечает взаимностью. Пока мы сидели здесь, и он играл с моими волосами, я и помыслить не могла об участии в Отборе.

– Как ты относишься ко всему этому? К Отбору? – спросила я.

– Нормально, наверное. Он ведь должен найти себе девушку хоть как-то, бедный парень, – с сарказмом ответил Аспен. Но я действительно хотела знать его мнение.

– Аспен...

– Ну хорошо, часть меня считает, что это довольно печально. У принцев что, не бывает свиданий? Он ведь все равно получит ту, которую пожелает… Если уж они выдают принцесс замуж за иностранных принцев, почему бы не сделать то же самое и с ним? Уверен, найдется парочка знатных дам, достойных его. Вот чего я не понимаю, – он вздохнул. – Но другая часть думает, что это хорошая идея. Это интересно, он влюбится на глазах у всей страны. Любая из этих девушек может стать нашей будущей королевой. И мне нравится, что кто-то из них получит свою долгую и счастливую жизнь. Это вселяет в меня надежду, что я тоже мог бы жить долго и счастливо. С тобой.

Он обвел пальцем контур моих губ. Его зеленые глаза проникали глубоко в душу. Я тоже хотела жить долго и счастливо. С ним.

– Значит, ты подталкиваешь близняшек к участию? – спросила я.

– Да. Мы все видим принца время от времени; он кажется вполне приятным парнем. Сопляк, конечно, но дружелюбный. А девочки так хотят участвовать, что даже смешно. Они плясали от радости, когда я

пришел домой. И это прекрасный шанс для нашей семьи. Мама полна надежды, ведь у нас целых две претендентки, а не одна, как в других семьях.

Хоть одна хорошая новость, касательно этого ужасного конкурса. Я поверить не могла, что так зациклилась на себе и даже не подумала о сестрах Аспена. Если бы одна из них прошла, если бы она победила...

– Аспен, ты хоть понимаешь, что произойдет, если Кэмбер или Силия победят?

Он крепче сжал меня в объятиях и нежно коснулся губами моего лба. Его руки заскользили по моей спине.

– Я только об этом весь день и думал, – прошептал он.

Нотки желания в его голосе заставили меня забыть обо всем на свете. Все чего я хотела - чтобы Аспен прикасался ко мне, целовал меня. И так прошла бы вся ночь, но тут в его животе заурчало, и мне пришлось отодвинуть свои потребности на второй план.

– Эй, знаешь, я ведь принесла нам перекусить, – спохватилась я.

– О, правда? – я видела, что он изо всех старался скрыть предвкушение, но нетерпение все же прокрались в его голос.

– Тебе понравится курица, я сама ее приготовила.

Я отыскала в дальнем углу свой узелок и принесла его Аспену. Он принялся за еду. Я надкусила яблоко, чтобы ему казалось, будто все это действительно для нас двоих. Но, как только он отвлекся, я отсела в сторонку, предоставив остальную еду ему.

Если в моем доме с пищей порой возникали трудности, то в доме Аспена еда была настоящей проблемой. Он работал гораздо усерднее, чем мы, но платили ему существенно меньше. Их семье никогда не хватало денег на продукты. Он был самым старшим из семи детей и делал все, что было в его силах, чтобы хоть как-то сгладить положение. Он разделял ту небольшую часть пищи, что предназначалась ему, между младшими братьями и сестрами и своей мамой, которая под конец дня с ног валилась от тяжелой работы. Отец Аспена умер три года назад, оставив семью на его попечение.

Я с удовольствием наблюдала за тем, как он облизывал пальцы от специй, осыпавшихся с курицы, и клал в рот кусочки хлеба. Я даже представить себе не могла, когда он в последний раз ел.

– Ты прекрасно готовишь. Ты сделаешь кого-то очень толстым и счастливым, – заметил он, откусывая большой кусок от яблока.

– Я собираюсь сделать *тебя* толстым и счастливым, и ты знаешь это.

– О, быть толстым!

Мы рассмеялись, и он рассказал мне, что произошло в его жизни с момента нашей последней встречи. Он немного подработал на одном из заводов, и денег, что ему заплатили, должно было хватить на неделю. Его мать погрязла в рутине, устроившись уборщицей в несколько домов Вторых. Близняшки жутко расстроились, когда она заставила их бросить школьный театральный кружок, чтобы они могли больше времени уделять работе.

– Я подумываю о том, чтобы начать работать по воскресеньям, так я смогу приносить в семью больше денег. Ненавижу, когда им приходится отказываться от того, что они любят, – он сказал это с такой искренней надеждой в голосе, что я не выдержала.

– Аспен Леджер, ты не посмеешь! Ты и так работаешь слишком много.

– О, Мер, – прошептал он. Я покрылась мурашками. – Ты ведь знаешь Кэмбер и Силию. Они не могут без общения, не могут все время сидеть взаперти под гнетом уборки и уроков. Это просто не для них.

– Но взваливать всю работу на тебя тоже нечестно! Я прекрасно знаю, как ты относишься к своим сестрам, но тебе нужно и о себе заботиться. Если ты их действительно любишь, береги себя, ведь ты их главный кормилец.

– Не волнуйся за меня, Мер. Я чувствую, что скоро произойдет что-то хорошее. Наша жизнь изменится, вот увидишь.

Но она не изменится, и его семье всегда будут нужны деньги.

– Аспен, я знаю, что ты справишься, но это не может так продолжаться. Не думаешь же ты, что сможешь всегда полностью обеспечивать всех, кого любишь. Ты просто… ты не можешь делать за них всю рабо-

ту.

Какое-то время мы помолчали. Я надеялась, что он обдумывает мои слова, начинает осознавать, что если он не угомонится, то просто износит себя. Для представителей Шестой, Седьмой и Восьмой каст было обычным делом умереть от изнеможения. Как же я это ненавидела! Я сильнее прижалась к его груди, пытаясь выбросить дурные мысли из головы.

– Америка?

– Что? – прошептала я.

– Ты будешь участвовать в Отборе?

– Нет! Конечно, нет! Как только тебе в голову пришло, что я могу так поступить? Я люблю *тебя*, – заверила я его.

– Хочешь стать Шестой? Голодать? Не знать радости? – спросил он.

В его голосе ясно звучала боль, и в то же время неподдельный интерес. Если бы у меня был выбор: наслаждаться жизнью в роскошном дворце, полном слуг, готовых исполнить любой мой каприз, или ютиться в трехкомнатной квартирке вместе с семьей Аспена, что бы я выбрала?

– Аспен, мы справимся. Мы что-нибудь придумаем. Все будет хорошо.

Хотела бы я, чтобы так все и было. Он покачал головой.

– Ты знаешь, что все будет не так, Америка. Мне по-прежнему придется поддерживать семью. Я не смогу их бросить. А если у нас будут дети...

Я поуютнее устроилась в его объятиях.

– *Когда* у нас будут дети. Мы будем осторожны. И кто сказал, что мы должны заводить больше двух?

– Мы можем это контролировать! – воскликнул он гневно.

Я не могла его винить. Богатые могли регулировать количество детей в семье. Людям из Четвертой касты или ниже оставалось лишь надеяться на удачу. Это стало причиной большинства наших споров за последние полгода - с того самого момента, как мы начали всерьез подумывать о совместной жизни. Дети были медалью о двух сторонах. Чем

больше их у тебя, тем больше человек в семье может работать. Но, в то же время, это лишние голодные рты…

Мы снова умолкли, оба не зная, что сказать. У Аспена был пылкий характер, и его часто заносило во время споров. И хотя сейчас ему уже лучше удавалось справляться с приступами злости, я знала, что в этот момент он борется с самим собой. Я не хотела, чтобы он расстраивался; мне и правда казалось, что мы сможем со всем справиться. Возможно, я была законченной оптимисткой или любила его слишком сильно, но я верила, что все наши с Аспеном мечты сбудутся.

– Думаю, ты должна это сделать, – сказал он внезапно.

– Сделать что?

– Принять участие в Отборе. Я считаю, тебе следует это сделать.

Я ушам своим не верила.

– Ты что, из ума выжил?!

– Америка, послушай меня, – его губы были прямо возле моего уха. Так нечестно: он знал, что это мешает мне сосредоточиться. Когда он продолжил, его голос был тихим и чуточку хриплым, будто бы он говорил мне что-то романтичное. – Если у тебя будет шанс на лучшую жизнь, и ты не воспользуешься им из-за меня, я никогда себе этого не прощу.

Я не могла этого вынести. Раздраженно вздохнув, я приготовилась во что бы то ни было отстаивать свою точку зрения.

– Это глупо. Тысячи девушек подадут заявки. Меня не выберут.

– Если тебя не выберут, тогда какое это имеет значение? – теперь он поглаживал мои плечи. Я не могу спорить, когда он так делает.

– Я хочу, чтобы ты это сделала. Просто попробуй. Если тебя выберут, то так тому и быть, а если нет, я хотя бы не буду корить себя за то, что удержал тебя.

– Но я не люблю его, Аспен. Мне он даже не нравится. Я его даже не знаю!

– Его никто не знает. Вполне возможно, что он тебе понравится.

– Аспен, прекрати. Я люблю *тебя.*

– А я тебя.

В подтверждение своих слов, он накрыл мои губы нежным поцелуем.

– И если ты действительно меня любишь, ты сделаешь это. Иначе я всю жизнь буду терзать себя мыслью "а что, если…"

Когда разговор зашел о нем, у меня не осталось шансов на победу. Я не могла причинять Аспену боль. Я была готова на что угодно, лишь бы облегчить его жизнь. И я была уверена: меня не выберут. Видимо, мне придется переступить через себя, чтобы угодить всем, кто мне дорог. А когда все закончится, я смогу вздохнуть спокойно и забыть об этом, как о страшном сне.

– Пожалуйста… – прошептал он мне на ухо. От этого по телу пробежал приятный холодок.

– Хорошо, – ответила я. – Я сделаю это. Но знай, что я не хочу быть какой-то там принцессой. Все, чего я хочу - быть твоей женой.

Он провел рукой по моим волосам.

– Ты будешь.

Должно быть, мне так показалось из-за освещения, а точнее его недостатка, но его глаза заблестели, словно его переполняли эмоции. Аспен прошел через многое, но я видела его плачущим лишь однажды, когда его младшего брата высекли на городской площади.

Маленький Джемми стащил несколько фруктов из телеги на рынке. Взрослого бы судили, а после бросили бы в тюрьму или казнили - в зависимости от цены украденного. Джемми было всего девять лет, так что его просто побили. У их матери не было достаточно денег, чтобы отвести его к врачу после того случая, поэтому у Джемми так и остались шрамы по всей спине. В ту ночь я, стоя у своего окна, ждала, когда Аспен заберется в древесный домик. Когда он оказался там, я пробралась к нему. Он целый час плакал у меня на руках, причитая о том, что если бы только он работал больше и усерднее, Джемми не пришлось бы красть; о том, как нечестно, что Джемми пострадал из-за него. Мне было больно смотреть, как он мучается. Ему не стоило винить себя за то, что случилось с Джемми. Но как я могла сказать ему об этом? Он просто

не стал бы слушать. Аспен взваливал нужды всех, кого любил, на себя. Каким-то чудесным образом я стала одной из этих людей, и поэтому я сделаю все, что он попросит, как бы тяжело мне не было.

– Споешь для меня? Что-нибудь успокаивающее.

Я улыбнулась. Я любила петь для него. Придвинувшись ближе, я завела тихую колыбельную.

Он слушал меня спокойно не больше минуты, а потом начал рассеяно поглаживать кожу у меня за ухом. Он оттянул воротник моей рубашки и нежно поцеловал меня в шею; затем, спустив рукав с моего плеча, прошелся дорожкой из поцелуев вниз по моему предплечью, так далеко, как ему удалось дотянуться. Я затаила дыхание. Он целовал меня так каждый раз, когда я пела для него. Мне казалось, что он наслаждался звуками моего прерывистого дыхания куда больше, чем моим пением.

Вскоре наши тела сплелись на грязном тонком коврике. Оказавшись сверху на нем, я запустила свои руки в его волосы и поддалась наслаждению. Он целовал меня лихорадочно и страстно. Я чувствовала, как его пальцы впиваются в мою талию, спину и бедра. Меня всегда удивляло, как после таких прикосновений на мне не оставалось маленьких круглых синячков.

Мы были осторожны, всегда останавливаясь прежде, чем доходило до того, чего нам действительно хотелось - будто бы нарушения комендантского часа было недостаточно. Но даже с этими ограничениями я не могла во всей Иллее представить себе пару, более страстную, чем наша.

– Я люблю тебя, Америка Сингер. И буду любить, пока живу.

Его голос был наполнен каким-то глубоким чувством, и это застало меня врасплох.

– Я люблю тебя, Аспен. Ты всегда будешь моим принцем.

Он целовал меня, пока не догорела свеча.

Должно быть, прошло несколько часов. Мои глаза слипались. Аспену не было дела до собственного сна, но он всегда беспокоился обо мне.

Усталая, я спустилась с дерева, прихватив свою тарелку и монетку -

когда у Аспена были хоть какие-то деньги, он оплачивал такими мое пение. Я бы хотела, чтобы эти деньги были у его семьи, ведь, без сомнений, им они нужнее, чем мне. Я не могла позволить себе потратить их, и я хранила эти монетки, как напоминание о том, как много я значила для Аспена.

Вернувшись в свою комнату, я вытащила из тайника маленькую баночку и опустила в нее новую монетку. Та весело звякнула, очутившись среди сестер. Я ждала у окна, пока через десять минут тень Аспена не скользнула вниз по стволу дерева и не скрылась за поворотом дороги. Я не могла заснуть еще какое-то время, думая об Аспене; о том, как сильно я любила его, и как мне повезло быть любимой им. Никакая королева на любом троне во все времена не чувствовала себя такой значимой и особенной.

Я заснула, надежно запечатав эту мысль в своем сердце.

# 3 ГЛАВА

*Аспен одет в белое. Он кажется ангелом, сошедшим с небес. Мы по-прежнему в Каролине, но вокруг ни души. Мы одни, но нам никто больше и не нужен. Мы сидим рядышком, и Аспен плетет мне венок из цветущих веточек.*

– Америка, – мамин голос прервал мой сон.

Она щелкнула выключателем, и свет больно ударил по глазам, так, что мне пришлось прикрывать их ладонями.

– Просыпайся, Америка, у меня к тебе предложение.

Я взглянула на часы: чуть больше семи. Я провела в постели всего пять часов.

– Можно еще поспать?

– Нет, милая, вставай, нам нужно обсудить кое-что важное.

Я заставила себя принять вертикальное положение: одежда смялась, волосы торчат в разные стороны. Мама хлопала в ладоши у меня перед носом, надеясь ускорить этим процесс пробуждения.

– Вставай же, Америка! Нам надо поговорить.

Я зевнула. Дважды.

– Чего ты хочешь? – сонно пробормотала я.

– Чтобы ты подала заявку на Отбор. Из тебя получится отличная принцесса!

Не слишком ли сейчас рано, чтобы обсуждать это?

– Мам, серьезно, я не...

Я вздохнула, вспомнив, что пообещала Аспену попробовать. Сейчас я уже не была уверена, что смогу заставить себя сделать это.

– Я знаю, ты против, но, может, сделка заставит тебя передумать?

Я навострила уши. Что она может мне предложить?

– Мы с твоим отцом поговорили ночью и пришли к выводу, что ты уже достаточно взрослая, чтобы работать самостоятельно. Ты играешь на фортепиано почти так же хорошо, как я, а если еще чуток потренируешься, освоишь и скрипку. А твой голос… лично я считаю, что он лучший в провинции.

Я неуверенно улыбнулась.

– Спасибо, мам. Правда.

Но мне было все равно, одна я работаю или нет. Я понятия не имела, как это сможет меня переубедить.

– Это еще не все. Ты... сможешь оставлять себе половину заработка и тратить эти деньги как пожелаешь, – она скривилась; было ясно, что ей это не по душе. Я уставилась на нее, широко распахнув глаза.

– *Но* только если ты подашь заявку на участие в Отборе, – теперь она улыбалась. Она знала, что я не смогу отказаться, однако ожидала сопротивления с моей стороны.

Но как я могла сопротивляться? Я и так собиралась участвовать, а тут еще появилась возможность зарабатывать для себя!

– Ты ведь понимаешь, что все, что я могу сделать – подать заявку? Я не смогу заставить принца выбрать меня.

– Да, я знаю. Но оно того стоит.

– Ух ты, мам… – я потрясла головой, все еще немного шокированная. – Ладно, я заполню бланк. Ты это серьезно насчет денег?

– Конечно. Рано или поздно ты станешь жить самостоятельно, и ответственность за заработанные собственным трудом деньги послужит для тебя хорошим уроком. Только, пожалуйста, не забывай о своей семье. Ты все еще нужна нам.

– Я никогда о вас не забуду, мам. Как я могу… с твоим-то постоянным ворчанием?

Я подмигнула, и она рассмеялась. Мы договорились.

Пока я принимала душ, я обдумала все, что произошло со мной за последние сутки. Простым заполнением бланка я могла заслужить одобрение семьи, осчастливить Аспена, и получить возможность самостоятельно зарабатывать. Эти деньги помогли бы нам с Аспеном сыграть свадьбу!

Я не слишком задумывалась о финансовой стороне вопроса, но Аспен настаивал, что поначалу у нас должно быть немного собственных сбережений. Конечно, чтобы оформить все официально, потребуются деньги. Но мы еще хотели устроить небольшой праздник для наших семей после торжественной части. Мне казалось, нам не понадобится много времени, чтобы накопить нужную сумму, как только мы поймем, что готовы, но Аспену все время хотелось больше. Возможно, если я тоже начну работать, он наконец согласится, что мы не будем постоянно нуждаться.

После душа я сделала прическу и нанесла легкий макияж в честь такого особого случая, а затем подошла к шкафу, чтобы выбрать одежду. Вариантов было немного: почти все вещи были коричневого, бежевого, или зеленого цвета. У меня было несколько платьев понаряднее, для выступлений, но они безнадежно вышли из моды.

Так оно и было с одеждой. Шестые и Седьмые почти всегда носили джинсу или что-нибудь поплотнее. Пятые в основном одевались как попало, ведь художники любой наряд покрывали фартуками, а певцам и танцорам нужно было выглядеть хорошо лишь во время выступлений. Высшие касты тоже носили джинсы и хаки, но только для разнообразия, и на них эти вещи выглядели совсем иначе. Они могли одеваться как угодно, но, словно чтобы лишний раз подчеркнуть свое превосходство над нами, превращали то, что для низших каст было вещами первой необходимости, в предметы собственной роскоши.

Я надела шорты цвета хаки и зеленую тунику - пожалуй, самую инте-

ресную повседневную одежду из всей, что у меня была - и еще раз осмотрела себя в зеркале, прежде чем спуститься в гостиную. Сегодня я и правда казалась себе симпатичной.

Мама и папа перешептывались, сидя за кухонным столом. Они обеспокоенно поглядывали на меня, как будто я все еще могла передумать.

Я немного удивилась, когда взяла в руки письмо: такая качественная бумага, плотная и слегка шершавая. Я никогда еще не видела такой. На секунду вес бумаги напомнил мне о том, как тяжело далось мне это решение. Два слова пронеслись в моей голове: *Что если?*

Я тут же прогнала эту мысль прочь и принялась писать.

Все было довольно просто: требовалось вписать имя, возраст, касту и контактную информацию. Также нужно было указать свой рост и вес, цвет волос, глаз и кожи.

Я с удовольствием отметила, что владею тремя языками. Многие знали по два, но наша мама настояла, чтобы мы, помимо родного английского, изучали еще и французский, и испанский, поскольку эти языки все еще использовались на территории страны. Да и пению это помогало. Я знала столько красивых песен на французском!

Нужно было указать, сколько классов я закончила, что оказалось непросто. Только Шестые и Седьмые посещали общеобразовательную школу и могли точно сказать, в каком классе учатся. Мое образование было почти окончено.

В графе "особые навыки" я указала пение и перечислила все музыкальные инструменты, на которых умела играть.

– Как думаешь, способность спать, как убитая, считается особым навыком? – спросила я папу, стараясь, чтобы вопрос прозвучал серьезно, будто бы я и правда не могла определиться.

– Да, впиши это. И не забудь указать, что можешь съесть обед целиком всего за пять минут, – ответил он.

Я рассмеялась. Это было правдой. Я действительно махом сметала еду.

– О, почему я вынуждена жить с такими варварами?! – воскликнула

мама и пулей вылетела из комнаты. Я поверить не могла, что она все еще была расстроена - она ведь получила все, что хотела. Я вопросительно взглянула на отца.

– Она хочет для тебя лучшей жизни, только и всего.

Он откинулся на спинку своего кресла и казался расслабленным. У него почти не оставалось времени на отдых - он должен был закончить очередную картину к концу месяца.

– Как и ты, но ты никогда не выходишь из себя, – заметила я.

– Да. Но у нас с твоей мамой немного разные представления о том, что лучше для тебя.

Он одарил меня теплой улыбкой.

У меня были его губы: как внешне, так и склонные говорить совершенно безобидные вещи, которые зачастую навлекали на меня проблемы. Характер у меня мамин, но у нее намного лучше подвешен язык, когда дело доходит до споров.

– Пап, если бы я захотела выйти замуж за Шестого или Седьмого, если бы я действительно любила его, ты бы мне позволил?

Папа отставил свою кружку, и его взгляд сфокусировался на мне. Я старалась ничем себя не выдать. Он тяжело вздохнул.

– Америка, если бы ты любила Восьмого, я бы позволил тебе выйти за него. Но ты должна понимать, что любовь может увянуть от стресса, который повлечет такое замужество. Кто-то, кого ты думаешь, что любишь сейчас, может стать ненавистным тебе, когда не сможет тебя обеспечить. И если ты не сможешь позаботиться о своих детях, будет только хуже. Любовь не всегда способна выжить при таких обстоятельствах.

Папа накрыл мою ладонь своей, и мне пришлось встретить его взгляд. Я попыталась скрыть свое беспокойство.

– Но, несмотря ни на что, я хочу, чтобы ты была любима. Ты достойна того, чтобы тебя любили. И я надеюсь, что ты найдешь себе мужа по любви, а не по числу.

Он мог бы сказать мне то, что я хотела услышать - что я *выйду* замуж

по любви, а не по числу. Но я, как и он, могла лишь надеяться на подобную роскошь.

– Спасибо, пап.

– А сейчас иди и успокой свою маму. Она желает тебе лишь добра, – он чмокнул меня в макушку и вернулся к своей работе.

Я вздохнула и продолжила заполнять анкету. Порой мне казалось, будто моя семья считала, что я не имею права мечтать. Мне это не нравилось, но я не могла ничего поделать. Такие как мы не мечтали. Мы и потребности-то старались ограничить.

Я взяла заполненный бланк и вышла на задний двор, чтобы отыскать маму. Она сидела и подшивала подол платья, а Мэй рядышком учила уроки в тени древесного домика. Аспен часто жаловался на строгость учителей в муниципальных школах. Я сомневалась, что кто-то из них смог бы сравниться с нашей мамой, которая даже летом заставляла нас заниматься.

– Ты правда сделала это? – просияла Мэй.

– Ну да.

– И что же заставило тебя передумать?

– Мама может быть очень убедительной, – я многозначительно посмотрела на мать, но ей, похоже, вовсе не было стыдно за свой подкуп. – Мы можем пойти в бюро услуг, как только ты будешь готова.

Она улыбнулась.

– Вот это моя девочка. Возьми свои вещи, и пойдем. Я хочу отнести твое заявление как можно скорее.

Я пошла в дом, чтобы взять сумку и обуться, но, проходя мимо комнаты Джерада, остановилась. Он грустно смотрел на пустой холст на выставленном перед ним мольберте. Мы пытались привить Джераду любовь хоть к какому-нибудь виду искусства, но все впустую. Стоило лишь раз увидеть его резвящимся со старым футбольным мячом во дворе или забившимся в угол с подержанным микроскопом, который достался нам в качестве оплаты за одно Рождественское представление, становилось понятно, что его сердце никогда не будет принадлежать искусству.

– Что, нет вдохновения? – спросила я, входя внутрь.

Он посмотрел на меня и потряс головой.

– Может, тебе стоит попробовать ваяние? Будешь делать скульптуры, как Кота. У тебя прекрасные руки. Могу поспорить, у тебя отлично получится.

– Я не хочу делать скульптуры. И рисовать, и играть на пианино тоже не хочу! Хочу играть в мяч! – Он пнул старый ковер.

– Я знаю. Ты можешь иногда веселиться, но тебе нужно найти ремесло, в котором ты будешь хорош, чтобы зарабатывать на жизнь.

– Но почему? – он всхлипнул.

– Ты знаешь, почему. Таков закон.

– Но это нечестно! – Джерад пихнул холст, и тот упал на пол, подняв в воздух облако пыли, которое красиво закружилось в лучах солнечного света, падающих из окна. – Не наша вина, что наш прапрадедушка был бедным.

– Я знаю.

Действительно, казалось странным ограничивать жизненный выбор человека, исходя из заслуг его предков перед отечеством, но все было именно так. И мне казалось, мы должны быть признательны властям за то, что, пусть и таким образом, они поддерживают в стране порядок.

– Думаю, в то время это был единственный способ все исправить.

Он промолчал. Я вздохнула и, подняв холст, водрузила его на место. Он не мог просто взять и отказаться от уготованной ему жизни.

– Тебе не обязательно отказываться от своих увлечений, дружок. Но ты ведь хочешь помогать маме и папе, и вырасти, и завести семью, верно?

Я ткнула его в бок. Он показал мне язык в притворном отвращении, и мы оба засмеялись.

– Америка! – позвала мама из коридора. – Ты чего так долго?

– Уже иду, – крикнула я в ответ и снова повернулась к Джераду. – Я знаю, это трудно. Но это наша жизнь. Мы ее не выбираем, понимаешь? Это нормально.

Но в глубине души я знала, что это не нормально. Совсем не нормально.

Мы с мамой прошли пешком весь путь до местного бюро. Иногда мы пользовались общественным транспортом, например, если до работы нужно было слишком далеко добираться - непозволительно было заявиться в дом Вторых потными и уставшими, они и без того смотрели на нас, не скрывая усмешки. Но сегодня стояла прекрасная погода, и дорога показалась нам совсем не такой длинной, какой она была на самом деле.

Мы оказались далеко не единственными, кто захотел поскорее подтвердить свое участие. К тому времени, как мы пришли, вся улица перед бюро услуг провинции Каролина была забита лицами женского пола.

Становясь в очередь, я заметила несколько девушек, живущих с нами по соседству. Вереница в четыре человека шириной уже наполовину огибала здание бюро: каждая девушка провинции подавала заявку на участие. Я не знала, что чувствовать: страх или облегчение.

– Магда! – позвал кто-то. Мы с мамой вместе обернулись на голос.

К нам приближались Кэмбер и Силия вместе с мамой Аспена. Должно быть, ей пришлось взять отгул, чтобы прийти сюда с ними. Ее дочки, опрятные, как всегда, были одеты так хорошо, как только могли себе позволить Шестые. Но, как и Аспен, они в любой одежде выглядели замечательно. У Кэмбер и Силии были те же темные волосы и красивые улыбки.

Мама Аспена улыбнулась мне, и я ответила ей тем же. Я ее обожала. Мне нечасто доводилось с ней разговаривать, но она всегда была добра ко мне. И я знала, это не потому, что я на касту выше нее - я видела, как она отдавала одежду, из которой выросли ее дети, тем, кого другие вообще людьми не считали - просто она была доброй.

– Привет, Лена. Кэмбер, Силия, как дела? – поприветствовала их моя мама.

– Хорошо! – пропели они в унисон.

– Вы, девочки, прекрасно выглядите, – заметила я, поправляя локон, выбившийся из прически Силии.

– Мы хотим хорошо выйти на наших фотографиях, – объяснила Кэмбер.

– Фотографиях? – переспросила я.

– Да, – мама Аспена понизила голос. – Вчера я убирала в доме одного из судей… это не просто лотерея. Вот почему они фотографируют претенденток и собирают так много информации. Зачем им знать, сколькими языками ты владеешь, если они выбирают девушек наугад?

В этом был определенный смысл. Забавно, я-то думала, что вся информация будет изучаться уже после лотереи.

– И, похоже, произошла небольшая утечка информации. Ты посмотри вокруг. Многие девушки чуток переборщили.

Я осмотрела очередь. Миссис Леджер была права: разница между теми, кто знал, и кто - нет, была очевидна. Прямо передо мной стояла девушка, видимо Седьмая, - она даже не потрудилась сменить свою рабочую одежду. Ее грязные ботинки возможно и не попадут в кадр, а вот пыль на комбинезоне точно будет замечена. В паре шагов от нас другая Седьмая поправляла свой пояс с инструментами. Эта, по крайней мере, не была настолько чумазой.

На "знающей" половине все было совсем по-другому: одна девушка сделала себе красивый пучок, выпустив несколько прядей так, чтобы они обрамляли ее лицо. Девушка рядом с ней, судя по одежде, Вторая, казалось, хотела весь мир убедить в том, что она потрясающе умна. А на некоторых было столько косметики, что они походили на клоунов, хотя сами наверняка думали, что выглядят достойно.

Я выглядела вполне прилично, но я ничего не сделала, чтобы хоть как-то себя украсить. Как и те Седьмые, я ничего не знала, и не смогла позаботиться об этом заранее. Внезапно я почувствовала досаду.

Но почему? Я поспешила навести порядок в своих мыслях.

Я не хотела стать Отобранной. Если я не достаточно красива, это скорее плюс, чем минус. Сестры Аспена, например, меня точно обойдут.

Сама природа наделила их красотой, а с легким намеком на макияж они казались еще прекраснее. Если Кэмбер или Силия победят, вся их с Аспеном семья поднимется на самую верхушку кастовой лестницы. И, конечно, моя мать не станет возражать против брака с Первым, пусть даже он и не сам принц. Мое незнание было мне на руку.

– Думаю, ты права, – сказала мама. – Эта девушка выглядит так, словно собралась на Рождественскую вечеринку.

Она рассмеялась, но было хорошо видно, что ее не устраивает мое невыгодное положение.

– Я не понимаю, почему некоторые девушки заходят так далеко. Посмотри на Америку. Она такая милая. Я так рада, что вы не стали ничего усложнять, – сказала мама Аспена.

– Во мне нет ничего особенного. Кто на меня посмотрит, когда рядом Кэмбер и Силия? – я подмигнула им, и они улыбнулись. Мама тоже улыбалась, но все так же натянуто. Я готова была поспорить: она с трудом сдерживалась, чтобы не отправить меня домой переодеться.

– Ну что ты! Каждый раз, когда Аспен возвращается домой от твоего брата, он говорит, что дети Сингеров унаследовали не только таланты своих родителей, но и их красоту, – сказала Миссис Леджер.

– Правда? Какой милый мальчик! – проворковала мама.

– Да. У матери не может быть лучшего сына. На него всегда можно положиться, и он так много работает!

– Повезет же кому-то, – сказала мама.

Она слушала лишь краем уха - все еще продолжала оценивать моих соперниц. Миссис Леджер нервно огляделась.

– Между нами: мне кажется, у него есть кто-то на примете.

Я застыла. Я не знала, стоит ли мне как-то это прокомментировать. Любой ответ мог выдать меня.

– Какая она? – спросила мама. Даже планируя мою свадьбу с богатым незнакомцем, она находила время посплетничать.

– Понятия не имею! Мне еще не довелось ее увидеть. Я лишь догадываюсь, что он с кем-то встречается. В последнее время он кажется та-

ким счастливым…

В последнее время? Мы встречаемся почти два года! Почему только в последнее время?

– И он напевает, – добавила Силия.

– Да, он поет, – согласилась Кэмбер.

– Он поет?! – воскликнула я.

– О, да, – ответили они хором.

– Тогда он точно с кем-то встречается! – вмешалась мама. – Интересно, кто она.

– Не знаю, но, думаю, она замечательная девушка. Последний месяц он работал гораздо усерднее, чем обычно. И он стал откладывать деньги. Думаю, он копит на свадьбу.

Я ахнула. К счастью для меня, никто не обратил внимания, видимо, посчитав это нормальной реакцией на столь волнительную новость.

– Я так рада за него, – продолжила она. – Даже если он пока не готов познакомить нас, я уже люблю ее. Он снова улыбается. Было так тяжело, когда мы потеряли Хенрика, Аспен взвалил на себя так много... Кем бы ни была эта девушка, если она делает его счастливым, для меня она как дочь.

– Ей очень повезло! Твой Аспен чудесный мальчик, – сказала мама.

Я не могла в это поверить. Его семья пытается свести концы с концами, а он откладывает деньги на нашу свадьбу! Я не знала, чего хочу больше - побить его или расцеловать. У меня просто не было слов. Он *действительно* собирался сделать мне предложение!

Я больше ни о чем не могла думать. *Аспен, Аспен, Аспен.* Когда подошла моя очередь, я отметилась в окошке, подтверждая, что в моей анкете все верно, и отправилась в соседнюю комнату, чтобы сфотографироваться. Я присела на краешек стула, встряхнула волосы пару раз, чтобы придать им удачную форму, и повернулась лицом к фотографу.

Готова поспорить, на своем снимке я улыбалась шире, чем любая другая девушка Иллеи.

# 4 ГЛАВА

Была пятница, и в восемь часов должны были показать Столичный Отчет Иллеи. Обычно мы его не смотрели, но сегодняшний выпуск пропустить было бы глупо. Даже Восьмые - странствующие и бездомные - найдут магазин или церковь, где смогут посмотреть Отчет, который обещал быть особенно интересным в связи с приближением Отбора. Всем хотелось знать последние новости.

– Думаете, сегодня объявят Отобранных? – спросила Мэй, набивая рот картофельным пюре.

– Нет, милая. Есть еще девять дней, чтобы подать заявку на участие. Скорее всего, мы узнаем вердикт судей через пару недель.

Мама не была так спокойна вот уже несколько лет. Она добилась того, чего хотела, и теперь какое-то время будет в приподнятом настроении.

– О! Не могу дождаться, – пожаловалась Мэй.

*Она* не могла дождаться? Это ведь мое имя в лотерее!

– Твоя мама сказала, что тебе пришлось довольно долго ждать своей очереди, – к моему удивлению, папа решил поддержать этот разговор.

– Да, – ответила я. – Не думала, что будет так много народу. Не знаю, зачем они дают еще девять дней. Могу поклясться, что все девушки в провинции уже подали свои заявки.

– Повеселилась, оценивая конкуренток? – усмехнулся он.

– Меня это не особо волнует. А вот мама...

– А я повеселилась на славу, – подхватила мама. – Не смогла удержаться. Но Америка очень хорошо выглядела. Ухожено, но естественно. Ты просто красавица, милая. Если они и впрямь просматривают бланки вместо того, чтобы выбирать наугад, у тебя даже больше шансов, чем я предполагала.

– Ну, не знаю, – возразила я. – На одной девушке было столько красной помады, что казалось, будто она истекает кровью! Может, принцу нравятся такие вещи.

Все засмеялись, и мы с мамой продолжили описывать самые странные наряды из тех, что успели заметить. Мэй была в восторге, даже Джерад тихонько улыбался, доедая свой ужин. В такие моменты было легко забыть о напряжении, обычно царившем в нашем доме.

В восемь мы все перебрались в гостиную. Папа сел в кресло, мама - на диван, Джерад забрался к ней на колени, а Мэй присела рядышком. Я растянулась на полу и включила телевизор на Государственный канал. Этот канал, в отличие от всех остальных, был бесплатным, так что даже Восьмые могли смотреть его, если им удавалось раздобыть телевизор.

Прозвучал гимн. Возможно, это глупо, но мне всегда нравился наш национальный гимн. Он был одной из моих самых любимых песен.

На экране появилась королевская семья. Король Кларксон стоял на возвышении. Камера на мгновение показала его советников, сидевших немного в стороне, справа. Сегодня они тоже выступят с несколькими объявлениями. Слева на своих троноподобных креслах сидели элегантно одетые королева и принц Максон. Всем своим видом они излучали царственность.

– А вот и твой парень, Ами, – объявила Мэй, и все засмеялись.

Я присмотрелась к Максону поближе. Он был по-своему красив. Но совсем не похож на Аспена. Медовый блондин с карими глазами. Глядя на него, сразу вспоминаешь о лете. Его волосы коротко и аккуратно подстрижены, его серый костюм отлично на нем сидит.

Но все же было в нем что-то не так. Он казался напряженным. Его прическа была безупречной, спина - идеально прямой, а костюм - безумно дорогим. Он больше был похож на картину, чем на человека. Мне было почти жалко ту девушку, которой прядется связать с ним свою судьбу. Ее ждет самая скучная жизнь, какую только можно себе представить.

Я перевела взгляд на его мать - само спокойствие. Она выглядела гораздо естественнее сына. Внезапно, я осознала, что она не росла во дворце, как король или принц Максон. Знаменитая Дочь Иллеи. Возможно, когда-то она была такой же, как я.

Король уже начал свою речь, но мне нужно было узнать.

– Мам, – прошептала я, стараясь не отвлекать отца.

– Да?

– Королева... Какой она была? Я имею ввиду касту.

Мама улыбнулась, почувствовав мой интерес.

– Она была Четвертой.

Четвертой… Она бы провела всю свою жизнь, работая на фабрике, ферме или в магазине. Я задумалась о том, какой была ее жизнь до Отбора. Была ли у нее большая семья? Ей, должно быть, не нужно было беспокоиться о еде. Завидовали ли ей подруги, когда ее выбрали? Если бы у меня были подруги, завидовали бы они мне?

Это глупо. Меня не выберут.

Я переключила внимание на речь короля.

– Этим утром очередная атака в Новой Азии затронула наши базы. Наши войска понесли незначительные потери, но мы уверены, что очередной призыв, запланированный на следующий месяц, повысит боевую мощь нашей армии и укрепит ее моральный дух.

Я ненавижу войну. К сожалению, нашей молодой стране приходилось защищаться от всего мира. Вряд ли наша земля переживет очередное вторжение.

Затем король рассказал о последней кампании против повстанцев, Команда Финансистов доложила о состояние внутренней задолженности

по стране, а глава Комитета по Инфраструктуре объявил о намерении начать восстановление транспортных магистралей, заброшенных со времен Четвертой Мировой Войны. Наконец, на возвышение поднялся Мастер Развлечений.

– Добрый вечер, дамы и господа Иллеи! Как вы все знаете, уведомления о возможности участия в Отборе были разосланы по всей стране. Мы только что получили первую партию заполненных анкет, и я рад объявить, что тысячи красивейших девушек Иллеи уже внесли свои имена в лотерею Отбора!

На заднем плане Максон заерзал в своем кресле. Он что, вспотел?

– От имени королевской семьи хочу поблагодарить вас за ваш энтузиазм и патриотизм. Если нам повезет, то на Новый год мы отпразднуем помолвку нашего дорогого принца Максона с очаровательной, умной и талантливой Дочерью Иллеи.

Остальные советники, снова занявшие свои места, зааплодировали. Максон смущенно улыбнулся. Когда овации стихли, Мастер Развлечений продолжил:

– Конечно же, у нас есть много различных планов относительно встречи девушек Отбора и их проживания во дворце. Но мы не смогли представить никого более подходящего на роль человека, который проведет нас всех через это увлекательное событие, чем наш обожаемый мистер Гавриил Фадай!

И снова последовал взрыв аплодисментов, но на этот раз уже от моей мамы и Мэй. Гавриил Фадай был легендой. Он уже около двадцати лет к ряду был ведущим парадов ко Дню Благодарения и Рождественских шоу, да и вообще всего, что праздновалось во дворце. Я ни разу не видела, чтобы кто-то кроме него брал интервью у членов королевской семьи, их друзей и родственников.

– О, Америка, ты сможешь встретиться с Гавриилом! Смотрите, вот он! – восторженно воскликнула Мэй, хлопая в ладоши.

Конечно же, это был Гавриил в своем безупречном синем костюме. Он неторопливо вошел в студию, энергичный мужчина лет пятидесяти.

– Доооообрый вечер, Иллея! – пропел он. – Должен сказать, что для меня огромная честь стать частью Отбора. Я счастливчик! Познакомлюсь с тридцатью пятью красотками! Какой идиот не захотел бы оказаться на моем месте?

Он подмигнул нам в камеру.

– Но, прежде чем я встречусь с этими милыми юными леди, одна из которых станет нашей принцессой, мне выпала приятная возможность поговорить с виновником торжества, нашим дорогим принцем Максоном!

Максон прошел по ковровой дорожке к паре стульев, установленных специально для него с Гавриилом. Он поправил свой галстук и одернул костюм, будто бы хотел выглядеть *еще* лучше. Принц пожал Гавриилу руку и, взяв микрофон, сел напротив ведущего. Стул был таким высоким, что Максону пришлось поставить ноги на перекладину, опоясывающую ножки стула. Так он выглядел более непринужденно.

– Рад снова Вас видеть, Ваше Высочество.

– Спасибо, Гавриил. Мне тоже очень приятно.

Голос Максона был таким же правильным, как и все остальное в нем. Он так и лучился официальностью. Я поморщилась, представив, что могу оказаться с ним в одной комнате.

– Меньше, чем через месяц тридцать пять девушек поселятся в Вашем доме. Что Вы об этом думаете?

Максон рассмеялся.

– Если честно, это немного меня беспокоит. Я уже представляю, как шумно здесь станет, с прибытием стольких гостей. Но, в то же время, я очень этого жду.

– Просили ли Вы своего дорого старого папашу поделиться секретом, как завоевать сердце красавицы? В свое время ему это неплохо удалось.

Максон и Гавриил обернулись, и камера, проследив их взгляд, показала короля и королеву. Они держались за руки и улыбались друг другу. Выглядело искренне, но как мы могли знать наверняка?

– Вообще-то нет. Как вы знаете, ситуация в Новой Азии набирала обороты, и, работая вместе, мы в основном обсуждали военные стратегии. На разговоры о девушках просто времени не хватало.

Мама и Мэй засмеялись. Видимо, им это показалось забавным.

– У нас осталось не так много времени, но я хотел бы задать Вам еще один вопрос. Какая она - девушка вашей мечты?

Максон, казалось, был озадачен. Сложно было сказать наверняка, но, по-моему, он слегка покраснел.

– Честно, я не знаю. Думаю, в этом и есть прелесть Отбора. Среди участниц не будет и двух похожих девушек - ни внешне, ни по характеру. И в ходе знакомства с ними, нескольких разговоров, я надеюсь найти ту, с которой мне захочется разделить свою судьбу, – улыбнулся он.

– Отлично сказано, Ваше Высочество. Думаю, я говорю от имени всех жителей нашей страны, желая Вам удачи.

Гавриил протянул ему руку для очередного рукопожатия.

– Спасибо, – поблагодарил его Максон. Камера переместилась недостаточно быстро, и можно было заметить, как он оглянулся на своих родителей, гадая, все ли он сделал правильно. Но уже в следующую секунду на экране появилось лицо Гавриила, так что не было никакой возможности узнать, каким был их ответ.

– Боюсь, что наше время истекло. Спасибо, что смотрели Столичный Отчет Иллеи, увидимся через неделю!

Заиграла музыка и пошли титры.

– Америка и Максон на дереве сидят… – пропела Мэй.

Я схватила подушку и запустила в нее, но все же не смогла не рассмеяться. Максон был так спокоен и тверд. Сложно было представить счастье со столь холодным человеком.

Я провела остаток вечера, пытаясь игнорировать насмешки Мэй, и, в конце концов, ушла к себе в комнату, чтобы хоть немного побыть одной. О совместной жизни с Максоном думать не хотелось, но дразнилки младшей сестры крутились в моей голове всю ночь, мешая заснуть.

Трудно было определить источник звука, который разбудил меня. Я

осмотрела комнату, на случай, если в ней был кто-то посторонний.

*Тук-тук-тук.*

Я медленно повернулась лицом к окну и увидела за стеклом Аспена, широко улыбающегося мне. Я вскочила с кровати, чтобы проверить, хорошо ли закрыта дверь. Вернувшись в постель, я открыла окно, и Аспен пролез внутрь и улегся со мной рядом. Теплый летний воздух, сочившийся снаружи, никакого отношения не имел к жару, охватившему все мое тело.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала я, улыбаясь в темноте.

– Я должен был тебя увидеть, – выдохнул он в кожу на моей щеке. Мы лежали совсем рядышком - его сильные руки крепко обнимали меня.

– Мне так много надо рассказать тебе, Аспен.

– Т-с-с-с, не говори ни слова. Если кто-нибудь нас услышит, нам придется несладко. Просто дай мне полюбоваться тобой.

И я подчинилась. Я лежала тихо и неподвижно, пока Аспен разглядывал меня. Когда ему наскучило просто смотреть, он зарылся лицом в мои волосы, чтобы вдохнуть мой запах, а затем провел кончиком носа по моей шее. И его руки двинулись вниз по моей талии к бедрам, а затем обратно, и так снова и снова. Его дыхание стало тяжелым и прерывистым, и это сводило меня с ума.

Он принялся целовать мою шею, и я не смогла сдержать легкий стон. Губы Аспена скользнули по моему подбородку и встретились с моими губами, удачно приглушая мое учащенное дыхание. Мы сплелись воедино. Жар наших собственных тел и влажный ночной воздух заставили нас вспотеть.

Губы Аспена, наконец, замедлились. Хоть я и не была готова остановиться, нам нужно было вести себя разумно. Если бы мы зашли хоть чуточку дальше, и если бы об этом кто-нибудь узнал, нас обоих бросили бы за решетку. Вот еще одна причина, почему все женились так рано: ожидание - пытка.

– Я должен идти, – прошептал он.

– Но я хочу, чтобы ты остался.

Я уткнулась носом ему в шею. Он снова пах домашним мылом.

– Америка Сингер, когда-нибудь ты будешь засыпать в моих объятьях каждую ночь, и просыпаться от моих поцелуев каждое утро. У нас целая жизнь впереди.

Я кусаю губу в раздумьях.

– Но сейчас я должен идти. Мы и так рискуем.

Я вздохнула и ослабила хватку. Он был прав.

– Я люблю тебя, Америка.

– Я люблю тебя, Аспен.

Таких тайных моментов будет достаточно, чтобы помочь мне пройти через все: мамино недовольство, когда меня не выберут; работу, на которую мне придется согласиться, чтобы помочь Аспену накопить достаточно денег на свадьбу; скандал, который меня ждет, когда Аспен попросит моей руки; все трудности, которые нам предстоит преодолеть, когда мы уже будем женаты. Ничто из этого не имело бы значения. Ничто, пока у меня был Аспен.

Перевод: Виктория Алексеева, Анастасия Канарик, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко, Лина «Aileen» Алехнович, Алена Игоревна
специально для http://vk.com/the_selection

# 5 ГЛАВА

Спустя неделю, я ждала Аспена в нашем древесном домике.

Пришлось изрядно потрудиться, чтобы бесшумно поднять наверх все, что я приготовила, но я справилась. Едва успев расставить тарелки, я услышала, как кто-то взбирается на дерево.

– Бу-у-у!

Аспен заглянул внутрь и рассмеялся. Я зажгла свечу. Он пролез глубже в домик, поцеловал меня, и я тут же начала рассказывать ему о событиях минувшей недели.

– Мне все никак не удавалось рассказать тебе о регистрации, – заметила я, возбужденная новостями.

– Как все прошло? Мама сказала, там было полно народу.

– Это сумасшествие, Аспен. Ты бы видел, как были одеты люди! И я уверена, что во всем этом гораздо меньше от лотереи, чем они утверждают. Я была права с самого начала: в Каролине есть куда более интересные личности, чем я. И любая из них гораздо лучше подойдет для роли Отобранной. Так что это все было пустой тратой времени.

– Все равно спасибо, что сделала это. Для меня это много значит, – он все еще не сводил с меня глаз. Он даже не огляделся, чтобы посмотреть, что еще было в домике; лишь упивался мной, как и всегда.

– Но лучшее из всего этого то, что моя мама, понятия не имея о моем

намерении подать заявку, подкупила меня, чтобы я это сделала.

Я не могла сдержать улыбку. Семьи богатых девушек уже начинали устраивать праздники, будучи уверенными, что именно их дочь будет выбрана для дальнейшего участия в Отборе. Я уже и не помнила, на скольких мероприятиях пела за последнюю неделю, порой успевая на два за один вечер, чтобы больше подзаработать. Мама была верна своему слову. Я чувствовала себя независимой с собственными деньгами в кармане.

– Подкупила тебя? И чем же? – На его лице читался интерес.

– Деньгами, конечно же. Смотри, я приготовила для тебя настоящий пир! – я отстранилась, чтобы взять тарелки. Я специально приготовила слишком много еды на ужин, чтобы и для него осталась порция, и пекла печенье несколько дней подряд, каждый раз откладывая понемногу. Мы с Мэй все равно ужасные сладкоежки, поэтому она была в восторге, когда я решила потратить свои деньги именно таким образом.

– Что все это?

– Еда. Я сама приготовила.

Меня распирало от гордости за проделанную работу. Сегодня, наконец-то, Аспен сможет наесться. Но, пока он принимал одну тарелку за другой, улыбка сползла с его лица.

– Аспен, что-то не так?

– Это неправильно, – он помотал головой и отвернулся от угощения.

– Что ты имеешь в виду?

– Америка, это я должен заботиться о тебе. Для меня унизительно приходить сюда и принимать все, что ты для меня делаешь.

– Но я всегда приношу тебе еду.

– Лишь свои объедки. Мне ли не знать лучше? Мне не стыдно брать то, что тебе больше не нужно. Но, если будем вместе... *Я* должен буду...

– Аспен, ты даешь мне все, что нужно. Ты обо мне заботишься. У меня есть те мон...

– Монетки? Ты думаешь, что вспоминать об этом сейчас - хорошая идея? Ты не понимаешь, как сильно я это ненавижу? Я обожаю слушать

твое пение, но не могу по-настоящему отплатить тебе!

– Ты вообще не должен мне за это платить! Это подарок. Ты можешь взять у меня все, что захочешь! – Я знала, что нам нужно быть осторожными и разговаривать как можно тише, но в тот момент мне было уже все равно.

– Я не нуждаюсь ни в чьих подачках, Америка. Я мужчина. Это я должен быть кормильцем.

Аспен запустил руки в волосы. Я видела, как его дыхание учащается. Как и всегда, когда он пытался взять себя в руки во время споров. Но на этот раз что-то странное читалось в его глазах. Вместо того чтобы постепенно приходить в себя, он все глубже впадал в замешательство. Стоило мне увидеть этот пустой потерянный взгляд, как моя злость мигом улетучилась. Вместо нее пришло чувство вины. Я не хотела задеть его самолюбие.

– Я люблю тебя, – прошептала я.

Он покачал головой.

– Я тоже тебя люблю, Америка.

Но он так и не взглянул на меня. Я взяла немного свежевыпеченного хлеба и положила ему в руки. Он был слишком голодным, чтобы не съесть ни кусочка.

– Я не хотела тебя обидеть. Я подумала, что тебе будет приятно.

– Нет, Мер, мне это нравится. Я не могу поверить, что *все это* ты сделала для меня. Просто… ты не представляешь, как сильно меня беспокоит, что я не могу сделать что-то подобное для тебя. Ты достойна лучшего.

К счастью, он жевал, пока говорил.

– Ты должен перестать думать так обо мне. Когда мы вместе, я не Пятая, а ты не Шестой. Мы просто Аспен и Америка. И все, чего я хочу в этой жизни – это быть с тобой.

– Но я не могу перестать *так* думать, – он посмотрел на меня. – Так уж меня воспитали. С ранних лет мне твердили: "Шестые рождаются, чтобы стать слугами", или "Шестые не должны попадаться другим на

глаза". Всю свою жизнь я учился быть незаметным, – он схватил меня за руку. – Если мы будем вместе, Мер, тебе тоже придется стать незаметной. И я не хочу для тебя такой жизни.

– Аспен, мы уже говорили об этом. Я знаю, что все будет по-другому, но я готова. Скажи, что еще мне сделать, чтобы ты в это поверил? – Я прижала ладонь к его груди. Там, где бьется сердце. – Когда ты будешь готов спросить меня, я буду готова сказать «да».

Было немного страшно вот так раскрывать свою душу, чтобы объяснить, насколько сильно я к нему привязана. Ему и так было известно все, что я говорила. Но если подобные откровения помогут ему вновь обрести храбрость, я потерплю. Его глаза изучали меня. Если он искал хоть каплю сомнения, он зря терял время. Аспен был единственным, в ком я была абсолютно уверена.

– Нет.

– Что?

*– Нет.*

Это слово било не хуже пощечины.

– Аспен?

– Не знаю, как я мог быть таким дураком, чтобы думать, будто это сработает.

Он снова провел рукой по волосам, будто стараясь избавиться от всех мыслей обо мне, хранившихся в его голове.

– Но ведь ты только что сказал, что любишь меня!

– Люблю, Мер. В том все и дело. Я не могу сделать тебя такой, как я. Не могу допустить, чтобы ты боялась, голодала и мерзла. Я не могу сделать тебя Шестой.

Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Он же не серьезно. Он не может… Но прежде, чем я смогла убедить его взять свои слова обратно, он уже двинулся к лазу, чтобы выбраться из домика.

– Куда ты?

– Я ухожу. Иду домой. Прости, что поступаю так с тобой, Америка, но все кончено.

– Что?

– Все кончено. Я больше не подойду к тебе.

Я заплакала.

– Аспен, пожалуйста! Давай поговорим. Ты просто зол.

– Больше, чем ты можешь представить. Но не на тебя. Я просто не могу так поступить, Мер. Не могу…

– Аспен, пожалуйста...

Он притянул меня к себе и поцеловал. По-настоящему. В последний раз. А затем исчез в ночи. И из-за глупых законов нашей страны, заставлявших нас скрываться, я не могла позвать его назад. Я не могла крикнуть напоследок, как сильно его люблю.

***

В течение следующих дней я знала: моя семья видит, что со мной что-то не так. Но они, должно быть, решили, что я нервничаю из-за Отбора. Слезы подступали по тысяче раз на дню, но я сдерживала их. Я просто дожидалась пятницы, надеясь, что все вернется на свои места, как только в Столичном Отчете назовут имена.

В своих мечтах я уже все спланировала: они объявят Силию или Кэмбер, и моя мама расстроится, но не так сильно, как могла бы, если бы выбрали незнакомую девушку. Папа и Мэй будут рады за них, ведь наши семьи были близки. Я знала, что Аспен должно быть думает обо мне так же, как я думаю о нем. Я могла биться об заклад, что он прибежит сюда еще до конца передачи, умоляя меня о прощении, прося моей руки. Это было бы немного преждевременно, поскольку никто не гарантировал, что его сестра победит, но он мог бы компенсировать это общим волнением того дня. Возможно, это облегчило бы многие вещи.

В моей голове, все сработало идеально. В моих мыслях были все счастливы.

***

Через десять минут должен был начаться Отчет, и мы все уже были

на своих местах. Наверняка не мы одни не хотели пропустить ни секунды сегодняшнего выпуска.

– Помню, как была выбрана королева Эмберли! О, я с самого начала знала, что она победит, – мама готовила попкорн, как перед просмотром увлекательного фильма.

– Мам, а ты участвовала в лотерее? – спросил Джерад.

– Нет, милый, мама была на два года младше нужного возраста. Но, к счастью, вместо этого я встретила вашего отца, – она улыбнулась и подмигнула.

О. Наверное, она была в хорошем расположении духа. Я не могла припомнить, когда в последний раз она так тепло отзывалась об отце.

– Королева Эмберли – лучшая королева на свете. Она такая красивая и умная! Каждый раз, когда я ее вижу по телевизору, я хочу быть как она, – с придыханием сказала Мэй.

– Она хорошая королева, – тихо добавила я.

Наконец, наступило восемь часов, на экране появился государственный герб, и зазвучал гимн. Я что и правда дрожала? Как же я хотела, чтобы все поскорее закончилось.

Появился король и сделал краткое сообщение о ходе войны. Остальные сообщения тоже не заняли много времени. Казалось, настроение у всех было приподнятое. Должно быть, им было так же интересно узнать результаты, как и нам.

Наконец, появился Мастер Развлечений и представил Гавриила. Тот подошел прямо к королевской семье.

– Добрый вечер, Ваше Величество, – обратился он к королю.

– Гавриил, всегда рад тебя видеть, – король был весь в предвкушении.

– С нетерпением ждете объявления результатов?

– О да. Я был в комнате, где проходила лотерея, и видел, как вытащили имена нескольких претенденток. Все они - очень милые девушки.

– Так Вы уже знаете, кто они? – уточнил Гавриил.

– Лишь некоторых.

– Он поделился этой информацией с Вами, сэр? – Гавриил обратился к Максону.

– Нет. Я увижу их вместе со всеми, – ответил Максон. Он старательно пытается скрыть волнение.

Я вдруг поняла, что мои ладони вспотели.

– Ваше Величество, – Гавриил подошел к королеве. – Какой-нибудь совет для Отобранных?

Она спокойно улыбнулась. Я не знала, как выглядели другие девушки во время того Отбора, но я не могла представить себе кого-то столь же красивого и элегантного, как она.

– Наслаждайтесь своей последней ночью в качестве обычного человека. Завтра ваша жизнь изменится навсегда. И старый добрый совет: будьте самими собой.

– Мудрые слова, моя королева, очень мудрые! А теперь позвольте объявить имена тридцати пяти Отобранных девушек. Дамы и господа, поприветствуйте следующих Дочерей Иллеи!

На экране появился государственный герб. В правом верхнем углу располагался квадрат с лицом Максона, чтобы нам было видно, как он отреагирует на ту или иную фотографию. Он уже сейчас начнет их оценивать, как и все мы.

Гавриил держал в руках карточки, готовый объявить имена девушек, чья жизнь, если верить королеве, вот-вот изменится навсегда. Отбор начинался прямо сейчас.

– Мисс Элаяна Стоулс из Ханспорта, Третья.

Появилось фото крошечной девушки с фарфоровой кожей. Она выглядела, как настоящая леди. Максон просиял.

– Мисс Тьюздей Кипер из Вейверли, Четвертая.

Появилась девушка с лицом, усыпанном веснушками. Она выглядела старше, более зрелой. Максон что-то прошептал королю.

– Мисс Фиона Кастли из Паломы, Третья.

На этот раз - брюнетка с испепеляющим взглядом. Может, она и была моей ровесницей, но выглядела более… опытной. Я повернулась к Маме

и Мэй, сидящим на диване.

– Ну, разве она не выглядит ужасно...?

– Мисс Америка Сингер из Каролины, Пятая.

Я быстро повернула голову и увидела это. Моя фотография сразу после того, как я узнала, что Аспен откладывает деньги, чтобы жениться на мне. Я сияла, лучилась надеждой. На этом фото я казалась красивой. И влюбленной. И какой-то идиот решил, что влюбленной в принца Максона.

Мама закричала у моего уха, а Мэй запрыгала, повсюду рассыпав попкорн. Джерад был так рад, что начал танцевать. А папа... Трудно было сказать, но мне казалось, что он улыбался за своей книгой.

Я пропустила выражение лица Максона.

Зазвонил телефон.

И это не прекращалось в течение нескольких дней.

Перевод: Виктория Алексеева, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко, Лина «Aileen» Алехнович, Алена Игоревна
специально для http://vk.com/the_selection

# 6 ГЛАВА

На следующей неделе наш дом был переполнен специалистами, готовящими меня к Отбору. Среди них была неприятная женщина, считавшая, что половина информации в моей заявке выдумана. Ее сопровождала дворцовая стража. Она приехала, чтобы обеспечить мою безопасность и поверхностно осмотреть наш дом. Оказывается, еще до прибытия во дворец мне стоило начать беспокоиться о возможных нападениях повстанцев. Замечательно.

Нам дважды звонила женщина по имени Сильвия, которой каким-то образом удавалось сочетать в себе официальность и непринужденность. Она интересовалась, не нужно ли нам что-нибудь. Моим любимым посетителем был худощавый человек с козлиной бородкой, приезжавший, чтобы снять мерки для моего нового гардероба. Во дворце я была обязана носить платья, прямо как королева. Я еще не решила, как к этому относиться, но с нетерпением ждала перемен.

Последний посетитель прибыл в среду, за два дня до моего отъезда. Он должен был обсудить со мной официальные правила конкурса. Этот человек был очень тощим, с зализанными назад темными сальными волосами. Прежде чем войти в дом, он спросил, есть ли где-нибудь тихое место, чтобы мы могли поговорить. Это было первым сигналом к тому, что что-то не так.

– Что ж, думаю, мы можем сесть на кухне, это подойдет? – Предложила мама.

Он промокнул лоб носовым платком и покосился на Мэй.

– Вообще-то любое помещение сгодится. Я просто подумал, что Вам не захочется, чтобы ваша младшая дочь слышала этот разговор.

Что он может сказать такого, что Мэй не должна слышать?

– Мама? – с надеждой переспросила она, расстроившись, что придется все пропустить.

– Мэй, дорогая, пойди, займись рисованием. Ты и так пренебрегала своими занятиями на этой неделе.

– Но...

– Давай я провожу тебя, Мэй, – предложила я, видя, как у нее на глаза наворачиваются слезы.

Когда мы спустились в холл, и уже никто не мог нас услышать, я обняла её.

– Не волнуйся, – прошептала я. – Вечером я все тебе расскажу. Обещаю.

К счастью, она не стала прыгать от радости и не выдала тем самым наш секрет. Она молча кивнула и направилась к своему маленькому уголку в папиной студии.

Мама приготовила чай для Тощего, и мы сели за кухонным столом, чтобы поговорить. Он принес с собой кипу бумаг и ручку, и папку с моим именем на обложке. Он аккуратно разложил все это перед собой и заговорил:

– Прошу прощения за такую скрытность, но среди того, что я собираюсь вам сказать, есть вещи, не предназначенные для детских ушей.

Мы с мамой обменялись быстрыми взглядами.

– Итак, приступим. Мисс Сингер, как бы грубо это ни прозвучало, с прошлой пятницы Вы являетесь собственностью Иллеи. Теперь Вы должны как следует заботиться о своем теле. У меня есть несколько документов, которые необходимо подписать, прежде чем я предоставлю Вам подробную информацию. Я должен предупредить, что любое нару-

шение договора с Вашей стороны приведет к незамедлительному исключению из Отбора. Вы понимаете?

– Да, – осторожно сказала я.

– Очень хорошо. Давайте начнем с простого. Вот витамины. Так как Вы относитесь к Пятой касте, могу предположить, что у Вас не всегда была возможность нормально питаться. Вы должны принимать по одной таблетке каждый день. Пока Вам придется делать это самостоятельно, но во дворце у Вас будет человек, чтобы помочь.

Он передал через стол большой бутылек и бумагу, которую я должна была подписать, подтверждая, что получила препарат. Я изо всех сил старалась сдержать смех. Кому нужна помощь, чтобы принять таблетку?

– У меня с собой заключение о медосмотре от Вашего доктора. Тут не о чем беспокоится. Похоже, у Вас превосходное здоровье. Хотя, он упомянул, что Вы плохо спите в последнее время.

– Да… то есть... это просто волнение. Бывает довольно трудно заснуть.

Это было почти что правдой. Дни пролетали в подготовках к переезду во дворец, зато по ночам, когда я оставалась одна, я думала об Аспене. Это было единственное время суток, когда я не могла помешать ему проникнуть в мои мысли, а он не особо стремился уходить.

– Понимаю. Если хотите, я могу отправить немного снотворного ближе к вечеру. Вы нам нужны хорошо отдохнувшей.

– Нет, мне не…

– Да, – вмешалась мама. – Прости, милая, но ты выжата как лимон. Пожалуйста, пришлите ей снотворного.

– Хорошо, мэм.

Тощий сделал очередную пометку в своем блокноте.

– Продолжим. Теперь... Я знаю, это личное, но мы должны обсудить этот вопрос с каждой участницей, так что, пожалуйста, не стесняйтесь. – Он помолчал. – Мне необходимо подтверждение Вашей девственности.

У мамы глаза на лоб полезли. Так вот почему Мэй должна была уйти.

– Вы что, серьезно? – я не верила своим ушам. Могли бы, по крайней мере, прислать женщину...

– Боюсь, что да. Это обязательное условие, и, если оно не может быть соблюдено, вы должны немедленно сообщить об этом.

Фу. И это в присутствии моей матери.

– Я знаю закон, сэр. Я не дура. Разумеется, я девственница.

– Поймите, пожалуйста. Если выясниться, что вы солгали...

– Ради Бога! У Америки и парня-то никогда не было! – воскликнула мама.

– Это правда, – я ухватилась за подсказку, надеясь поскорее закончить этот разговор.

– Очень хорошо. А теперь, подпишите этот документ, чтобы подтвердить Ваши слова.

Я закатила глаза, но подчинилась.

Я была рада, что Иллея существовала вопреки всем бедам и разрушениям. Но эти ограничения заставляли меня чувствовать себя скованной невидимыми цепями. Законы о том, кого можно любить, а кого нельзя, документы, подтверждающие девственность... Все это приводило в бешенство.

– Я должен обсудить с Вами несколько правил. Они очень просты. Не думаю, что будет сложно им следовать. Если у Вас появятся вопросы, Вы сможете их задать.

Он поднял глаза от своей кипы документов и уставился на меня.

– Хорошо, – промямлила я.

– Вы не сможете покинуть дворец по собственному желанию. Только принц может отослать Вас. Даже король и королева не могут этого сделать. Они могут сказать принцу, что не одобряют Вас, но только он решает, кому остаться, а кому уехать.

У Отбора нет временных ограничений. Он может быть закончен через несколько дней, а может длиться целые годы…

– Годы? – ужаснулась я. Не хотелось бы задержаться там так надолго.

– Не волнуйтесь. Принц вряд ли станет растягивать удовольствие.

Этот конкурс - шанс для него показать свою решительность. Если он позволит Отбору затянуться, это выставит его не в самом лучшем свете. Но если он все же решит не торопить события, Вы должны будете оставаться во дворце столько, сколько потребуется, то есть, пока принц не сделает свой выбор.

Должно быть, страх все же отразился на моем лице, потому что мама ободряюще сжала мою ладонь. Тощий, однако, и бровью не повел.

– Вы не можете выбирать время для встреч с принцем. Он сам найдет Вас, если захочет побыть с Вами наедине. Другое дело, если Вы находитесь в широком кругу людей, и он тоже присутствует. Но в его личные покои Вы не можете прийти без приглашения.

Не ссорьтесь с другими участницами и не провоцируйте их. Если выяснится, что Вы подняли руку на другую участницу, причинили ей какие -то неудобства, украли у нее или сделали что-то, что могло помешать развитию их с принцем отношений, он может отослать Вас домой, но может и не сделать этого - решать ему.

Предметом Ваших романтических увлечений может быть только принц Максон. Если Вас обнаружат пишущей любовные записки кому-то, кто остался здесь, или уличат в отношениях с другим человеком во дворце, это будет считаться изменой, и покарается смертью.

Мама закатила глаза, однако это, возможно, было единственным правилом, действительно обеспокоившим меня.

– Если окажется, что Вы нарушили какой-либо из писаных законов Иллеи, Вы понесете наказание, согласно тяжести преступления. Ваш статус Отобранной не ставит Вас выше закона.

Вы не должны носить одежду и есть пищу, полученную извне дворца. Это требование установлено ради Вашей же безопасности, и оно должно строго соблюдаться.

По пятницам Вас будут показывать во время трансляций Столичного Отчета. Иногда во дворце будут появляться люди с камерами и фотоаппаратами. Перед их приходом Вас заранее предупредят. Вы будете учтивы и позволите им запечатлеть развитие Ваших с принцем отноше-

ний.

За каждую неделю, проведенную Вами во дворце, Ваша семья будет получать денежную компенсацию. Перед тем, как уйти, я отдам Ваш первый чек. Если в ходе конкурса Вы покинете дворец, мы предоставим вам помощь в поиске жилья и работы, а Ваши горничные помогут Вам приспособиться к жизни после Отбора.

Если Вы войдете в десятку лучших, Вас будут считать Элитой. Как только Вы достигнете этого статуса, Вы сможете подробно ознакомиться с обязанностями принцессы Иллеи.

С этого момента вы причисляетесь к Третьей касте…

– К Третьей?! – воскликнули мы с мамой.

– Да. После Отбора девушкам сложно вернуться к своей прежней жизни. Вторые и Третьи справляются, а вот Четвертым и ниже приходится туго. Отныне Вы - Третья, но Ваши родные остаются Пятыми. Если Вы победите, Вы и все Ваши родственники станете Первыми, членами королевской семьи.

– Первыми... – это слово застыло на маминых губах.

– И если Вы дойдете до конца, выйдете замуж за принца Максона и станете коронованной принцессой Иллеи, Вы возьмете на себя все права и обязанности этого титула. Вы понимаете?

– Да.

С этой частью, какой бы значимой она ни казалась, было легче всего справиться.

– Очень хорошо. Подпишете, пожалуйста, подтверждение о том, что услышали все официальные правила, а Вы, Миссис Сингер, поставьте свою подпись вот тут, и я буду рад отдать Вам первый чек.

Я не видела сумму, которая была там указана, но ее глаза округлились. Я чувствовала себя ужасно, думая об отъезде, но была уверена: оно того стоит. Даже если меня вышвырнут на следующей же день, одного этого чека нашей семье хватит, чтобы прожить без нужды целый год. И когда я вернусь домой, у меня будет полно работы. Каждый захочет, чтобы я спела для него.

Но будет ли мне позволено петь, когда я стану Третьей? Если бы я могла выбрать одну из профессий, доступных людям Третьей касты, я стала бы учителем. Возможно, тогда я могла бы учить музыке других.

Тощий собрал свои бумаги и, поблагодарив нас за уделенное время и чай, собрался уходить. Последний дворцовый служащий, с которым мне осталось поработать, будет моим сопроводителем: человеком, который доставит меня из дома в аэропорт. И тогда... тогда я смогу побыть одна.

Наш гость попросил меня проводить его. Мама кивнула - ей хотелось поскорее накрыть стол к обеду. Мне не понравилось, что придется остаться с ним наедине. Что ж, это ненадолго.

– Есть еще кое-что, – сказал Тощий уже на пороге. – Это не совсем правило, но с Вашей стороны было бы глупо его проигнорировать. Если Принц Максон захочет провести с Вами время, Вы не должны отказываться. Неважно, что это будет. Ужин, прогулки, поцелуи... больше, чем просто поцелуи... все, что угодно. Не отказывайте ему.

– Простите? – Этот человек только что заставил меня подписать документ, подтверждающий мою невинность, а теперь советует, чтобы я позволила принцу Максону забрать ее, когда ему заблагорассудится?

– Я знаю, это звучит... неприлично. Но Вам не стоит перечить принцу ни при каких обстоятельствах. Хорошего вечера, мисс Сингер.

Я почувствовала отвращение. Закон Иллеи велел ждать до брака. Это помогало избежать болезней, и сохранить порядок в кастовой системе. Незаконнорожденных обращали в Восьмую касту, а повинных родителей сажали в тюрьму. Даже просто попав под подозрение, можно было провести несколько ночей за решеткой. Когда этот закон мешал мне быть вместе с человеком, которого я любила, меня это беспокоило. Но теперь, когда мы с Аспеном расстались, я была рада, что меня заставили поберечь себя.

Я была в бешенстве. Разве я только что не подписала предупреждение о том, что буду наказана за нарушение законов Иллеи? У меня не было привилегий перед законом. Он сам так сказал. У принца, очевидно, были. Я почувствовала такое унижение, какого не испытала бы, да-

же будучи Восьмой.

***

– Америка, это к тебе, милая, – пропела мама.

Я и сама слышала дверной звонок, но у меня не было ни малейшего желания приветствовать гостей. Не думаю, что смогу вынести еще одну автограф-сессию.

Я спустилась по лестнице в холл. Там, с букетиком полевых цветов, стоял Аспен.

– Здравствуй, Америка, – его тон был сдержанным, почти официальным.

– Здравствуй, Аспен, – мой был вялым.

– Это от Кэмбер и Силии. Они хотели пожелать тебе удачи.

Он сократил расстояние между нами и отдал мне цветы. Цветы от его сестер, не от него.

– Это ужасно мило! – воскликнула мама. Я и забыла, что она осталась в комнате.

– Как хорошо, что ты пришел, Аспен, – я старалась казаться столь же безразличной, как и он. – Я устроила беспорядок, пытаясь упаковать вещи. Не поможешь мне убраться?

Нас слышала моя мама, и ему пришлось согласиться. Шестые, как правило, не отказывались от работы. Он шумно выдохнул и кивнул.

Аспен проследовал за мной в мою комнату. Я всегда хотела, чтобы он мог беспрепятственно входить через парадную дверь и подниматься ко мне. Почему это стало возможным лишь теперь, когда ничего уже не вернуть?

Я толкнула дверь и застыла на пороге, услышав позади себя смех Аспена.

– Твои вещи паковала бешеная собака?

– Заткнись! Я просто долго не могла найти то, что мне было нужно, – я не смогла сдержать улыбку.

Мы принялись за работу, поднимая одежду и складывая ее в ровные

стопки.

– Ты не берешь ничего из этого? – прошептал он.

– Нет. Они обеспечат меня одеждой, начиная с завтрашнего дня.

– Оу.

– Твои сестры сильно расстроились?

– Нет, вообще-то, – он растерянно покачал головой. – Как только они увидели твое лицо, дом взорвался радостными криками. Они всегда были просто помешаны на тебе. Особенно мама.

– Мне нравится твоя мама. Она всегда очень добра ко мне.

Несколько минут прошли в молчании. Моя комната медленно приобретала нормальный вид.

– Твоя фотография... – начал он. – Ты была прекрасна на ней.

Было больно услышать от него подобный комплимент. Нечестно с его стороны после всего, что он сделал.

– Я для тебя старалась, – прошептала я.

– Что?

– Просто... Я думала, ты собираешься сделать мне предложение.

Мой голос прозвучал хрипло. Аспен молчал какое-то время, подбирая слова.

– Я думал об этом, но теперь это не важно.

– Нет, важно! Почему ты не сказал мне?

Он задумчиво потер шею.

– Я ждал.

– Чего? – Чего такого он мог ждать? Я не понимала.

– Призыва.

Это *было* поводом подождать.

Ждать призыва с нетерпением или со страхом - сказать сложно. В Иллее каждый девятнадцатилетний юноша мог стать солдатом. Набор в армию происходил дважды в год - чтобы отследить всех, у кого уже прошло шесть месяцев с последнего дня рождения. Срок службы составлял четыре года - с девятнадцати до двадцати трех лет. И это должно было вскоре случиться.

Конечно же, мы говорили об этом, но не всерьез. Наверное, в глубине души мы оба надеялись, что если не думать о призыве, он нас не коснется.

Было замечательно, что становясь солдатом, ты автоматически попадал во Вторую касту. Правительство брало тебя на полное содержание, а потом платило жалование всю оставшуюся жизнь. Главный же недостаток состоял в том, что ты никогда не знал, куда может забросить тебя судьба во время службы. Тебя, конечно же, забирали из родной провинции. Считалось, что ты будешь более снисходителен к людям, которых знал с рождения. Ты мог очутиться во дворце или полицейских отрядах чужой провинции. Или в вооруженных силах, отправлявшихся на войну. Лишь немногие мужчины возвращались домой, побывав в настоящих сражениях.

Если до призыва юноша не был женат, он почти всегда ждал. В лучшем случае, тебя разлучали с женой на четыре года. В худшем - она могла стать очень молодой вдовой.

– Я просто... не хотел для тебя такой жизни, – прошептал он.

– Я понимаю.

Он расправил плечи и попытался сменить тему.

– Итак, что ты берешь с собой?

– Немного вещей, чтобы переодеться, когда они, наконец, меня вышвырнут. Несколько книг и фотографий. Инструменты мне сказали оставить. Все что захочу, я смогу получить там. Так что все мои вещи - в этой маленькой сумочке.

Теперь, когда комната была прибрана, сумка вдруг показалась мне неожиданно большой. Принесенные им цветы стояли на письменном столе - единственное яркое пятно в моей серой комнате. А быть может, мне теперь все казалось тусклым... Теперь, когда все кончено.

– Не очень-то много, – заметил он.

– Я всегда довольствовалась малым. Тебе ли этого не знать?

Он закрыл глаза.

– Прекрати, Америка. Я поступил правильно.

– Правильно? Аспен, ты заставил меня поверить, что мы сможем со всем справиться. Ты позволил мне влюбиться в тебя. А потом уговорил участвовать в этом проклятом конкурсе! Ты хоть знаешь, что они отправляют меня туда, чтобы я стала одной из игрушек Максона?

Он вздрогнул.

– Что?

– И мне нельзя ему отказывать. *Ни в чем*.

Аспен побледнел, в его взгляде читалась злость. Его руки сжались в кулаки.

– Даже... даже если он не захочет жениться на тебе…? он сможет…?

– Да.

– Прости. Я не знал, – он пару раз глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. – Но если он выберет тебя... все будет хорошо. Ты заслуживаешь счастья.

Мое терпение иссякло. Я влепила ему пощечину.

– Ты идиот! – прошипела я. – Я его ненавижу! Я *тебя* любила! Ты – все, что мне было нужно!

У него на глазах выступили слезы, но мне было все равно. Он причинил мне достаточно боли, теперь пришел его черед.

– Мне пора, – сказал он и направился к двери.

– Подожди. Я не заплатила тебе.

– Америка, не нужно мне платить, – он снова собрался уйти.

– Аспен Леджер, если ты еще хоть шаг сделаешь…! – я сорвалась на крик. И он остановился, обратив, наконец, на меня внимание.

– А у тебя неплохо получается командовать. Пригодится тебе, когда станешь Первой.

Если бы не его взгляд, я бы приняла оскорбление за шутку. Я помотала головой и решительным шагом прошла к своему столу, где лежали деньги, заработанные на моих сольных выступлениях. Я сунула ему в руку все до копейки.

– Америка, я не возьму это.

– Черта с два ты не возьмешь! Мне они не нужны, а вот тебе очень

даже. Если ты любишь меня хоть немного, ты возьмешь их. Разве твоя гордость недостаточно нам навредила?

Я почувствовала, как какая-то его часть оцепенела. Он перестал сопротивляться.

– Ладно.

– И вот еще, – я пошарила под кроватью, достала крошечную баночку с монетками и высыпала их ему в ладони. Одна непослушная монетка приклеилась ко дну и никак не хотела отлипать. – Эти всегда были твоими. Ты должен потратить их на себя.

Теперь у меня не было ничего, что напомнило бы о нем. И, как только он потратит эти деньги, у него не останется ничего от меня. Я чувствовала, как подступает боль. На глаза наворачивались слезы. Я дышала часто, изо всех сил стараясь сдерживать всхлипы.

– Прости меня, Мер. Удачи, – он сунул деньги в карман и вышел, не обернувшись.

Я не думала, что буду оплакивать его уход *так*. Я ждала громких душащих рыданий, а не медленных, тихих слез.

Я уже собиралась поставить баночку на полку, как вдруг мне на глаза снова попалась эта несчастная монетка. Я сунула в банку палец и отлепила ее от дна. Монетка с тихим звоном покатилась по стеклянной поверхности. Этот приглушенный звук отозвался эхом в моей груди. Я знала: я не смогу отпустить Аспена, не сейчас. Возможно, никогда. Я открыла свою сумку и спрятала баночку на самое дно.

Я приняла одну из этих дурацких таблеток. Мэй проскользнула в мою комнату и свернулась калачиком у меня под боком. Я обняла ее и, наконец, заснула, позволяя усталости взять верх.

# 7 ГЛАВА

На следующее утро я оделась в форму Отобранных: черные брюки и белую блузку, и поместила в волосы цветок моей провинции - лилию. Обувь я могла выбрать сама. Я остановилась на поношенных красных балетках. Полагаю, что должна прояснить с самого начала - я не тот материал, из которого можно слепить принцессу.

Вскоре мы отправимся на главную площадь. У каждой из Отобранных сегодня были проводы в ее родной провинции. Не могу сказать, что ждала своих с нетерпением. Я буду просто стоять и ничего не делать, пока толпа людей будет таращиться на меня. Ситуация и без того глупая, так нам еще придется ехать длинным путем из соображений безопасности.

День начинался отвратно. Кенна и Джеймс пришли, чтобы проводить меня. Это было очень любезно с их стороны, учитывая, что моя сестра была беременна, и ее это сильно выматывало. Кота тоже приехал, хотя его присутствие добавило больше напряжения, чем радости. Когда мы шли от нашего дома к машине, он то и дело останавливался, чтобы поговорить с репортерами или попозировать для журналистов. Папа покачал головой, и все сели в машину, молча его дожидаясь.

Мэй была моим единственным утешением. Она взяла меня за руку, пытаясь передать мне хоть каплю своего энтузиазма. Мы все еще дер-

жались друг за друга, когда я очутилась на переполненной площади. Казалось, будто вся провинция Каролина собралась на грандиозное шоу. Они все пришли сюда, чтобы увидеть меня.

Со сцены, где я стояла, было видно толпы людей, и такое количество народу жутко смущало меня. Можно было легко проследить границы между кастами. Маргарита Стайнс, Третья. Ее взгляд метал в меня молнии, как и взгляды ее родителей. Тэниль Диггер, Седьмая, послала мне воздушный поцелуй. Высшие касты смотрели на меня так, будто я украла что-то принадлежащее им. Четвертые и люди из низших каст приветствовали меня - девушку из средних слоев, которой удалось подняться так высоко. На площади не было равнодушных. Пусть эти люди и не знали меня лично, для каждого из них я что-то значила.

Я постаралась сосредоточиться на лицах, держать голову поднятой. Это придало мне решимости. У меня появилась новая цель. Я буду лучшей из нас, Высшей из Низших: Америка Сингер, чемпион низших каст.

Речь мэра была воодушевляющей. Наконец он произнес:

– … И Каролину будет представлять прекрасная дочь Магды и Шэлома Сингеров, новоиспеченная Леди, Америка Сингер!

Люди приветственно зааплодировали. Некоторые бросали цветы. Я откликнулась на шум толпы, улыбнулась и помахала, а потом вернулась к изучению лиц, но уже с другой целью.

Я хотела увидеть одно-единственное лицо еще раз. Я не знала, придет ли он. Он сказал вчера, что я прекрасно выглядела на том фото, но был при этом еще более отчужденным, чем той ночью в нашем древесном домике. Все было кончено, я знала это. Но ты не можешь любить кого-то два года, а затем разлюбить за одну ночь.

Я внимательно вглядывалась в толпу. Но когда я, наконец, нашла его, тут же пожалела об этом. Аспен стоял там со счастливой улыбкой на лице, приобняв за талию Бренну Батлер.

Может, кто-то и способен разлюбить за ночь.

Бренна была из Шестой касты, моего возраста. Достаточно симпатичная, я думаю, хотя ничуть на меня не похожа. Полагаю, именно она по-

лучит спланированные мной свадьбу и жизнь. И, очевидно, призыв его больше не беспокоил.

Она улыбнулась ему и ушла к своей семье.

Любил ли он ее все это время? Была ли она той девушкой, с которой он встречался каждый день, а я - лишь глупой девчонкой, которая кормила его и осыпала поцелуями раз в неделю? Мне только теперь пришло в голову, что, возможно, он был таким раздражительным во время наших разговоров просто потому, что это были длительные и скучные часы притворства, действовавшие ему на нервы.

Я была слишком зла, чтобы плакать.

Кроме того, у меня были поклонники, которые жаждали моего внимания. Поэтому Аспен так и не узнал, что я его видела. Я вернулась к толпе, где каждое лицо светилось обожанием. Улыбаясь так широко, как никогда, я начала махать. Я не позволю Аспену извлечь удовольствие из моего разбитого сердца. Благодаря ему, я здесь. Что ж, быть может, мне и правда стоит попробовать насладиться моментом.

– Леди и джентльмены, давайте же пожелаем удачи Америке Сингер, нашей любимой Дочери Иллеи! – призвал мэр.

Позади меня небольшой оркестр заиграл государственный гимн. Больше подбадривающих криков, больше цветов.

Внезапно мэр оказался у самого моего уха.

– Хочешь сказать что-нибудь, дорогая?

Я не знала, как ответить "нет", чтобы не показаться грубой.

– Спасибо, но я так взволнована... не думаю, что смогу.

Он сжал мою ладонь.

– Конечно, милая девочка. Не волнуйся, сегодня я обо всем позабочусь. А там, во дворце, они научат тебя, как вести себя в таких ситуациях. Тебе это понадобится.

Затем мэр перечислил толпе мои таланты, лукаво отметив, что я очень умна и красива для Пятой. Он не казался мне очень уж высокомерным, но иногда даже самые приятные члены высших каст умудрялись унизить, сами того не желая.

Я еще раз взглянула на Аспена, когда обводила взглядом толпу. Его лицо словно превратилось в маску страдания. Это было полной противоположность того, как он выглядел всего пару минут назад, когда Бренна стояла рядом с ним. Очередная игра? Я отвела глаза.

Мэр все говорил, а я стояла рядом и улыбалась. Когда он закончил, люди ликовали так, будто он только что произнес самую вдохновенную речь в истории человечества.

Вот и все. Митси, моя сопроводительница, сказала мне тихо и побыстрому попрощаться с родными, чтобы мы с ней могли сесть в машину и направиться в аэропорт.

Кота обнял меня и сказал, что гордится мной. И не слишком тонко намекнул, чтобы я рассказала о его скульптурах Принцу Максону. Я высвободилась из его объятий так изящно, как только смогла.

Кенна плакала.

– Мы даже сейчас едва видимся. Что я буду делать, когда ты уедешь? – жаловалась она.

– Не волнуйся. Я очень скоро вернусь домой.

– Ну конечно! Ты самая красивая девушка в Иллее. Он сразу полюбит тебя!

Почему все думают, что все сводится к одной лишь красоте? Хотя, возможно, так и есть. Быть может, принцу Максону не нужна жена, с которой будет о чем поговорить. Быть может, ему будет достаточно, красивой безмозглой куклы.

Меня бросило в дрожь при мысли о будущем с таким человеком. Хорошо, что я не самая красивая из участниц.

Кенну было сложно обнять из-за ее живота, но мы справились. Джеймс, которого я едва знала, тоже меня обнял. Затем пришел черед Джерада.

– Будь хорошим мальчиком, ладно? Попробуй игру на фортепиано. Держу пари, в этом ты будешь неотразим. Покажешь мне, чему научился, когда я вернусь.

Джерад печально кивнул и обвил свои крошечные ручки вокруг меня.

– Я люблю тебя, Америка.

– Я тоже тебя люблю. Не грусти. Я скоро буду дома.

Он снова кивнул, и все же обиженно скрестил руки. Я и представить не могла, что он так воспримет мой отъезд. Зато Мэй наоборот: она покачивалась на носках, временами даже подпрыгивая от восторга.

– О, Америка! Ты будешь принцессой! Я знаю это!

– О, замолчи! Я лучше стану Восьмой и поселюсь под твоим окном. Ради меня, будь умницей и трудись усердно.

Она кивнула и качнулась еще раз, а потом пришло время папы. В его глазах стояли слезы.

– Папочка! Не плачь. – Я упала в его объятья.

– Послушай меня, котенок. Победишь ты или нет, для меня ты всегда будешь принцессой.

– О, папа... – И тут я расплакалась.

Одной этой фразы хватило, чтобы ушли страх, грусть и беспокойство - лишь одной фразы, означавшей, что все это было не важно. Если даже я вернусь использованной и нежеланной, он все равно будет гордиться мной. Его слова так много значили для меня. Во дворце меня будут охранять сотни стражников, но я никогда не смогу представить себе место, где буду чувствовать себя так же безопасно, как в объятьях отца.

Я отстранилась, чтобы обнять маму.

– Делай все, что тебе говорят. Постарайся перестать дуться и насладиться каждым моментом. Веди себя хорошо. Улыбайся. И держи нас в курсе. О, я всегда знала, что ты будешь особенной!

Она старалась таким образом приободрить меня, но я бы хотела услышать другое. Я хотела бы, чтобы она сказала, что я всегда была особенной для нее так же, как и для отца. Но я догадывалась, что она никогда не перестанет требовать от меня большего. Желать для меня большего. Наверное, так поступают все матери.

– Леди Америка, Вы готовы? – спросила Митси.

Я быстро вытерла слезы и только потом повернулась к толпе.

– Да. Абсолютно готова.

Моя сумка ждала меня в белой блестящей машине. Вот и все. Я двинулась к краю сцены, к ступенькам.

– Мер!

Я обернулась. Я бы узнала этот голос из тысячи.

– Америка!

Я поискала его взглядом и, наконец, увидела размахивающего руками Аспена. Он пробивался ко мне сквозь толпу. Те, кому от него достался толчок, возмущенно ворчали.

Наши взгляды встретились.

Он замер, не сводя с меня глаз. Я не смогла прочесть эмоции на его лице. Беспокойство? Сожаление? Что бы то ни было, уже поздно. Я помотала головой. Хватит с меня его игр.

– Сюда, Леди Америка, – позвала Митси, стоя на первой ступеньке лестницы.

Я дала себе пару секунд, чтобы привыкнуть к новому имени.

– До свидания, милая! – выкрикнула мама.

И меня увели.

Перевод: Виктория Алексеева, Юлия Спиридонова, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко, Лина «Aileen» Алехнович, Алена Игоревна
специально для http://vk.com/the_selection

# 8 ГЛАВА

Я приехала в аэропорт первая, жутко нервничая. Кружащее голову возбуждение от толпы исчезло, и на меня снова нахлынули страх и волнение. Я постаралась взять себя в руки. Мне придется лететь в самолете вместе с четырьмя другими Отобранными, и я не хотела выказать им свою панику.

Я уже наизусть знала имена, лица и касты всех своих соперниц. Поначалу их заучивание помогало мне успокоиться. А потом я начала искать дружелюбные лица, прикидывая, с кем из девушек мне, возможно, захотелось бы пообщаться в процессе конкурса.

У меня никогда не было настоящих друзей. Я провела все свое детство, играя с Кенной и Котой. Образование мне дала мама, она же была единственным человеком, с которым мне довелось поработать. Когда ушли старшие, я посвятила себя Мэй и Джераду. И Аспену.

Но мы с Аспеном никогда не были просто друзьями. Как только я по-настоящему узнала его, я влюбилась.

Теперь он держит за руку другую девушку.

Слава Богу, я была одна. Я не смогла бы сдержать слез перед другими Отобранными. Это было больно. *Мне* было больно, и я ничего не могла с этим поделать.

Как, черт возьми, я до такого дошла? Еще месяц назад я была абсо-

лютно уверена в своей жизни, а теперь все, что было мне знакомо, потеряно навсегда. Новый дом, новая каста, новая жизнь. И все это из-за глупого клочка бумаги и фотографии. Мне хотелось просто сидеть и рыдать - оплакивать все, что я потеряла.

Я задумалась: было ли другим девушкам сегодня *грустно*? Конечно же, нет. И мне надо приложить все усилия, чтобы не выделяться из группы счастливых лиц, ведь на меня будет смотреть вся страна.

Я представила все, через что мне еще предстоит пройти, и наказала себе быть сильной. Я смирюсь со всем, что бы со мной ни происходило. А прошлое пусть останется позади. И *он* тоже. Дворец станет моим убежищем. Я больше не вспомню его имени и никогда не произнесу его вслух. Я не позволю ему поехать туда со мной. Все, хватит. Прощай, Аспен.

***

Примерно полчаса спустя, две девушки в белых рубашках и черных брюках, точь-в-точь как у меня, вошли в зал ожидания. Обе они улыбались, подтверждая мои догадки о том, что я единственная из Отобранных была сегодня подавлена.

Настало время выполнить свое обещание. Я настроилась и встала, чтобы пожать им руки.

– Привет, – бодро поздоровалась я. – Я - Америка.

– Я знаю! – воскликнула девушка справа.

Блондинка с карими глазами. Я тут же узнала её - Марли Тэймс из Кента. Четвертая. Она даже внимания не обратила на мою протянутую руку, вместо этого заключив меня в крепкие объятия.

– Ох! – выдохнула я.

Я не ожидала такого. Хоть Марли и была из тех девушек, чьи лица казались искренними и дружелюбными, мама целую неделю убеждала меня смотреть на всех них как на соперниц, и ее агрессивный настрой все же проник и в мой разум. В общем, я ждала крайне "радушного" приема от девушек, готовых драться со мной на смерть за что-то совершенно

мне не нужное. А вместо этого меня обняли.

– Я Марли, а это Эшли.

Да, Эшли Бруйлетт из Аллена, Третья. Тоже блондинка, но ее волосы были гораздо светлее, чем у Марли. И пронзительные голубые глаза очень гармонично смотрелись на ее умиротворенном лице. Рядом с Марли она казалась хрупкой.

Обе они были с Севера. Думаю, поэтому они приехали вместе.

Эшли лишь слегка помахала мне и улыбнулась. Может, она просто была застенчивой? А может, все дело в том, что, будучи урожденной Третьей, она лучше нас знала, как себя следует вести.

– Мне нравятся твои волосы! – воскликнула Марли. – Хотела бы я иметь рыжие волосы. Они делают тебя такой живой! Я слышала, что у людей с рыжими волосами сложный характер. Это правда?

Несмотря на отвратительное начало дня, я не смогла не улыбнуться, так естественно вела себя Марли.

– Не думаю. В смысле, да, у меня иногда бывает плохое настроение… Но моя сестра тоже рыжая, и она очень легка на подъем.

На этом наш разговор перетек в непринужденную беседу о том, что нам нравится, и от чего зависит наше настроение. Марли любила кино. Я тоже, хоть мне и редко удавалось что-то посмотреть. Мы болтали об актерах, выясняя, кто же из них на наш взгляд был самым привлекательным. Это казалось странным, учитывая, что мы обе входили в отряд потенциальных невест принца Максона.

Эшли хихикала время от времени, но не более того. Если ее спрашивали напрямую, то она давала краткие ответы и снова натягивала вою сдержанную улыбку.

Зато мы с Марли быстро нашли общий язык. Это давало надежду, что я не зря проведу во дворце время - по крайней мере, заведу друзей. Мы проболтали около получаса, но время пролетело незаметно. Мы бы и не прервали наш разговор, если бы не услышали стук высоких каблуков по полу. Все трое, мы одновременно обернулись на звук, и я краем глаза заметила, как у Марли отвисла челюсть.

Прямо к нам шла дерзкая брюнетка в солнцезащитных очках. В ее волосах была маргаритка, специально покрашенная в красный, чтобы лучше сочетаться с цветом ее губной помады. Она шла, покачивая бедрами, и каждое "клац" трехдюймовых каблуков подчеркивало ее уверенность в себе.

В отличие от Марли и Эшли она не улыбалась. Но не потому, что ей было грустно, нет. Она была сосредоточена. Ее появление должно было произвести неизгладимое впечатление, вселить в нас страх. И это подействовало на тихую Эшли. Я слышала, как она выдохнула "о, нет", когда незнакомка подошла ближе.

Я узнала в ней Селесту Ньюсом из Клермонта, Вторую, и меня она ничуть не беспокоила. Она, должно быть, думала, что мы боремся за одно и то же. Но я вовсе не собиралась претендовать на то, что ей так хотелось заполучить.

Селеста, наконец, дошла до нас.

– Привет, – пискнула Марли, пытаясь быть дружелюбной, даже трясясь от страха.

Селеста холодно посмотрела на нее и вздохнула.

– Когда мы отправляемся? – спросила она.

– Понятия не имеем, – ответила я без тени страха. – Приди ты пораньше, мы быть может, уже сидели бы в самолете.

Очевидно, это ее задело. Она смерила меня уничижительным взглядом, но на меня это не подействовало.

– Прости, но очень уж много народу хотело со мной попрощаться. Никак не могла от них отделаться, – она широко улыбнулась, как будто намекая на очевидное: мы все ничтожества по сравнению с ней. И скоро меня будут окружать такие, как она. Прекрасно.

В этот самый момент в дверях слева от нас появился мужчина.

– Я слышал, все четверо наших Отобранных уже здесь?

– Так и есть, – сладко ответила Селеста.

Мужчина буквально растаял от ее голоса. Ах. Так значит, это ее игра. Капитан замешкался на какое-то время, а потом, спохватившись, быст-

ро пробормотал:

– Эм... Леди, проследуйте, пожалуйста, за мной. Я провожу вас в самолет, и доставит в ваш новый дом.

Полет длился несколько часов и оказался страшным лишь на взлете и при посадке. Нам предлагали фильмы и еду, но все, чего мне хотелось - это смотреть в окно. Я глядела на свою страну с высоты птичьего полета, и поражалась, какая же она большая.

Селеста решила спать в течение всего полета, что было небольшим актом милосердия с ее стороны. Эшли разложила столик и начала записывать происходящее. Она молодец, что догадалась прихватить с собой бумагу. Держу пари, Мэй хотелось бы услышать об этой части путешествия, пусть даже она и не включала в себя принца.

– Она так элегантна, – шепнула мне Марли, кивая в сторону Эшли. Мы сидели друг напротив друга в шикарных креслах в носовой части небольшого частного самолета. – Она всегда такая спокойная и сдержанная. Она будет сильной соперницей, – сказала она со вздохом.

– Ты не можешь думать об этом так, – ответила я. – Ты должна пытаться дойти до самого конца, не мешая при этом другим. Просто будь собой. Кто знает? Может, Максон предпочитает боле расслабленных девушек.

Марли обдумала мои слова.

– Думаю, ты хорошо это подметила. Но ее сложно не полюбить, ведь она ужасно мила и очень красива.

Я согласно кивнула. Марли перешла на шепот:

– С другой стороны, Селеста...

Мои глаза расширились в притворном ужасе, и я замотала головой.

– Я знаю. Прошел всего час, а я уже не могу дождаться, когда ее отправят домой.

Марли прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться в голос.

– Я не хочу ни о ком говорить плохо, но она крайне агрессивная. И это когда Максона еще даже не видно. Если честно, я немного переживаю из-за нее.

– Не стоит, – успокоила я ее. – Девушки как эта? Они считают себя вне конкуренции.

Марли вздохнула.

– Надеюсь, что так. Иногда мне хочется...

– Чего?

– Ну, иногда мне хочется, чтобы Вторые на себе ощутили, как они относятся к нам.

Я кивнула. Я никогда не думала, что мы с Четвертыми были на одном уровне. Оказывается, наш ситуации были похожи. На всех, кто не был Вторым или Третьим, высшие касты смотрели с пренебрежением.

– Спасибо, что разговариваешь со мной, – сказала она. – Я беспокоилась, что все будут заняты только собой, но ты и Эшли, вы обе очень милы. Быть может, будет даже весело.

Я не разделяла ее надежд, но все же улыбнулась в ответ. У меня не было причин избегать Марли или грубить Эшли. Но другие девушки могли оказаться не такими дружелюбными.

Самолет приземлился. Мы молча, в сопровождении стражи, пошли к терминалу. Кругом было тихо.

Но лишь только дверь отворилась, раздался оглушительный рев толпы. В терминале было полно народу, люди прыгали от восторга и приветствовали нас. Наш путь был устлан золотой ковровой дорожкой и огорожен веревочными барьерами. Через равные промежутки вдоль этого коридора стояли дворцовые стражники, внимательно осматривая толпу, готовые незамедлительно отреагировать при первом же намеке на опасность. Неужели для них не нашлось работы поважнее?

К счастью, Селеста шла впереди и начала махать. Я сразу поняла, что это было более правильным решением, нежели съежится от страха, как это сделала я. И поскольку повсюду были камеры, чтобы заснять каждое наше движение, я еще сильнее обрадовалась, что не вела группу.

Толпа была вне себя от радости. Обычные люди, такие же, как мы когда-то - все они жаждали взглянуть на девушек, приехавших в город. Одна из нас однажды станет Королевой.

Я вертела головой с бешеной скоростью, мое имя доносилось со всех сторон битком набитого терминала. Тут даже были плакаты с моим именем. Я была поражена. Здесь были люди не из моей касты, не из моей провинции, которые надеялись, что принц выберет меня. У меня свело живот от чувства вины, ведь мне придется разочаровать их всех.

На мгновение я опустила глаза и увидела маленькую девочку, прижавшуюся к перилам. Она была немногим старше двенадцати лет. В ее руках был плакат с надписью "РЫЖИЕ РУЛЯТ!" с маленькой нарисованной короной в углу и крошечными звездами, разбросанными по всему листу бумаги. Я знала, что я была единственной рыжеволосой в конкурсе, и я заметила, что ее волосы были почти такого же оттенка, как мои.

Девочка хотела автограф. Кто-то рядом с ней хотел сфотографироваться со мной, еще кто-то - пожать мне руку. Так я прошла почти весь путь, раз или два оборачиваясь, чтобы не обделять вниманием людей по ту сторону ковровой дорожки.

Я была последней, кто остался внутри. Другим девушкам моей группы пришлось ждать меня, наверное, минут двадцать. Честно говоря, я бы осталась и подольше, но прибыл самолет со следующей партией Отобранных, и было бы грубо отнимать у них время. Когда я садилась в машину, то заметила, как Селеста закатила глаза, но мне было все равно.

Мне было немного не по себе от того, как быстро я влилась в атмосферу этой новой жизни. Я прошла через прощание с родными и первую встречу с другими Отобранными, через мой первый полет и общение с толпой наших поклонников, даже ни разу не опозорившись.

Я вспомнила о камерах, следящих за мной на терминале, и представила как, моя семья смотрит мой выход по телевизору. Я надеялась, что они мной гордятся.

# 9 ГЛАВА

Даже после встречи в аэропорту дороги, ведущие к дворцу, были переполнены толпами людей, выкрикивающими свои пожелания. Жаль, нам не разрешили открыть окна, чтобы поприветствовать их в ответ. По совету стражи, мы должны были думать о себе, как о членах королевской семьи. Большинство нас обожали, но были и такие, кто готов был навредить нам лишь для того, чтобы доставить неприятности принцу и монархии в целом.

Когда мы оказались в специальной машине с тонированными стеклами, мне пришлось сесть рядом с Селестой. Эшли и Марли сели вместе напротив. Марли посмотрела в окно и просияла. Неудивительно, ведь её имя было на стольких плакатах. Невозможно было сосчитать всех ее поклонников. Имена Эшли и Селесты мелькали изредка, и все же куда чаще моего. Эшли, истинная леди, спокойно приняла то, что не стала всеобщей любимицей. Но Селеста, как я заметила, была крайне раздражена.

– Как думаешь, что она сделала? – прошептала Селеста мне на ухо, пока Марли и Эшли тихо разговаривали друг с другом.

– Ты о чем? – в ответ прошептала я.

– Ну, чтобы стать такой популярной… Думаешь, она подкупила кого-нибудь? – она смерила Марли холодным, оценивающим взглядом.

– Она Четвертая, – с сомнением ответила я. – У нее нет средств, чтобы подкупить кого-то.

Селеста фыркнула:

– Я тебя умоляю. У девушек есть способы и помимо денег, чтобы добиться желаемого, – сказала она и, отодвинувшись, стала смотреть в окно.

Я не сразу поняла, что она имела в виду. Наверное, потому что я и представить себе не могла, как такая невинная девушка, как Марли стала бы спать с кем-то, чтобы выбраться вперед. Оказывается, жизнь во дворце может оказаться еще более порочной, чем я предполагала.

Мне было сложно разглядеть приближающийся дворец, но я хорошо видела окружающие его стены: бледно-желтые и очень-очень высокие. Стража стояла по обе стороны от массивных ворот, которые широко распахнулись, приглашая нас внутрь. Перед нами приветственно раскинулась длинная гравийная дорожка. Она вела к парадному входу, на полпути огибая большой фонтан. Нас уже ждали.

Едва поприветствовав нас, две женщины подхватили меня под руки и поволокли внутрь.

– Прощу прощения за спешку, мисс, но ваша группа опоздала, – сказала одна.

– О, боюсь, это моя вина. Я немного заболталась в аэропорту.

– Говорили с толпой? – удивилась другая. Они обменялись взглядами, значения которых я не поняла, и принялись называть комнаты, мимо которых мы проходили.

Справа была столовая, слева - Большой Зал. Я мельком увидела стеклянные двери, ведущие в сад. Жаль, нельзя было остановиться и осмотреть всё как следует. Прежде чем я успела понять, куда мы идем, меня запихнули в большую комнату, в которой было полно народу.

Толпа расступилась, и я увидела стройные ряды зеркал и стендов с одеждой, и других Отобранных, прибывших раньше нас. Люди суетились вокруг них, поправляя прически и заканчивая макияж, то и дело выкрикивая что-то вроде: "Мне нужна краска!" или "Это ее полнит!"

– А вот и они! – к нам приближалась женщина, очевидно, всем здесь заправляющая. – Я Сильвия. Мы говорили по телефону, – представилась она и тут же перешла к делу.

– Для начала нам нужны фотографии «до». Пройдите сюда, – скомандовала она, указывая на кресло в задрапированном углу. – И, леди, не надо стесняться камер. Когда мы закончим с преображениями, каждая девушка в Иллее захочет выглядеть так же, как вы.

И, конечно же, тут и там бродили группы людей с фотоаппаратами, щелкая ножки в туфлях и наманикюренные пальчики, и брали у девушек интервью. Как только наши фотографии «до» были сделаны, Сильвия начала раздавать указания:

– Посадите Леди Селесту за четвертую стойку, а Леди Эшли за пятую! Отправьте Леди Марли на третью и Леди Америку на шестую.

– Итак, что у нас тут? – задумчиво пробормотал невысокий темноволосый мужчина, усаживая меня в кресло с цифрой шесть на спинке. – Давай-ка обсудим твой образ.

Он внимательно смотрел на меня, ожидая чего-нибудь в ответ.

– Мой образ? – переспросила я. Разве я не должна быть собой? Разве не поэтому я здесь?

– Какой образ мы с тобой хотим создать? С этими рыжими волосами мы можем сделать из тебя настоящую соблазнительницу, но если хочешь притвориться тихоней, мы и это организуем, – как ни в чем не бывало рассуждал он.

– Я не стану полностью меняться, чтобы угодить парню, которого даже не знаю, – *и который мне даже не нравится*, добавила я про себя.

– Боже мой. Да у нас здесь личность? – он всплеснул руками, словно я была неразумным ребенком, пытающимся диктовать свои права.

– Разве не все здесь такие?

Мужчина вдруг улыбнулся.

– Хорошо. Мы не станем менять твой образ. Мы просто чуточку его усовершенствуем. Тебя нужно будет немножко отполировать. Но твое стремление к естественности может стать твоим самым сильным пре-

имуществом здесь. Продолжай в том же духе, милая, – он похлопал меня по плечу и отошел, освобождая возле меня место для группки суетливых женщин.

Я не думала, что когда он сказал "отполировать", он и правда имел это в виду. Женщины хорошенько выскребли меня мочалками. Очевидно, самой мне не могли доверить столь ответственную работу. Затем каждая клеточка моей кожи была пропитана лосьонами и маслами, отчего я запахла ванилью. Как утверждала девушка, наносившая их, это один из любимых ароматов Максона.

После того, как мою кожу сделали гладкой и упругой, все внимание переключилось на ногти. Они были подрезаны и отшлифованы, а участки огрубевшей кожи вокруг них чудесным образом исчезли. Я сказала женщинам, что не хотела бы красить ногти, но это так их расстроило, что мне пришлось согласиться на педикюр. Они подобрали хороший нейтральный оттенок так, что выглядело не так уж плохо.

Команда, занимавшаяся моими ногтями, оставила меня и направилась к следующей девушке, а я спокойно сидела в кресле, ожидая следующего этапа преображения. Ко мне подскочила женщина-фотограф.

– Не двигайся, – приказала она и покосилась на мою руку. – У тебя на ногтях хоть что-нибудь есть?

– Нет.

Она вздохнула, сфотографировала мои ладони и отправилась дальше.

Я и сама вздохнула. Краем глаза я заметила, как справа от меня что-то дернулось. Я обернулась и увидела девушку. Она смотрела в никуда и покачивала ногой вверх-вниз под огромной парикмахерской накидкой.

– Ты в порядке? – спросила я.

Мой голос вывел её из транса. Она вздохнула.

– Они хотят перекрасить меня в блондинку. Сказали, что с моим оттенком кожи этот цвет будет смотреться лучше. Наверное, я просто нервничаю, – она слабо улыбнулась мне, и я ответила тем же.

– Ты Созі, верно?

– Да, – ее улыбка стала шире. – А ты Америка?

Я кивнула.

– Я слышала, что ты приехала с той девушкой, Селестой. Она ужасна!

Я закатила глаза. С тех самых пор, как мы приехали, каждые несколько минут раздавался голос Селесты. Она то и дело кричала на бедных служанок, чтобы те принесли ей чего-нибудь или убрались с дороги.

– Ты даже не представляешь насколько, – пробормотала я, и мы обе засмеялись. – Слушай, я думаю, твои волосы и так очень красивые, – они и правда были такими: не слишком темные, не слишком светлые и очень густые.

– Спасибо.

– Ты не обязана красить их, если не хочешь.

Девушка улыбнулась, но было видно, что она сомневается: пыталась ли я быть дружелюбной или хотела остановить ее ради собственной выгоды. Прежде чем она успела ответить, пришли люди, чтобы нами заняться. Они так громко спорили, что у нас просто не было возможности закончить разговор.

Мои волосы вымыли, увлажнили, высушили и выпрямили. Изначально они все были одинаковой длины - это было лучшее, что смогла сделать мама. Когда парикмахеры закончили, они стали на несколько дюймов короче и заструились каскадом. Мне это нравилось. Теперь на моих волосах свет играл интересными переливами. Некоторым девушкам добавили по несколько светлых прядей, а других, как Созе, полностью перекрасили. Но мы с моей командой стилистов сошлись во мнении, что тут мне лучше все оставить как есть.

Очень хорошенькая девушка сделала мне макияж. Я попросила, чтобы он был легким, и вышло довольно хорошо. Большинство девушек выглядели немного старше или младше, или же просто симпатичнее после макияжа. Когда со мной закончили, я все еще была собой. Конечно, как и Селеста, ведь она все время настаивала на своем.

Почти все это время я провела в халате, и только когда стилисты закончили с укладкой, меня подвели к стойкам с одеждой. На стойке с моим именем висел недельный запас платьев. Полагаю, почти-что-

принцессам запрещено носить брюки.

Я остановила свой выбор на платье-футляре кремового цвета. Оно открывало плечи и красиво облегало фигуру. Девушка, помогавшая мне одеться, назвала его «дневным». Она сказала, что мои вечерние наряды уже доставлены в мою комнату, и что оставшиеся здесь тоже отнесут туда. Затем она приколола мне на платье серебряную брошку. На ней блестело мое имя. Наконец, она впихнула меня в туфли на низеньком каблучке, который она почему-то называла «кошачьим»*, и отправила меня обратно в задрапированный угол, чтобы фотограф сделал снимок «после».

Отсюда меня направили к одной из четырех невысоких платформ, выставленных в ряд вдоль стены. На каждой из них стоял стул, и, прямо напротив, были установлены камеры. Я села на один из стульев и стала ждать.

Пришла женщина с планшетом в руках и попросила меня подождать еще немного, пока она ищет мои документы.

– Зачем все это? – спросила я.

– Сюжет о твоем преображении. Мы покажем репортаж о вашем приезде сегодня, о преображениях в среду, а в пятницу вы посетите свой первый Столичный Отчет. Люди видели ваши фото и немного осведомлены о том, что было в ваших анкетах, – объясняла она, доставая бумаги и прикрепляя их на свой планшет. Закончив, она положила планшет на колени и сплела пальцы. – Но мы хотим, чтобы они по-настоящему прониклись к вам. А этого не случится, пока вы не дадите им себя узнать, поэтому мы устроим небольшое интервью прямо сейчас. А в дальнейшем постарайся хорошо подать себя во время трансляций Отчета и не стесняйся камер во дворце. Мы здесь не каждый день, но иногда будем появляться.

– Хорошо, – послушно сказала я. На самом деле мне страшно не хотелось говорить с журналистами. Все это выглядело немного навязчиво.

---

* *«кошачьим»* называют тонкий низенький каблучок до 3,5 сантиметров

– Итак, Америка Сингер, верно? – спросила она спустя пару секунд, когда на камере загорелась красная лампочка.

– Точно, – я постаралась избавиться от волнения в голосе.

– По правде говоря, я не вижу в тебе особых перемен. Не могла бы ты рассказать нам, что происходило сегодня в твоей гримерной?

Я задумалась.

– Они уложили мои волосы. Мне это нравится, – я провела рукой по рыжим прядям, чувствуя, какими мягкими они стали после профессионального ухода. – И они натерли меня ванильным лосьоном. Я теперь пахну словно какой-нибудь десерт, – сказала я, нюхая свою руку.

Она рассмеялась.

– Что ж, мило. И платье тебе очень идет.

– Спасибо, – сказала я, еще раз оглядывая свой новый наряд. – Я раньше не носила платья, так что мне понадобится немного времени, чтобы привыкнуть.

– Это верно, – сказала мой интервьюер. – Ты одна из троих Пятых, попавших в Отбор. Как тебе такой опыт?

Я покопалась в мыслях в поисках подходящего слова, чтобы описать весь сегодняшний день. Начиная с моего разочарования на площади, незабываемых ощущений от полета и приятных моментов с Марли.

– Удивительно, – наконец, ответила я.

– Я представляю, сколько еще удивительных дней ждет тебя здесь, – прокомментировала она.

– Если честно, я надеюсь, они будут хоть чуточку спокойнее, чем сегодня, – со вздохом заметила я.

– Что ты думаешь о конкуренции на данный момент?

Я сглотнула.

– Все девушки очень милые, – *с одним явным исключением*.

– Мм-хмм, – промычала она, будто бы услышав мои мысли. – Итак, что ты думаешь о результатах своего преображения? Обеспокоена еще чьим-нибудь внешним видом?

Я задумалась. Ответ "нет" прозвучит грубо, "да" - убого.

– Я думаю, стилисты славно потрудились и подчеркнули красоту каждой девушки.

– Хорошо. Думаю, этого будет достаточно, – сказала она с улыбкой.

– Это все?

– У нас всего полтора часа, а опросить нужно тридцать пять девушек, так что да, думаю, этого хватит.

– Хорошо.

Все прошло не так уж и плохо.

– Спасибо за уделённое время. Можешь присесть на том диване, о тебе позаботятся.

Я встала и направилась к большому круглому дивану в углу комнаты. Там уже сидели, тихо переговариваясь, две девушки. Я услышала, как кто-то объявил о прибытии последней партии Отобранных. Около стоек опять началась суматоха. Я так сосредоточилась на этом, что едва заметила, как Марли присела рядом.

– Марли! Ты только взгляни на свои волосы!

– Я знаю! Они сделали наращивание. Как думаешь, Максону понравится? – казалось, это и правда очень ее беспокоило.

– Конечно! Какому парню не понравится великолепная блондинка? – игриво подмигнув, заверила я ее.

– Америка, ты такая славная. Все те люди в аэропорту просто влюбились тебя.

– О, я всего лишь старалась быть дружелюбной. Ты тоже общалась с ними, – возразила я.

– Да, но не так, как ты.

Я опустила голову, немного смущенная похвалой за то, что вовсе не казалось мне чем-то особенным. Когда я снова подняла взгляд, то увидела, что к нам присоединились еще две девушки. Эммика Брасс и Саманта Лоуэл. Нас еще не представили друг другу, но я знала, кто они.

Я пригляделась. Как-то странно они на меня смотрели. Но прежде, чем я успела понять, в чем дело, к нам подошла Сильвия - та самая женщина, что встречала нас здесь.

– Итак, все готовы? – она проверила свои часы и выжидающе на нас посмотрела. – Я собираюсь устроить вам беглую экскурсию и проводить в ваши комнаты.

Марли захлопала в ладоши, и мы четверо поднялись, готовые идти.

Сильвия рассказала, что помещение, где сейчас развернулся салон красоты, называлось Женской Комнатой. Обычно королева, ее горничные и женщины-гости дворца проводили там свое свободное время.

– Привыкайте к этой комнате, девочки, вы часто будете здесь бывать, – добавила она. – По пути сюда вы проходили Большой Зал, где обычно проходят балы и банкеты. Если бы вас было раз в десять больше, тогда все ели бы там. А так нам хватит и обычной столовой. Давайте-ка туда заглянем.

Нам показали стол, за которым обычно ела королевская семья. Мы будем сидеть за двумя длинными столами, расположенными по бокам от него так, что все вместе они образовывали немного суженную букву «П». Наши места уже были распределены, каждое отмечено именной табличкой. Мне предстояло сидеть рядом с Эшли и Тайни Ли, которую я видела в Женской Комнате, и напротив Крисс Эмберс.

Мы вышли из столовой и спустились по лестнице на этаж ниже. Там оказался павильон, из которого велись трансляции Столичного Отчета. Осмотрев его, мы вернулись наверх, где наш гид указала на комнату, где король и Максон проводили большую часть своего рабочего времени. Для нас это помещение было под запретом.

– Вам также нельзя заходить на третий этаж. Там находятся личные покои королевской семьи. Любого рода вторжения туда просто неприемлемы. Ваши покои расположены на втором этаже. Вы займете большую часть гостевых комнат. Но не волнуйтесь, у нас останется еще парочка свободных, на всякий случай. Эти двери ведут в дворцовый сад... Здравствуйте, Гектор, Марк, – два стражника у дверей ответили ей легким кивком.

Мне потребовалась всего секунда, чтобы понять, что массивные арки справа ведут в Большой Зал, а Женская Комната находится прямо за уг-

лом. Я имела полное право собой гордиться: дворец был настоящим лабиринтом.

– Ни при каких обстоятельствах вам нельзя выходить наружу, – продолжила Сильвия. – В дневное время вам будут позволены прогулки по саду, но только в сопровождении стражи. Это для вашей же безопасности. Как бы мы ни старались предотвратить проникновения повстанцев, они все равно могут пробраться в сад.

У меня по спине пробежал холодок.

Мы завернули за угол и по огромной лестнице поднялись на второй этаж. Ковры были настолько мягкими, что при ходьбе туфли утопали в них на несколько сантиметров. Через высокие окна сочился свет, и в коридорах пахло солнцем и цветами. Стены были увешаны портретами предыдущих королей и политических лидеров Америки и Канады, на чьих головах не было корон.

– Ваш багаж уже в комнатах. Если обстановка вас не устроит, просто скажите своим горничным. У каждой из вас их по трое, и тоже они вас ожидают. Они помогут вам распаковать вещи и одеться к ужину. Сегодня перед ужином вы все соберетесь в Женской Комнате, чтобы посмотреть специальный выпуск Столичного Отчета. На следующей неделе большинство из вас лично примет участие в трансляции, а сегодня вам покажут небольшой репортаж о ваших проводах и прибытии сюда. Это будет так необычно! Вы должны знать, что принц Максон еще и сам ничего не видел. Он будет смотреть Отчет вместе со всей Иллеей, а завтра вы познакомитесь с ним официально. Сегодня, девочки, вы поужинаете вместе, так что у вас будет возможность узнать друг друга получше. А завтра начнется настоящее веселье!

Я сглотнула. Слишком много правил, слишком много людей. Мне захотелось оказаться наедине со своей скрипкой.

Мы шли по коридору, расселяя Отобранных по их новым комнатам. Моя оказалась в небольшом закутке рядом с комнатами Бариэль, Тайни и Дженны. Я была рада, что поселюсь в относительно тихом месте в отличие, например, от Марли, чья комната находилась в основном кори-

доре. Здесь будет легче уединиться.

Открыв дверь своей комнаты, я обнаружила внутри трех женщин. Одна из них сидела с шитьем в углу, а две другие доводили до блеска и без того безупречную комнату. Увидев меня, они восхищенно затаили дыхание, а потом, спохватившись, наперебой представились. Люси, Энни и Мэри. Я почти сразу же забыла, кто из них кто. Заставить их уйти оказалось не так-то просто. Я не хотела показаться грубой, ведь они были так услужливы, но мне нужно было побыть одной.

– Я просто хочу немного вздремнуть. Уверена, у вас тоже был долгий день... все эти приготовления... Лучшее, что вы можете сейчас сделать - дать отдохнуть мне, немного отдохнуть самим, и разбудить меня, когда придет время спускаться к ужину.

На меня обрушился шквал благодарностей и поклонов. А потом я осталась одна.

Легче мне не стало. Я попробовала растянуться на кровати, но мое тело никак не хотело расслабляться в столь незнакомом для него месте. В углу стояли скрипка, гитара и великолепный рояль, но я не могла заставить себя уделить им внимание. Моя сумка лежала совсем рядом с кроватью, но мне было лень разбирать ее. Я знала, что в шкафу мне ждет годовой запас платьев, сшитых специально для меня, а в ванной - персональный склад косметики и средств по уходу за телом, но я была не в настроении все это рассматривать.

Я просто лежала, ни о чем не думая. Мне показалось, что не прошло и нескольких секунд, как вернулись мои горничные и тихонько постучали в дверь. Я впустила их и даже позволила им помочь мне одеться. Они были так рады оказаться полезными, что я не смогла их снова прогнать.

Они сделали мне красивую прическу, заколов несколько прядей тонкими шпильками, и поправили мой макияж. Оказывается, это их я должна была благодарить за свой новый гардероб, включая темно-зеленое платье в пол, которое теперь было на мне надето. С непривычки я постоянно спотыкалась о его подол. Сильвия постучалась в мою дверь

ровно в шесть и сообщила, что пора спускаться. Мы подождали остальных участниц в фойе перед лестницей, а потом дружным строем проследовали в Женскую Комнату. Меня отыскала Марли, и мы пошли рядом.

Стук тридцати пяти пар каблуков по мраморной лестнице складывался в легкую звенящую мелодию. Некоторые девушки тихонько перешептывались, но большинство молчали. Когда мы проходили мимо столовой, ее двери были закрыты. Там ли сейчас королевская семья? Быть может, они в последний раз ужинают втроем.

Женская Комната изменилась до неузнаваемости. Зеркала и вешалки исчезли. Вместо них, тут и там, появились крошечные журнальные столики, удобные кресла и мягкие диваны. Марли посмотрела на меня и кивнула в сторону одного из диванов.

Когда все расселись, Сильвия включила телевизор, где уже начинался Отчет. Все шло как обычно: обновления бюджета, ход войны, новые нападения Повстанцев на Востоке. Но потом появился Гавриил и в течение получаса комментировал кадры наших проводов и прибытия в столичный аэропорт.

– Вот мисс Селеста Ньюсом говорит «до свидания» своим многочисленным поклонникам в Клермонте. Этой юной леди потребовалось больше часа, чтобы вырваться из объятий толпы.

Я заметила самодовольную улыбку на лице Селесты, когда та увидела свое изображение на экране. Она сидела рядом с Бариэль Пратт, роскошной платиновой блондинкой. Ее волосы ниспадали до самой талии, что было для них довольно сложной задачей, учитывая размер груди их обладательницы. Она просто выпадала из узкого платья-бюстье, в которое была одета Бариэль так, что волей-неволей на нее обращал внимание любой, в чье поле зрения она попадала. Бариэль была очень красива, но эта красота была слишком очевидной. В этом они с Селестой были похожи. Почему-то при виде этих двоих, сидящих рядом, я вспомнила фразу: «Держи врагов близко». Думаю, они сразу определили друг друга, как сильнейших конкуренток.

– Остальные участницы с Ближнего Востока были не менее популярны. Эшли Бруйлетт сразу показала себя истиной леди. Ее лицо, исполненное красоты и достоинства, напомнило мне лицо самой королевы! А Марли Тэймс из графства Кент просто сияла на своих проводах, и даже спела национальный гимн вместе со своими поклонниками, – на экране появились фотографии Марли, обнимающей людей из своей родной провинции с широкой улыбкой на лице. – И, судя по реакции людей, встречавших девушек в аэропорту Анджелеса, она уже успела стать фавориткой многих жителей столицы.

Марли вцепилась мне в руку. Я улыбнулась. Я с самого начала была уверена, что люди ее полюбят.

– С мисс Тэймс приехала Америка Сингер, одна из трех Пятых попавших в Отбор.

Что ж, по крайней мере, выглядела я лучше, чем предполагала. Мои проводы запомнились мне лишь грустью от расставания с родными. На подборке, которую пустили в эфир, я казалась взрослой и заботливой. Фотография, где я обнимала отца, вышла по-настоящему красивой и трогательной. Но это было просто ничто по сравнению со снимками из аэропорта.

– Но мы-то с вами знаем, что касты в Отборе не имеют значения, и, кажется, Леди Америку не стоит сбрасывать со счетов. После приземления в Анджелесе, мисс Сингер стала любимицей толпы. Она раздавала автографы, фотографировалась и просто общалась со своими поклонниками. Мисс Америка Сингер не боится испачкать руки. Многие считают, что именно это качество просто необходимо нашей следующей принцессе.

Почти все повернулись, чтобы посмотреть на меня. И я узнала на их лицах тот самый взгляд, которым меня одарили в «салоне красоты» Эммика и Саманта. Внезапно эти взгляды обрели смысл. Они не знали, что я не хотела участвовать. В их глазах я была угрозой. И они хотели, чтобы я ушла.

Перевод: Виктория Алексеева, Юлия Спиридонова, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко, Laura Miles, Даша Петрова, Карина Магда
специально для http://vk.com/the_selection

# 10 ГЛАВА

За ужином я не высовывалась. В Женской Комнате мне легко было оставаться смелой рядом с Марли, которая хорошо ко мне относилась. Но теперь, зажатая между людьми, от которых волнами исходила ненависть, я трусила. Я подняла глаза от тарелки лишь раз, чтобы увидеть, как Крисс Эмберс угрожающе вращает вилку. А Эшли в своей утонченной манере надула губки и даже не смотрела в мою сторону. Мне хотелось поскорее сбежать в свою комнату.

Я не понимала, почему все придавали этому столько значения. Я вроде как нравилась людям, ну и что с того? Это не их выбор; все эти плакаты и приветствия ничего не решали.

Я сконцентрировалась на еде. Последний раз я ела стейк на Рождество несколько лет назад. Я знаю, мама старалась, но тот стейк было просто ничем по сравнению с этим, таким сочным, нежным и ароматным. Я хотела спросить, казался ли кому-нибудь еще этот стейк самым вкусным, из тех, что они когда-либо пробовали. Если бы Марли была рядом, то я спросила бы. Я быстро окинула взглядом комнату. Она тихонько болтала с девушками, сидевшими рядом с ней.

И как ей это удавалось? Разве тот же самый репортаж не назвал её одной из непосредственных фавориток? Как у нее так легко получалось находить общий язык со всеми?

На десерт подали фруктовое ассорти с ванильным мороженным. У меня было ощущение, словно я никогда прежде не ела. Если это была еда, как называлось то, что я клала себе в рот на протяжении восемнадцати лет? Я подумала о Мэй и её любви к сладкому. Ей бы здесь понравилось. Могу поспорить, она бы прекрасно сюда вписалась.

Нам не было позволено покидать столовую, пока все не закончили ужин, а потом нам велели идти прямиком в постель.

– Утром, вы встретитесь с Принцем Максоном и, я уверена, вам захочется выглядеть безупречно, – напутствовала Сильвия. – В конце концов, он будущий муж одной из вас.

Несколько девушек мечтательно вздохнули.

Стук каблуков по лестнице в этот раз был тише. Мне уже не терпелось вылезти из своих. И из платья тоже. Я привезла один комплект одежды из дома, и в серьез подумывала о том, чтобы переодеться в него. Может, хоть так я снова почувствую себя собой.

Преодолев лестницу, все девушки направились к своим комнатам, а Марли отвела меня в сторону.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Да. Только... все эти взгляды во время ужина...

– Не волнуйся. Они просто завидуют, потому что ты всем нравишься.

– Но тебя люди тоже любят. Я видела плакаты. Почему они не вели себя так с тобой?

–Ты не очень-то много времени проводила в девчачьих компаниях, верно? – хитро улыбнулась она.

– Нет, – призналась я. – Только со своими сестрами.

– Училась дома?

– Да.

– Ну а я какое-то время обучалась с другими Четвертыми, и у каждой из них был свой способ залезть в душу к другим людям. Видишь ли, все сводится к тому, чтобы узнать слабые места человека. Некоторые девушки делают мне сомнительные комплименты, отпускают замечания в мою сторону и всё в таком духе. Я знаю, что со стороны кажусь общи-

тельной и легкой на подъем, но на самом деле я очень застенчивая, и они думают, что их слова могут меня задеть.

Я наморщила лоб. Они делают это нарочно?

– Для тебя, с виду такой тихой и таинственной...

– Никакая я не таинственная, – перебила я.

– Ну, вообще-то есть немного... И иногда люди не знают, как толковать молчание: как уверенность в себе или как страх. Они смотрят на тебя так, словно тебе здесь не место, надеясь, что ты почувствовать это и захочешь уйти.

– Хм, – в этом был определенный смысл. – И что же делать? Я имею ввиду, чтобы они перестали.

Она улыбнулась.

– Просто не обращай внимания. Я знала одну девчонку, которую настолько раздражало, когда она не могла обидеть кого-то, что она сама обижалась на весь мир. Так что не переживай, – сказала она. – Все что тебе нужно, это не дать им понять, что их поведение тебя задевает.

– Оно и не задевает.

– И я почти поверила тебе... но не совсем, – она рассмеялась теплым искренним смехом, который на секунду повис в воздухе, а затем растворился в пустом коридоре. – Мы встретимся с ним уже утром. Ты можешь в это поверить? – спросила она, переходя к более важной, по её мнению, теме.

– Ты знаешь, нет, не могу, – Максон в этом плане напоминал мне привидение: все ощущали его присутствие, но никто его не видел.

– Что ж, удачи завтра, – я знала, что она говорит искренне.

– И тебе удачи, Марли. Я уверена, Принц Максон будет более чем рад знакомству с тобой, – я ободряюще сжала ее руку.

Она смущенно улыбнулась и зашла в свою комнату.

Когда я добралась до своего закутка, дверь Бариэль была попрежнему открыта, и я услышала, как она шепчет что-то своей горничной. Заметив меня, она захлопнула дверь прямо перед моим носом.

Что ж, спасибо за это.

Мои горничные, конечно же, ждали меня, чтобы помочь принять ванну и переодеться. Моя новая ночная рубашка из тонкой зеленой ткани уже лежала на кровати. Я заметила, что они не трогали мою сумку - любезно с их стороны.

Они работали умело, но неторопливо. Для них, очевидно, это был конец очередного рабочего дня, который они не особо спешили закончить. В отличие от них, я хотела поскорее остаться одна. Они помыли мне руки, сняли с меня платье и прикололи брошку с моим именем к шелковой ночной рубашке. И я не торопила их, хоть все это и заставляло меня чувствовать себя ужасно неловко. Но, хуже всего было то, что они задавали вопросы. Я старалась отвечать, не срываясь на грубость.

«Да, я наконец-то познакомилась с остальными участницами». «Нет, они были не слишком разговорчивы». «Да, ужин был замечательный». «Нет, я не увижу принца до завтра». И «да, я устала, очень».

– И мне действительно было бы легче прийти в себя в одиночестве, – добавила я в надежде, что они поймут намек.

Похоже, это их расстроило. Я поспешила исправиться.

– Вы были очень полезны! Но мне нужно побыть одной. Я не привыкла к такому количеству людей, с которым мне пришлось столкнуться сегодня.

– Но Леди Сингер, мы должны помогать Вам. Это наша работа, – возразила одна из горничных, Энни. Как я поняла, она была главной среди этой троицы и подходила к работе чуточку серьезнее двух других: хохотушки Мэри и застенчивой Люси.

– Я действительно ценю вашу помощь, и она мне определенно еще понадобится. Завтра с утра, например. Но сегодня мне нужно расслабиться. Если хотите быть полезными, просто оставьте меня, и идите спать. Я думаю, мы все выиграем от того, что вы хорошенько отдохнете, ведь правда?

Они переглянулись.

– Да, мисс, полагаю, Вы правы, – согласилась Энни.

– Одна из нас должна оставаться здесь, пока Вы спите. На случай, ес-

ли Вам что-нибудь понадобиться, – дрожащим голосом сказала Люси. Она словно заранее боялась любого моего ответа. Ее то и дело потряхивало, и я догадывалась, что это было одним из проявлений ее застенчивости.

– Если мне что-то понадобится, я позову. Я буду в порядке. К тому же, я не смогу заснуть, зная, что в комнате есть кто-то еще.

Они снова переглянулись, все еще сомневаясь. Я знала, как положить конец этому спору, но мне очень не хотелось прибегать к такому методу.

– Вы должны подчиняться любым моим приказам, ведь так?

Они кивнули, в их глазах блеснула надежда.

– Тогда я приказываю вам отправиться в постель. И вернуться утром, чтобы помочь мне. Пожалуйста.

Энни улыбнулась. Похоже, она начинала меня понимать.

– Да, Леди Сингер. Увидимся утром.

Они присели в реверансе и тихо покинули комнату. Энни бросила на меня последний взгляд. Полагаю, я оказалась не совсем той, кого она ожидала. Хотя, похоже, это не слишком ее расстроило.

Как только они ушли, я скинула свои мягкие тапочки и вытянула пальцы на прохладном полу. Так приятно было снова оказаться босиком. Я решила распаковать вещи. Это не заняло много времени. Я оставила свою домашнюю одежду в сумке, которую запихала поглубже в свой новый массивный шкаф. Пользуясь случаем, я осмотрела платья. Их было немного. Столько хватило бы примерно на неделю. Наверное, так и было задумано. Зачем нашивать десятки платьев для девушки, которая может завтра же отправиться домой?

Я достала те фотографий своей семьи, что привезла с собой, и закрепила их по краям зеркала. Оно было таким высоким и широким, что я могла одновременно любоваться и этими фотографиями, и своим отражением в полный рост. Я прихватила маленькую шкатулку с безделушками: сережками, заколками для волос и другими моими любимыми украшениями. Они, возможно, покажутся здесь слишком простыми, но я

настолько с ними сроднилась, что просто не могла оставить их дома. Пара книг, что я взяла с собой, нашли свое место на полке возле дверей, ведущих на балкон.

Приоткрыв створку, я выскользнула наружу и увидела сад. Он состоял из переплетающихся дорожек со скамейками и фонтанами, цветущими клумбами и идеально подстриженными кустиками. За этим ухоженным участком земли виднелась небольшая полянка, позади которой раскинулся густой лес. Он простирался так далеко, что, казалось, его не охватывали целиком даже дворцовые стены. Я так залюбовалась этим пейзажем, что почти забыла о последнем предмете, привезенном из дома.

Я все еще держала в руке баночку с монеткой, позвякивающей внутри. Зачем я вообще взяла это с собой? Как напоминание о том, чего больше никогда не будет?

На глазах выступили слезы от нахлынувших воспоминаний о той тайной любви, длившейся годы и прервавшейся столь внезапно. В довершении ко всему напряжению сегодняшнего дня, это было уже слишком. Я пока не знала, где будет постоянное место банки, поэтому оставила ее на прикроватной тумбе.

Я погасила свет, зарылась в роскошные одеяла и уставилась на свою банку. Я позволила себе погрустить. Я позволила себе вспомнить о *нем*.

Как я умудрилась потерять так много за столь короткий срок? Казалось, что оставить семью, поселиться в незнакомом месте и расстаться с любимым человеком просто невозможно за каких-то жалких две недели.

Интересно, что именно он хотел сказать мне перед тем, как я села в машину? Единственное, что я знала наверняка, у него не хватило смелости произнести это вслух.

Я сверлила взглядом банку, как будто это могло помочь мне найти ответы на мучавшие меня вопросы.

Хотел ли он еще раз напомнить мне, что у него теперь тоже новая жизнь? Ну так я это и сама прекрасно видела, спасибо за беспокойство.

А может он пытался извиниться? Сказать, что он одумался, что он все еще любит меня?

Я тут же пресекла эту мысль. Я не могла позволить этой надежде поселиться в моей душе. Лучше бы мне его возненавидеть. Злость поможет мне собраться и двигаться вперед. Оставаться вдали от него, так долго, как только возможно - неплохая причина, чтобы задержаться здесь.

Но неопределенность причиняла боль. И вместе с надеждой накатила тоска по дому, желание, чтобы Мэй забралась ко мне в постель, как она любила иногда это делать. А затем вернулся страх перед завистью других Отобранных. Что если они снова заставят меня чувствовать себя неловко? Но даже без их стараний, неловкости будет достаточно, ведь меня будут показывать по национальному телевидению все то время, пока я буду здесь находиться. Ко всему прочему, я вдруг с ужасом осознала, что какие-то незнакомые люди могут попытаться убить меня, лишь для того, чтобы высказать таким образом свою политическую позицию. От всего этого у меня голова пошла кругом.

Перед глазами все поплыло. Я даже не заметила, как начала плакать. Меня затрясло, стало трудно дышать. Я вскочила и метнулась к балкону. Я была настолько охвачена паникой, что мне потребовалось чуть больше времени, чем обычно, чтобы открыть защелку, но я всё же справилась с этой задачей. Я думала, глотка свежего воздуха будет достаточно, чтобы привести меня в чувства... но я ошиблась. Мое дыхание оставалось слабым и учащенным.

Здесь тоже не было свободы. Перила балкона заставляли чувствовать себя словно в клетке. И все, что я могла видеть вокруг - это бескрайнюю зелень леса и дворцовые стены, высокие и тщательно охраняемые. Мне нужно было выбраться отсюда, но я не знала как. Мне лишь стало хуже от очередного приступа отчаяния.

Я повернулась и, стараясь ничего не снести на своем пути, выбежала из своей комнаты. Я летела по едва знакомому коридору, не видя ни картин, ни гобеленов, ни золотой отделки из-за слез, застилавших гла-

за. Я едва заметила стражу. Я не могла выбраться из дворца, но знала, что если спущусь по лестнице и поверну направо, то увижу огромные стеклянные двери, ведущие в сад. Мне просто нужно найти их.

Я сбежала вниз по главной лестнице, шлепая босыми ногами по мраморным ступеням. По пути мне попалось еще несколько стражников, но никто из них не остановил меня. Но когда я, наконец, достигла своей цели...

Как и прежде, по обе стороны от дверей стояли два стражника, и, когда я попыталась пройти мимо, один из них преградил мне путь копьем.

– Извините, мисс, Вы должны вернуться в свою комнату, – сказал он, нахмурившись. Хоть он и говорил негромко, его голос прозвучал оглушительно в темном пустом коридоре.

– Нет… нет. Мне надо… наружу, – слова путались; я задыхалась.

– Мисс, вернитесь к себе немедленно, – второй охранник тоже подался в мою сторону.

– Пожалуйста… – голова кружилась. Мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок.

– Простите… Леди Америка, верно? – он посмотрел на мою брошку. – Вам следует сейчас же вернуться наверх.

– Я… я не могу дышать, – запинаясь, выдавила я, падая в руки стражника, который едва успел подскочить достаточно близко, чтобы подхватить меня. Его копье упало на пол. Я слабо цеплялась за него, безуспешно пытаясь прийти в себя.

– Отпустите её! – это был новый голос, молодой, но властный. Моя голова наполовину повернулась, наполовину упала в его сторону.

Это был принц Максон. Он выглядел немного странно из-за того, под каким углом я его разглядывала, но я сразу узнала его гладкую прическу и неестественно прямую спину.

– Она упала в обморок, Ваше Высочество. Она хотела выйти наружу, – объяснил первый стражник. Было видно, как он нервничал. Его ждала ужасная участь, если бы он причинил мне хоть малейший вред, ведь я теперь была собственностью Иллеи.

– Откройте двери.

– Но... Ваше Высочество...

– Откройте двери и выпустите её. Немедленно!

– Будет исполнено, Ваше Высочество!

Первый стражник полез за ключами. Я попыталась принять вертикальное положение под настороженным взглядом принца. А потом сладкий свежий ветерок привел меня в чувства, и я, вырвавшись из рук второго стражника, побежала, опьяненная, в сад.

Я слегка пошатывалась, но мне было плевать, если я выглядела не слишком изящно. Мне просто нужно было немного побыть снаружи. Я почувствовала теплый ночной воздух на коже и мягкую траву между пальцами. Каким-то образом даже природа казалась здесь чем-то экстравагантным. Я хотела дойти до самого леса, но ноги не унесли меня так далеко. Я споткнулась перед небольшой каменной скамейкой и села возле нее, положив локти на сиденье и упершись в них лбом.

Рыдать не было сил, поэтому слезы, катившиеся по моим щекам, были беззвучными. Они по-прежнему мешали мне отчётливо видеть. Как я сюда попала? Как я позволила этому случиться? Что со мной здесь будет? Получу ли я когда-нибудь назад жизнь, которая была у меня до этого? Я не знала.

Я была настолько поглощена своими мыслями, что даже не заметила его присутствия, пока Принц Максон не заговорил.

– Ты в порядке, милая? – спросил он меня.

– Я тебе не милая.

Я подняла на него глаза. В моем тоне и взгляде явно читалось отвращение.

– Я тебя чем-то обидел? Разве не этого ты хотела? – он был сбит с толку моим ответом.

Видимо, он ждал, что я буду благодарить звезды за его существование. Я смерила его испепеляющим взглядом, но, кажется, из-за слез на моих щеках это не произвело должного эффекта.

– Почему ты все еще плачешь, милая? – его голос прозвучал так,

словно его и правда беспокоили мои слезы.

– Не называй меня так! Я для тебя такая же милая, как и остальные тридцать четыре незнакомки, запертые здесь, в твоей клетке.

Он подошел ближе. Казалось, его ничуть не задели мои слова. Он просто смотрел на меня, задумавшись. На его лице был написан интерес.

Его походка была слишком изящной для парня, и, казалось, он чувствовал себя вполне комфортно, прохаживаясь вокруг меня. Моя храбрость начала испаряться, когда я осознала всю неловкость ситуации. Он был одет с иголочки, а я съежилась на земле полуголой. Его звание меня ничуть не смущало - смущало то, как он себя вел. У него, наверное, был богатый опыт общения с несчастными людьми. Он оставался исключительно спокоен, пока отвечал.

– Это несправедливое замечание. Вы все мне милы. Вопрос лишь в том, кто окажется самой милой.

– Ты всегда говоришь так старомодно?

Он усмехнулся.

– Боюсь, что да. Прости, это издержки моего воспитания.

– Воспитание, – пробормотала я, закатывая глаза. – Как нелепо.

– Прости? – переспросил он.

– Это просто смешно! – закричала я, снова набравшись смелости.

– Что именно?

– Конкурс! Все это! Ты что, никогда никого не любил по-настоящему? *Так* ты хочешь найти себе жену? Ты что, правда настолько поверхностный? – я немного поерзала на земле. Чтобы мне было проще, он сел на скамью, так что мне больше не нужно было задирать голову. Я была слишком зла, чтобы поблагодарить его за это.

– Наверное, со стороны кажется, что это не больше, чем просто дешевое развлечение. Но в моем мире я нахожусь под постоянной охраной. Я знаком лишь с несколькими девушками. Почти все они - дочери послов, и у нас не очень-то много тем для обсуждений. Даже когда мы говорим на одном языке.

Максону это показалось удачной шуткой, и он слегка рассмеялся. Меня это не впечатлило. Он прокашлялся.

– При таких обстоятельствах у меня просто не было возможности влюбиться. А у тебя?

– Была, – ответила я, как ни в чем не бывало, и тут же пожалела об этом. Мне захотелось вернуть сказанное назад. Это было слишком личным, это его не касалось.

– Тогда, можно сказать, что тебе повезло, – в его голос прокрались нотки зависти.

Представляете? Единственное, в чем я была на голову выше принца Иллеи, было именно тем, что я хотела забыть, приехав сюда.

– Мои родители нашли друг друга таким способом, и они вполне счастливы. Я надеюсь, что тоже найду свое счастье. Найду девушку, которую полюбит вся Иллея. Кого-то, кто сможет стать мне хорошим партнером и поможет устраивать приемы для лидеров других стран, когда те будут приезжать во дворец. Кого-то, кто окажет поддержку моим друзьям и кому я смогу целиком и полностью довериться. Я готов найти жену.

Что-то в его тоне поразило меня. В нем не было и намёка на сарказм. То, что мне казалось забавной игрой, для него было единственным шансом на счастье. У него не будет второго. Ладно, может, будет. Но всё будет уже по-другому.

Он был таким отчаянным, полным надежд. Я почувствовала, как мое отвращение к нему немного уменьшилось. Совсем чуть-чуть.

– Тебе действительно кажется, что это клетка? – его взгляд был полон сострадания.

– Да, мне так кажется, – мой голос прозвучал совсем тихо. – Ваше Высочество, – поспешно добавила я.

Он рассмеялся.

– Я и сам не раз чувствовал что-то подобное. Но ты должна признать, это очень красивая клетка.

– Для тебя. Заполни эту красивую клетку тридцатью четырьмя други-

ми мужчинами, сражающимися за то же, что и ты. Посмотрим, насколько это тебе понравится.

Он поднял брови.

– Только не говори, что кто-то уже заявил свои права на меня. Видимо не все из вас понимают, что это только мой выбор, – рассмеялся он.

– О, они понимают. Только вот борются они за две вещи: кто-то - за тебя, кто-то - за корону. И каждая думает, будто уже знает, что нужно сказать и сделать, чтобы твой выбор стал очевиден.

– Ну конечно. Мужчина или корона. Боюсь, некоторые не видят разницы, – он покачал головой.

– Удачи с этим, – сухо сказала я.

Мой сарказм повис в воздухе. Максон молчал. Я наблюдала за ним краешком глаза, ожидая его следующих слов. Он рассеяно смотрел на траву, на его лице отражалась борьба. Казалось, какая-то мысль изводит его. Наконец, он вздохнул и посмотрел на меня.

– А за что борешься ты?

– Вообще-то, я здесь по ошибке.

– По ошибке?

– Да. Вроде того. Ну… это долгая история. И вот я здесь. И я не борюсь. Наслаждаться едой, пока ты не вышвырнешь меня отсюда - вот мой план.

Он хлопнул себя по колену и отрывисто рассмеялся. Забавно было наблюдать, как он силится сохранить маску сдержанности, даже в такой эмоциональный момент.

– Какая ты? – спросил он.

– Что, прости?

– Вторая, Третья?

Он что совсем невнимательный?

– Пятая.

– О, что ж, тогда еда действительно весомый повод, чтобы остаться, – он снова рассмеялся. – Прости, не могу прочесть, что написано на твоей брошке, слишком темно.

– Я Америка.

– Что ж, замечательно.

Максон посмотрел в ночь и непонятно отчего улыбнулся. Что-то во всей этой ситуации забавляло его.

– Америка, милая, я искренне надеюсь, что ты найдешь в этой клетке что-нибудь, за что стоит побороться. После всего, что я сейчас услышал, могу только представить, что будет, если ты в тебе проснется желание победить.

Он спустился со скамейки ко мне, на землю. Он был слишком близко. Мысли путались. Может быть, я все еще не отошла после своей истерики. В любом случае, я была слишком шокирована, чтобы запротестовать, когда он взял меня за руку.

– Если хочешь, я скажу прислуге, что тебе нравится сад. Тогда ты сможешь приходить сюда по ночам, и стражники тебя не остановят. Однако мне будет спокойней, если один из них будет тебя сопровождать.

Я хотела этого. Свобода, даже в таком извращенном смысле, казалась очень заманчивой. Но мне нужно было предельно ясно показать ему свое отношение к происходящему.

– Не думаю, что мне от тебя что-то нужно, – я осторожно выдернула свою руку из его.

– Как пожелаешь, – казалось, мой отказ ранил его. Я почувствовала себя виноватой. Только потому, что мне не нравился этот парень, вовсе не значило, что я хочу его обидеть. – Ты скоро зайдешь внутрь?

– Да, – прошептала я, не поднимая глаз.

– Тогда я оставлю тебя наедине с твоими мыслями. Возле дверей будет стража, они тебя впустят.

– Спасибо… эм, Ваше Высочество, – я покачала головой. Сколько раз я обращалась к нему не так, как положено?

– Милая Америка, ты окажешь мне услугу? – он снова взял меня за руку.

А он настойчивый. Я искоса посмотрела на него, не зная, что ответить.

– Возможно.

Его улыбка вернулась.

– Не упоминай об этом при других участницах. По правилам, мне не полагается видеться с вами до завтра, и я не хочу, чтобы кто-нибудь обиделся. Хоть я и не назвал бы нашу сегодняшнюю прогулку романтическим свиданием, учитывая, как ты на меня орала всего пару минут назад. Что думаешь?

Настал мой черед улыбаться.

– Точно нет! – я сделала глубокий вдох. – Я никому ничего не скажу, обещаю.

– Спасибо, – он поднес мою руку к губам и поцеловал ее. Отстранившись, он аккуратно положил ее мне на колени. – Доброй ночи.

Мгновение я не сводила глаз с теплой точки на моей коже, совершенно ошеломленная. Когда я, наконец, подняла взгляд, я увидела, что Максон уходит, оставляя меня в одиночестве, о котором я мечтала весь день.

Перевод: Виктория Алексеева, Юлия Спиридонова, Марьям Филлипова, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко, Ольга Багина, Ирина Саламова, Solar Flare
специально для http://vk.com/the_selection

# 11 ГЛАВА

Утром меня разбудили не шаги горничных и не шум воды, льющейся в ванну. Я проснулась от солнечных лучей, ворвавшихся в комнату через окно, в тот самый момент, как Энни осторожно раздвинула роскошные, плотные шторы. Она тихонько напевала себе под нос, явно наслаждаясь работой.

Мне не хотелось вставать. Ушло немало времени на то, чтобы отойти после прошлого вечера. Еще больше - на то, чтобы заставить себя успокоиться, когда я внезапно осознала, чем для меня может обернуться ночная «беседа» в саду. Если только у меня будет возможность извиниться перед Максоном, я это сделаю. Будет чудом, если он позволит мне снова заговорить с ним.

– Мисс, Вы проснулись?

– Не-е-е-ет, – простонала я в подушку. Я не выспалась, да и к тому же кровать была слишком удобной.

Энни, Мэри и Люси рассмеялись в ответ, и этого было достаточно, чтобы я улыбнулась и попыталась принять вертикальное положение. С этими девушками, вероятно, мне будет поладить легче, чем с остальными обитателями дворца. Интересно, сможем ли мы по-настоящему подружиться, или предписания протокола не позволят им даже выпить со мной чашку чая.

Хоть я раньше и была Пятой, с недавних пор меня превратили в Трицессу. А они, будучи горничными, должны были принадлежать к Шестой касте. Но меня это не беспокоило. Мне всегда нравилось общество Шестых.

Я медленно вошла в просторную ванную: каждый шаг эхом отдавался от кафеля и стекла. Глядя в длинные зеркала, я заметила, что Люси разглядывает испачканный подол моей ночной рубашки. Грязь не укрылась и от зоркого взгляда Энни. А потом ее заметила и Мэри. К счастью, никто из них не стал задавать вопросов. Вчера мне казалось, что за всеми их расспросами стоит любопытство, но я ошиблась. Теперь стало понятно, что так они лишь проявляли свою заботу. Они осторожно раздели меня и помогли забраться в ванну.

Я не привыкла оголяться в присутствии других людей, - даже мамы и Мэй, - но сейчас, очевидно, этого нельзя было избежать. Эти трое будут одевать меня все то время, пока я буду здесь находиться, так что мне придется смириться с такого рода неудобствами. Мне вдруг стало интересно, что случится с ними, когда я выйду из игры. Будут ли они приставлены к другим девушкам, которым, скорее всего, потребуется больше внимания ближе к концу Отбора? Была ли у них до этого другая работа во дворце, от которой их освободили на время конкурса? Казалось грубым спрашивать, чем они занимались раньше, или намекать, что я скоро уеду, поэтому я молчала.

После ванны Энни высушила мои волосы, прихватив часть прядей заколками, привезенными мною из дома. Голубые, они прекрасно сочетались с цветочным узором на платье, в которое я была сегодня одета. Мэри сделала мне макияж, такой же легкий, как накануне, а Люси натерла мои руки и ноги лосьоном.

Мне предложили на выбор несколько королевских драгоценностей, но я попросила принести свою шкатулку. Там была одна подвеска, подарок отца: крохотная серебряная птичка на тонкой цепочке, по цвету идеально подходящая к моей именной брошке. И я все же надела серьги из дорогого набора. Самые миниатюрные во всей коллекции.

Энни, Мэри и Люси оглядели меня и улыбнулись, довольные результатом. Я расценила это как подтверждение того, что выгляжу вполне сносно, чтобы спуститься к завтраку. С поклонами и улыбками, они пожелали мне хорошего дня, когда я выходила из комнаты. У Люси опять тряслись руки.

Я вышла в фойе перед лестницей, где мы собирались вчера перед тем, как идти на ужин. Я пришла первой, поэтому решила присесть на небольшой диванчик, чтобы подождать остальных. Постепенно девушки стали подтягиваться. Я сразу уловила тенденцию. Каждая из них выглядела наилучшим образом: волосы уложены в высокие прически, состоящие из затейливых кос или локонов, безупречный макияж, платья без единой складочки.

Для первого дня я выбрала, наверное, самое простое платье из всех, что у меня были, в то время как остальные надели свои самые лучшие. Я видела, как две девушки, зайдя в фойе и обнаружив, что на них почти одинаковые платья, тут же кинулись переодеваться. Каждая хотела выделиться, и все делали это по-своему. Даже я. Все выглядели как Первые. А я - как Пятая, которую одели в хорошее платье.

Я думала, что готовилась к своему выходу очень долго, но у других на это ушло гораздо больше времени. Даже когда Сильвия пришла проводить нас вниз, мы все еще должны были дожидаться Селесту и Тайни, которой этим утром пришлось ушивать платье.

Как только все собрались, мы двинулись к лестнице. На одной из стен висело позолоченное зеркало, и мы все повернулись к нему, проходя мимо, чтобы в последний раз взглянуть на свое отражение перед тем, как предстать перед королевской семьей. Я мельком увидела себя рядом с Марли и Тайни. По сравнению с остальными, я выглядела довольно скромно, но, по крайней мере, была похожа на саму себя, и это немного утешало.

Мы спустились вниз, ожидая, что направимся прямиком в столовую, чтобы позавтракать. Но вместо этого нас отвели в Большой зал, где рядами стояли отдельные столы со стульями, сервированные тарелками,

бокалами и дорогим столовым серебром. Еды, однако, не было. Ей даже не пахло. В дальнем углу, за небольшой перегородкой, я заметила пару диванов. Кучка операторов рассеялась по всей комнате, чтобы заснять нас.

Мы расселись так, как нам захотелось, потому что на столах не было именных табличек. Марли села прямо передо мной, а Эшли - справа. Больше я ни на кого не обратила внимания. Казалось, некоторые девушки приобрели по крайней мере одного союзника, как я – Марли. Эшли выбрала место рядом со мной, поэтому я предположила, что она также хотела моей компании. Но она молчала, и я подумала, что, возможно, она просто была расстроена вчерашним выпуском Отчета. Хотя, с другой стороны, она вообще не отличалась разговорчивостью. Должно быть, такой у нее характер. Я решила по крайней мере поздороваться с ней. В конце концов, худшее, что могло случиться - она бы просто мне не ответила.

– Ты здорово выглядишь, Эшли.

– О, спасибо, – тихо сказала она.

Мы поспешили убедиться, что поблизости не было съемочных групп. Не то, чтобы это был личный разговор, но кому охота постоянно быть под наблюдением телекамер?

– Все эти украшения... Это так здорово! А где твои?

– Эмм, мне они показались слишком тяжелыми. Подумала, что оно того не стоит.

– О, да, они тяжелые! Кажется, будто моя шея потяжелела на 20 фунтов! Но я не могла устоять. Никто ведь не знает, как долго мы здесь пробудем.

Забавно. Эшли с самого начала казалась такой уверенной в себе. С ее внешностью, и умением подать себя, она выглядела как самая настоящая принцесса. Странно, что теперь она сомневалась.

– Но разве ты не думаешь, что сможешь дойти до конца? – спросила я.

– Конечно же, я так думаю, – прошептала она. – Но говорить об этом

вслух - грубо, – она подмигнула мне, и я рассмеялась.

Еще одна ошибка с моей стороны. Мой смех привлек внимание едва вошедшей Сильвии.

– Ай-яй-яй. Леди никогда не повышают голос выше нежного шепота.

Все притихли. Я испугалась, что мой промах попал в кадр, и мои щеки запылали.

– И снова здравствуйте, леди. Я надеюсь, вы отлично провели свою первую ночь во дворце, потому что с этого момента начнется ваша настоящая работа. С сегодняшнего дня я начну обучать вас правилам поведения и дворцовому этикету, и обучение это будет длиться на протяжении всего вашего пребывания здесь. Знайте, что я буду сообщать королевской семье о любых ваших оплошностях. Я понимаю, это звучит жестоко, но Отбор - не игра, и вам следует воспринимать все всерьез. Кто-то в этой комнате станет следующей принцессой Иллеи. Это - должность не из легких. Вы должны приложить усилия, чтобы возвысить себя, независимо от того, каким было ваше положение в прошлом. Вы станете истинными леди. И этим утром мы проведем наш первый урок. Манеры за столом очень важны, и, прежде чем вы будете обедать вместе с королевской семьей, вы должны усвоить несколько правил. Чем быстрее мы пройдем этот маленький урок, тем быстрее вы получите свой завтрак, так что смотрим, пожалуйста, внимательно.

Она объяснила, что нас всегда будут обслуживать с правой стороны, что каждый бокал соответствует определенному напитку и что никогда, никогда нельзя тянуться к выпечке руками - для этого есть щипцы. Во время смены блюд, наши руки должны были всегда покоиться на коленях, покрытых салфеткой. Нам нельзя было говорить, пока к нам не обратятся напрямую. Конечно, мы могли негромко тихо беседовать с теми, кто сидел по соседству, но только на темы, приличествующие дворцу. Она одарила меня строгим взглядом, когда делала последнее замечание.

Сильвия все говорила и говорила таким спокойным, изысканным тоном, словно насмехаясь над моим желудком. Дома я привыкла есть по

три раза в день, даже если порции были маленькими. Я просто изнывала от голода. Мне уже порядком все надоело, когда раздался стук в дверь. Стража расступилась, и в комнату вошел Принц Максон.

– Доброе утро, дамы, – произнес он.

Воодушевление, тут же наполнившее комнату, было ощутимо физически. Все спины выпрямились, волосы были отброшены назад, юбки - расправлены. А я смотрела не на Максона, а на Эшли. Ее грудь часто вздымалась; она уставилась на принца так, что даже мне стало неловко.

– Ваше Высочество, – поприветствовала его Сильвия, присев в глубоком реверансе.

– Здравствуй, Сильвия. Если ты не против, я бы хотел представиться этим юным леди.

– Конечно, – она снова поклонилась.

Принц оглядел комнату и заметил меня. На мгновение наши взгляды встретились, и он улыбнулся. Я этого не ожидала. Я подумала, что, возможно, за ночь он изменил свое отношение ко мне, и сейчас при всех сделает мне выговор за неподобающее поведение. Но, быть может, он вовсе и не злился. Может, он счел меня забавной. Его жизнь здесь, должно быть, была ужасно скучной и однообразной вплоть до вчерашнего вечера. Как бы то ни было, эта мимолетная улыбка вселила в меня надежду на то, что весь этот конкурс, возможно, будет не так уж ужасен. Я, наконец, приняла решение, над которым размышляла всю прошлую ночь, надеясь, что Принц Максон выслушает мои извинения.

– Леди, если не возражаете, я буду вызывать вас по одной для короткой беседы. Уверен, вы так же голодны, как и я, поэтому не отниму у вас много времени. Прошу простить меня, если я не сразу смогу запомнить ваши имена, вас здесь довольно много.

По комнате прокатились смешки. Он быстрым уверенным шагом подошел к девушке, стоящей крайней справа в первом ряду, и проводил ее к диванам. Они поговорили несколько минут, затем оба встали. Он поклонился ей, а девушка в ответ сделала реверанс. Вернувшись к своему

столу, она оживленно заговорила со своей соседкой. Далее все происходило по тому же сценарию. Эти беседы вполголоса длились совсем недолго. Он что, думал, что сможет определить свое отношение к каждой из девушек меньше, чем за пять минут?

– Интересно, что он хочет узнать? – повернувшись, спросила Марли.

– Может, каких актеров ты считаешь самыми красивыми? Держи в уме свой список, – в ответ прошептала я. Марли и Эшли тихонько рассмеялись.

Мы не были единственными, кто разговаривал. В комнате стоял мягкий гул голосов. Так мы старались отвлечься, пока не придет наша очередь. К тому же операторы сновали вокруг, расспрашивая девушек об их первых впечатлениях о дворце. Когда они подошли к нам с Эшли, я позволила ей выговориться за нас обеих.

Я наблюдала за диванами, где Максон опрашивал каждую Отобранную. Некоторые девушки вели себя спокойно и женственно, другие ерзали от волнения. Марли дико краснела, пока шла на беседу с принцем, и сияла, словно лампочка, когда шла обратно. Эшли время от времени поправляла платье, стараясь успокоить дрожь в руках.

Меня бросило в пот, когда она вернулась: настала моя очередь идти. Я сделала глубокий вдох, настраиваясь. Я собиралась попросить Его Высочество об огромной услуге.

Когда я приблизилась, он встал, чтобы прочесть мою брошку.

– Америка, верно? – спросил он с легкой улыбкой на губах.

– Да, все правильно. И я знаю, что слышала ваше имя раньше, но не могли бы вы мне его напомнить?

Я не знала, удачной ли идеей было начать наш разговор с шутки, но Максон рассмеялся и предложил мне сесть. Он наклонился ближе и прошептал:

– Хорошо спалось, милая моя?

Не знаю, какое выражение лица было у меня в этот момент, но в его глазах блеснули игривые искорки.

– Я все еще не твоя милая, – ответила я с улыбкой. – Но да. Стоило

мне успокоиться, как я сразу заснула. Моим горничным пришлось силой вытаскивать меня сегодня из постели: так мне было хорошо.

– Рад, что кровать оказалась удобной, ми… Америка, – исправился он.

– Спасибо, – я потеребила складку на платье, пытаясь собраться с мыслями. – Прости, что была так резка с тобой. Я поняла потом, что хоть это и странная ситуация для меня, ты тут ни при чем. Ты не виноват в том, что меня выбрали. Весь этот Отбор - даже не твоя идея. И потом… мне было так плохо, и ты был так мил со мной, а я вела себя… ну, в общем-то, ужасно. Ты мог бы вышвырнуть меня прошлой ночью, но не сделал этого. Спасибо.

Максон одарил меня нежным взглядом. Готова поспорить, все девушки, с кем он разговаривал до меня, таяли, когда он смотрел на них вот так. Я бы насторожилась, посмотри на меня так другой парень, но в случае с Максоном, очевидно, это было лишь частью его натуры. Он опустил глаза на мгновение, наклоняясь вперед, опираясь локтями на колени и сплетая вместе пальцы рук. Все его положение говорило о том, что он собирается сказать мне что-то важное.

– Америка, ты была со мной предельно честна все это время. Это качество, которое глубоко меня восхищает, и я хочу попросить тебя ответить на один мой вопрос.

Я кивнула, немного боясь того, что он хочет узнать. Он наклонился еще ближе и перешел на шепот.

– Ты сказала, что здесь по ошибке, так что, я полагаю, быть здесь не хочешь. Есть ли хоть малейший шанс, что ты... сможешь полюбить меня?

Вопрос застал меня врасплох. Мне очень не хотелось ранить его чувства, но я не могла уклониться от ответа.

– Вы очень добры, Ваше Высочество, вы умны, и привлекательны, – он улыбнулся. – Но по очень веским причинам, я не думаю, что смогу, – понизив голос, добавила я.

– Ты объяснишь? – его лицо осталось спокойным, но я услышала легкие нотки разочарования в его голосе. Полагаю, он не привык к немед-

ленным отказам.

Это не то, чем я хотела бы с ним делиться, но мне показалось, что иначе он поймет. Еще более тихим шепотом, чем раньше, я поведала ему правду.

– Я... я боюсь, мое сердце принадлежит другому.

Я чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

– Пожалуйста, только не плачь! – В шепоте Максона отчетливо слышались нотки беспокойства. – Понятия не имею, что делать, когда женщины плачут!

Это рассмешило меня, и желание плакать в момент пропало. На его лице безошибочно читалось облегчение.

– Хочешь, чтобы я отпустил тебя домой, чтобы ты снова могла быть с любимым? – спросил он.

Было очевидно, что его задело мое признание, но вместо того, чтобы разозлиться, он показал сострадание. Этот жест заставил меня довериться ему.

– Дело в том, что... я не хочу домой.

– Правда? – он провел рукой по волосам, и его растерянный вид рассмешил меня еще больше.

– Могу я быть с тобой откровенной?

Он кивнул.

– Мне нужно быть здесь. Моей семье это необходимо. Если ты позволишь мне задержаться хотя бы на неделю, для них это будет истинным благословением.

– Хочешь сказать, вам нужны деньги?

– Да.

Было неловко признать это. Со стороны, должно быть, казалось, будто я использую его. Хотя, так ведь оно и было… Но была еще одна причина.

– Есть некоторые люди дома… – я посмотрела на него. – Которых я не готова сейчас видеть.

Максон понимающе кивнул, но не сказал ни слова. Я смутилась. Худ-

шее, что могло сейчас произойти - меня отправили бы домой, поэтому я продолжила.

– Если ты согласишься оставить меня, хоть ненадолго, я готова заключить сделку.

Его брови взлетели.

– Сделку?

Я прикусила губу. Это прозвучит глупо.

– Если позволишь мне остаться... Хорошо, посмотри на себя. Ты принц. Ты занят весь день, помогаешь управлять страной и все такое. И ты должен выбрать одну девушку из тридцати пяти. Ну ладно, тридцати четырех, но все равно трудно, тебе не кажется?

Он кивнул. Я видела, что от одной лишь мысли об этом ему становится не по себе.

– Тебе было бы полезно иметь кого-то внутри. Кого-то, кто бы мог помочь. Как, ну знаешь… друга?

– Друга? – переспросил он.

– Да. Позволь мне остаться, и я помогу тебе. Я буду твоим другом.

Он улыбнулся.

– Тебе не придется беспокоиться обо мне. Ведь ты уже будешь знать, что у меня нет к тебе чувств. Но ты сможешь в любой момент поговорить со мной, и я помогу тебе советом. Вчера вечером ты сказал, что ищешь кого-то, кому сможешь полностью довериться. Что ж, пока ты не найдешь подходящую кандидатуру, я могу быть таким человеком. Если пожелаешь.

Его лицо излучало нежность, но в голосе сохранилась осторожность.

– Я познакомился почти с каждой девушкой в этой комнате, и я не думаю, что нашел бы друга лучше. Я буду рад, если ты останешься.

Облегчение, нахлынувшее на меня в тот момент, нельзя было описать словами.

– Как думаешь, – спросил Максон, – мог бы я тогда называть тебя «милая»?

– Ни за что! – прошептала я.

– И все же я продолжу пытаться. Я не из тех, кто легко сдается.

И я ему поверила. Хоть мне и не хотелось бы, чтобы он проявлял свое упорство в *этом* вопросе.

– Ты всех их так называешь? – я качнула головой в сторону остальных девушек в другом конце комнаты.

– Да, и никто не возражал.

– Как раз поэтому я и возражаю.

Я встала. Максон поднялся вслед за мной, все еще посмеиваясь. Я бы нахмурилась, но это и в самом деле было довольно забавно. Он поклонился, я присела в реверансе и прошла обратно к своему месту.

Я была так голодна, что мне казалось, будто прошла вечность, пока он дошел до конца списка. Но, наконец, последняя девушка вернулась на свое место, и я приготовилась отведать свой первый дворцовый завтрак.

Максон прошел в центр комнаты.

– Те, кого я попрошу, пусть останутся на своих местах. Кого нет - пожалуйста, проследуйте с Сильвией в обеденную залу. Я скоро к вам присоединюсь.

Остаться? Что это значит?

Я встала и, вместе с большинством других Отобранных, пошла вслед за Сильвией. Скорее всего, он просто хотел провести еще немного времени с оставшимися девушками. Я заметила среди них Эшли. Вне всякого сомнения, она была особенной - прирожденной принцессой. С остальными мне пока не удалось познакомиться. Не то, чтобы они сами проявляли особое желание…

Операторы тоже остались позади, чтобы запечатлеть предстоящее действо. А мы вошли в банкетный зал, где уже сидели Король Кларксон и Королева Эмберли. Они выглядели еще более величественно, чем я себе представляла. К тому же, здесь обнаружилось даже больше камер, чтобы заснять нашу с ними первую встречу. Что ж, этого следовало ожидать.

Я поколебалась, не зная, следует ли нам вернуться к двери и подож-

дать, пока нас пригласят. Но большинство, хотя и несколько неуверенно, продолжало идти вперед. Я поскорее прошла к своему стулу, в надежде остаться незамеченной. Сильвия на секунду замешкалась, оценивая ситуацию.

– Леди, – сказала она, – боюсь, этого мы еще не выучили. Всякий раз, когда вы входите в комнату, где присутствуют король или королева, а также, когда они входят в комнату, где находитесь вы, вам надлежит присесть в реверансе. Только потом вы можете занять свои места. Все вместе, ну же?

И мы все присели в направлении главы стола.

– Добро пожаловать, девочки, – сказала королева. – Пожалуйста, присаживайтесь. Надеюсь, вам нравится во дворце. Мы рады принять вас.

Было что-то очень приятное в ее голосе, спокойном, но не безжизненном.

Прислуга подходила с правой стороны, чтобы разлить нам в стаканы апельсиновый сок - как и говорила Сильвия. Наши тарелки с завтраком принесли на больших подносах, закрытыми специальными крышками. Когда официант поставил мою тарелку на стол, и снял крышку, мое лицо окутало облако ароматного пара, исходившего от стопки пышных блинчиков. К счастью, восторженный гул, разнесшийся по всей зале, заглушил урчание моего желудка.

Король Кларксон благословил нашу пищу, и мы приступили к еде. Пару минут спустя вошел Максон и направился к своему месту. Прежде, чем кто-нибудь из нас успел встать, чтобы поприветствовать его, согласно правилам этикета, он сказал:

– Пожалуйста, дамы, не нужно. Прошу, наслаждайтесь завтраком.

Он прошел во главу стола, поцеловал мать в щеку, легонько хлопнул отца по плечу и сел в свое собственное кресло - по левую руку от короля. Он шепнул что-то ближайшему официанту - тот вежливо рассмеялся в ответ - а потом занялся своей тарелкой.

Эшли не пришла. И другие девушки тоже. Я огляделась в замешатель-

стве, прикидывая, скольких не хватало. Восемь. Среди нас не было восьми конкурсанток.

Крисс, сидевшая напротив меня, уловила вопрос в моих глазах.

– Они выбыли, – сказала она.

Выбыли? Оу. Выбыли... Я не могла представить, что такого они сделали за пять минут, чтобы вызвать недовольство Максона. Но я испытала неожиданную благодарность за то, что именно моя честность помогла мне остаться.

Так нас стало двадцать семь.

Перевод: Юлия Спиридонова, Марьям Филлипова, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 12 ГЛАВА

Камеры сделали круг по комнате и оставили нас спокойно наслаждаться завтраком, сделав, напоследок, еще один снимок принца.

Я была немного ошарашена столь внезапным исключением, но Максон не выказывал каких-либо признаков огорчения. Он спокойно наслаждался пищей, и я, понаблюдав немного, решила, что мне тоже следует приняться за свой завтрак, пока он не остыл. И снова все было слишком вкусным. Апельсиновый сок оказался таким чистым, что я невольно пила его малюсенькими глоточками, чтобы растянуть удовольствие. Яичница с беконом были просто изумительны. И блинчики вышли превосходно - не так тонкими, как те, что я пекла дома сама.

По приглушенным вздохам, то и дело доносившимся со всех уголков стола, я поняла, что не мне одной прежде не доводилось есть так вкусно. Не забыв воспользоваться щипцами, я достала из корзинки, стоящей в центре стола, клубничное пирожное. Положив его себе на тарелку, я огляделась, чтобы посмотреть, как обстоят дела у других Пятых. И только тогда я поняла, что Пятых, кроме меня, не осталось.

Я не знала, осознанно ли Максон отослал их, ведь он едва знал наши имена, но казалось странным, что они обе вот так сразу выбыли. Если бы я была для него лишь очередной незнакомкой, когда вошла в комнату, меня бы он тоже отослал домой?

Размышляя над этим, я откусила немного клубничного пирожного. Оно было таким сладким, а тесто таким воздушным, что заполнило каждый миллиметр моего рта, мгновенно переполняя все мои чувства. Это было лучшее из всего, что я когда-либо пробовала, и, неожиданно для меня самой, с моих губ сорвался легкий стон блаженства. Я откусила снова, еще даже не проглотив предыдущую порцию.

– Леди Америка? – позвал кто-то.

Все обернулись на голос, который, как оказалось, принадлежал принцу Максону. Я не ожидала, что он обратился ко мне, да и вообще к кому -либо, вот так запросто, перед всеми.

Хуже того, он заговорил со мной неожиданно, когда мой рот был набит едой. Я прикрыла губы ладошкой и зажевала так быстро, как только могла. Должно быть, прошло не больше пары секунд, но для меня они показалось вечностью под пристальными взглядами окружающих. Пытаясь прочистить горло, я заметила самодовольную усмешку Селесты. Я, должно быть, была легкой добычей в ее глазах.

– Да, Ваше Высочество? – ответила я, как только мне удалось проглотить большую часть.

– Как Вам здешняя еда? – Максон, казалось, из последних сил сдерживал смех, то ли из-за моего растерянного выражения лица, то ли вспомнив наш с ним первый разговор, которого, по идее, вообще не должно было состояться.

Я постаралась сохранить спокойствие.

– Превосходно, Ваше Высочество. Это клубничное пирожное... у меня есть сестра, и она любит сладости даже больше, чем я. Думаю, она бы заплакала от счастья, попробовав его. Оно безупречно.

Максон проглотил порцию своего собственного завтрака и откинулся на спинку кресла.

– Вы и правда думаете, что она заплакала бы? – казалось, его порядком веселило подобное предположение. Я вспомнила, что он совершенно терялся при виде девичьих слез.

– О, я в этом уверена. Она не слишком хорошо умеет сдерживать эмо-

ции.

– А готовы ли Вы держать на этом пари? – быстро спросил он. Я заметила, как остальные девушки вертят головами туда-сюда, следя за нашим диалогом, словно за игрой в теннис.

– Если бы мне предложили спор, я бы не отказалась, – я улыбнулась, представив себе спор о чьих-то счастливых слезах.

– И что бы Вы хотели получить как награду в случае выигрыша? Кажется, Вы неплохо разбираетесь в сделках, – он явно наслаждался своей небольшой игрой. Отлично. Я тоже сыграю.

– А что бы хотели Вы? – спросила я в ответ. И только тогда задумалась, что же я смогу предложить тому, у кого есть все на свете.

– Мне все же хотелось бы для начала услышать мнение дамы, – не сдавался он.

Это был интересный вопрос. Почти такой же интересный, как тот, что я могу предложить Максону. А что он может предложить мне? В его распоряжении почти целый мир. Так чего же я хотела?

Пусть я и не была Первой, но жила как одна из них. У меня было больше еды, чем я могла съесть, и столько комфорта, что сложно себе представить. Люди услуживали мне всеми возможными способами, хотела я того или нет. И если мне что-нибудь вдруг понадобилось бы, наверняка, стоило лишь попросить об этом.

Единственное, чего мне действительно хотелось, так это сделать это место менее похожим на дворец. Если бы моя семья жила где-нибудь поблизости, я могла бы попросить, чтобы они приехали навестить меня. Но я пробыла здесь всего один день.

– Если она заплачет, хочу носить брюки неделю, – заявила я.

Все рассмеялись, тихо, как того требовали правила приличия. Даже король и королева, похоже, нашли мое требование занимательным. Мне понравилось, как королева посмотрела на меня. Словно я стала для нее чуть менее чужой.

– Идет, – сказал Максон. – А если нет, вы будете должны мне прогулку по саду завтра после обеда.

Прогулку в саду? И только? Для меня это не казалось ничем особенным. Я вспомнила, как вчера вечером Максон сказал, что его постоянно охраняют. Возможно, он просто не знал, как попросить оставить его в одиночестве на некоторое время. Может, для него это был единственный способ попробовать что-нибудь новое.

Кто-то неподалеку от меня удрученно вздохнул.

Ну конечно же. Если я проиграю спор, то стану первой девушкой, которая официально получит приглашение на свидание с принцем. Часть меня хотела отказаться, но если я собиралась быть полезной, как и обещала ему, я не могла отмахнуться от его первой попытки остаться наедине для разговора.

– Ваши условия жестоки, сэр, но я, пожалуй, соглашусь.

– Джастин? – официант, с которым он беседовал ранее, шагнул вперед. – Упакуйте немного клубничных пирожных и отправьте их семье этой леди. И пусть кто-нибудь дождется, пока ее сестра попробует их, чтобы рассказать нам потом, заплакала она или нет. Мне действительно любопытно!

Джастин кивнул и вышел.

– Можешь написать пару строк своим домашним, и мы отправим письмо вместе с посылкой. Сообщи им, что ты в порядке. Вообще-то вы все должны это сделать. После обеда напишите письма своим семьям, и мы позаботимся, чтобы их доставили сегодня же.

Все улыбнулись, счастливые, что, наконец, стали частью происходящего. Мы покончили с оставшимся завтраком и пошли писать свои письма. Энни нашла для меня немного почтовой бумаги, и я написала несколько строчек своим близким. Даже если все началось не очень гладко, я не хотела дать им повод беспокоиться обо мне. Я попыталась напустить в слова побольше жизнерадостности.

*Дорогие мама, папа, Мэй и Джерад,*

*Я уже так сильно по вам соскучилась!*

*Принц позволил нам написать домой и сообщить на-*

*шим семьям, что мы в порядке и полной безопасности. У меня все хорошо. Летать на самолете немного страшно, но и весело в то же время. Все внизу кажется таким маленьким! Мне дали столько чудесной одежды и других вещей, и у меня есть три милые горничные, которые помогают мне одеваться, убирают мою комнату и подсказывают, куда нужно идти. Так что, даже если я в полном смятении, они всегда знают, где я должна быть, и позаботятся о том, чтобы я попала туда вовремя.*

*Другие девушки в основном застенчивы, но, кажется, у меня появилась подруга. Помните Марли из Кента? Мы познакомились по дороге в Анджелес. Она очень веселая и дружелюбная. Даже если я скоро отправлюсь домой, надеюсь, она дойдет до финала.*

*Я также познакомилась с принцем. И с королем, и с королевой. Вживую они выглядят еще величественнее. У меня не было возможности пообщаться с ними, зато я говорила с принцем Максоном. Он удивительно щедрый человек... так мне кажется.*

*Мне нужно идти, но я люблю вас и очень скучаю. Я постараюсь написать еще раз как можно скорее.*

*С любовью,*

*Америка*

Не думаю, что в письме было что-то шокирующее, но я могла ошибаться. Я представила, как Мэй перечитывает его снова и снова, пытаясь отыскать скрытые детали моей дворцовой жизни между строк. Я вдруг подумала: что если она прочтет письмо раньше, чем попробует пирожные?

*P.S. Мэй, эти клубничные пирожные так хороши, что слезы на глазах выступают, не правда ли?*

Вот и все, что я могла сделать.

***

И этого оказалось недостаточно.

Вечером в мою дверь постучался дворецкий. Он принес конверт с письмами от моей семьи и долгожданную новость.

– Она не заплакала, мисс. Она сказала, что, действительно, вкуснее пирожных она не пробовала, но ни слезинки не проронила. Его Высочество зайдет за Вами завтра в пять часов пополудни. Пожалуйста, будьте готовы.

Я не слишком расстроилась из-за проигрыша, но я и правда была бы рада брюкам. По крайней мере, у меня были письма. Я осознала, что впервые рассталась с семьей больше, чем на несколько часов. У нас не хватало денег, чтобы путешествовать, а поскольку у меня не было близких подруг, я никогда не ночевала вне дома. Если бы я только могла получать письма каждый день! Но это, скорее всего, обойдется мне очень дорого.

Сначала я прочла папино. Он не уставал повторять, какой красивой я была по телевизору, и как он мной гордился. Он также отметил, что мне не следовало отправлять три коробки пирожных, потому что это избалует Мэй.

Три коробки?! О Бог ты мой...

Он упомянул, однако, что Аспен заходил, чтобы помочь с документацией, поэтому одну коробку передали его семье. Я не знала, как отнестись к этому. С одной стороны, я была рада, что им досталось немного вкусной еды. С другой, я представила, как он делится ими со своей новой девушкой. С кем-то, кого он в состоянии побаловать. Я задумалась, не всколыхнулась ли его гордость от подарка Максона. Хотя, может он так реагировал только непосредственно на мое внимание. В любом слу-

чае, я задержалась на этих строчках дольше, чем собиралась.

В заключение папа сказал, что рад, что у меня появилась подруга - ведь я всегда сложно сходилась с людьми. Я сложила письмо и провела пальцем по его подписи на другой стороне. Никогда прежде не замечала, как забавно он пишет свое имя.

Письмо Джареда было коротким и конкретным. Он говорил, что любит меня и скучает, и просил больше еды. Я вдоволь посмеялась над ним.

Мама же включила командира. Даже просто читая ее письмо, я слышала, как она самодовольным тоном поздравляет меня с приобретением симпатии принца - она была проинформирована Джастином, что лишь мне одной было позволено отправить домой подарок - и просит меня и дальше придерживаться стратегии, которую я избрала.

Да, мам, я просто продолжу говорить принцу, что он меня совершенно не интересует и оскорблять его так часто, как только смогу. Отличный план!

Я была рада, что оставила письмо Мэй напоследок.

Оно было просто головокружительным. Она призналась, что завидует мне, потому что я теперь все время ем так вкусно, и жаловалась на маму, которая стала к ней более требовательна. А дальше посыпался шквал вопросов: был ли Максон в жизни таким же красавчиком, как и по телевизору? что на мне было надето прямо сейчас? может ли она приехать навестить меня во дворце? не было ли у Максона тайного брата, который мог бы однажды жениться на ней, когда придет время?

Я рассмеялась и прижала письма к груди. Мне стоит написать ответы как можно скорее. Где-то во дворце должен был быть телефон, но пока нам об этом ничего не сказали. Даже если бы у всех девушек в комнатах были свои телефоны, думаю, было бы слишком звонить домой каждый день. Кроме того, эти письма будет забавно перечитывать в будущем. Как доказательства того, что я и правда была здесь, когда это место останется лишь воспоминанием.

Я легла в постель счастливая, зная, что с моей семьей все хорошо. Тепло, наполнявшее меня, убаюкивало, хоть я и нервничала немного от

того, что завтра мне снова придется оказаться наедине с Максоном. Я искренне понадеялась, что переживаю зря.

***

– Может, возьмешь меня под руку, хотя бы ради приличия? - спросил он, забрав меня из комнаты на следующий день. Я немного поколебалась, но все же выполнила его просьбу.

Мои горничные уже облачили меня в вечернее платье - крошечное голубое мини с выраженной талией и рукавами-крылышками. Я отлично чувствовала, как ткань его костюма трется о мою голую кожу. Мне было неловко. Он, должно быть, заметил это и постарался держать дистанцию.

– Мне жаль, что она не заплакала.

– О, тебе нисколько не жаль, – мой шутливый тон дал понять: я не слишком расстроилась из-за проигрыша.

– Я никогда прежде не спорил. Было приятно победить, – признался он извиняющимся тоном.

– Новичкам везет.

Он улыбнулся.

– Возможно. В следующий раз попробуем ее рассмешить.

Я тут же принялась перебирать в голове всевозможные сценарии. Что во дворце может заставить Мэй умереть со смеху? Максон, должно быть, понял, что я думаю о ней.

– Расскажи о своей семье.

– Что ты хочешь знать?

– Все. Твоя семья, должно быть, очень отличается от моей.

– Ты знаешь, да, – я рассмеялась. – Что ж, во-первых, мы не носим короны на завтрак.

Максон улыбнулся.

– Значит, в доме Сингеров принято одевать их к ужину?

– И как ты догадался?!

Он тихонько рассмеялся. Я уже начала подумывать, что Максон не

был таким занудой, каким я его себе представляла.

– Ну, я средний ребенок из пяти…

– Пяти?

– Да, у нас почти все семьи заводят по многу детей. Я бы тоже завела много.

– О, правда? – Максон приподнял брови в изумлении.

– Да, – ответила я совсем тихо. Не знаю почему, но мне казалось, что это очень личное. Только еще одному человеку было об этом известно. На меня нахлынули грустные воспоминания, но я отогнала их.

– В общем, моя старшая сестра Кенна вышла замуж за Четвертого. Теперь она работает на фабрике. Мама хочет и меня женить как минимум на Четвертом, но мне не хочется отказываться от музыки. Я слишком люблю петь. Но, похоже, я уже и так стала Третьей. Все это действительно странно. Я думаю, что останусь музыкантом, если мне будет позволено. Следующий Кота. Он скульптор. Мы с ним не часто видимся, но он приезжал на проводы. Затем я.

Максон слегка улыбнулся.

– Америка Сингер, – вставил он. – Мой самый близкий друг.

– Да, верно, – я закатила глаза. Не могла же я и вправду быть его самым близким другом. По крайней мере, я не могла стать им за такой короткий срок. Но, должна признать, он был единственным посторонним человеком, которому я полностью доверяла. Ну, и еще Марли. Была ли я для него таким же человеком?

Мы медленно двигались по коридору к ступеням. Казалось, он нисколько не торопился.

– После меня идет Мэй. Она - тот человек, который продал меня сюда без зазрения совести. Честно, я очень удивилась - не могу поверить, что она не заплакала! И да, она художница. Я... я ее обожаю.

Максон внимательно посмотрел на меня. Говоря о Мэй, я немного расслабилась. Мне нравился Максон, но я все еще не была уверена, что хочу полностью ему открыться.

– И, наконец, Джерад. Он совсем ребенок, ему семь. Он еще не понял,

к чему у него талант: к музыке или к рисованию. Он больше любит играть в футбол и возиться с насекомыми, что тоже неплохо, только вот он не сможет посвятить этому всю свою жизнь. Но мы пока что позволяем ему экспериментировать. Вот, в общем-то, и все.

– А что насчет родителей? – спросил он.

– А что насчет *твоих* родителей? – спросила я в ответ.

– Ты знаешь моих родителей.

– Нет, не знаю. Я знаю, какие они на публике. Но какие они на самом деле? – я потянула его за рукав, что оказалось не так-то просто - у Максона были огромные предплечья. Даже через плотную ткань его костюма проступали сильные, тугие мышцы. Максон вздохнул, но не раздраженно. Казалось, ему даже нравилось, когда к нему приставали с расспросами. Должно быть, это очень скучно - расти во дворце одному, без друзей и сверстников.

Пока он думал, что бы мне ответить, мы вышли в сад. Стража лукаво улыбнулась, когда мы проходили мимо. Прямо за ними нас ждали репортеры. Конечно же, им хотелось поприсутствовать на первом свидании принца. Но Максон покачал головой, и они мигом скрылись внутри. Я слышала, как кто-то из них ругнулся. Я не слишком радовалась камерам вокруг, но то, как он их прогнал... У меня закралось странное предчувствие.

– Ты в порядке? Кажешься напряженной, – заметил Максон.

– Тебя смущают плачущие девушки, меня - прогулки с принцами, – сказала я, пожав плечами.

Максон рассмеялся, но ничего не ответил. Мы двинулись на восток, и солнце скрылось из виду, заслоненное непроходимой стеной леса. И хотя был еще совсем ранний вечер, тень от деревьев, падая прямо на нас, создавала ощущение темноты. Когда я искала одиночества в ту ночь, это место стало для меня идеальным укрытием. Вот и сейчас казалось, будто мы были абсолютно одни. Мы уходили все дальше, прочь от дворца и за пределы слышимости стражи.

– И что же во мне тебя так смущает?

Я помедлила с ответом, но, в конце концов, решила сказать все, как есть.

– Твой характер. Твои намерения. Я не совсем уверена, чего ты ждешь от этой прогулки.

– О, – он остановился и посмотрел мне в глаза. Мы стояли так близко друг к другу, что, несмотря на теплый летний воздух, у меня по спине пробежали мурашки. – Думаю, ты уже поняла, что я не из тех мужчин, которые ходят вокруг да около. Я скажу прямо, чего хочу от тебя.

Максон подступил еще ближе и мое дыхание перехватило. Я попала в ситуацию, которой больше всего боялась. Никакой стражи, никаких камер. Никто не сможет его остановить - прекрасная возможность распустить руки.

У меня сработал коленный рефлекс. Образно говоря, я стукнула Его Высочество коленкой в бедро. Сильно.

Максон вскрикнул и согнулся. Я попятилась.

– За что?

– Если хоть пальцем меня тронешь, еще хуже будет! – пообещала я.

– Что?

– Я сказала, если ты...

– Да нет же, сумасшедшая, я и с первого раза все услышал, – Максон скривился. – Но что ты имела в виду, говоря это?

Я почувствовала, как по телу разливается жар стыда. Я пришла к худшему выводу и уже приготовилась противостоять тому… чего явно не произойдет.

Прибежали стражники, встревоженные нашей перепалкой. Максон неловко отмахнулся от них из полусогнутого положения.

Я молча ждала, пока Максон, наконец, не справился с болью и не распрямился.

– Что ты подумала, я хотел сделать?

Я опустила голову, краснея как помидор.

– Америка, что ты думала, я хотел сделать? – он казался расстроенным. Не просто расстроенным - оскорбленным. Он, должно быть, дога-

дался, что именно взбрело мне в голову, и ему это совсем не понравилось. – На людях? Ради всего святого. Я джентльмен!

Он пошел прочь, но на полпути обернулся.

– Почему ты вообще предложила помощь, если такого низкого мнения обо мне?

Я даже в глаза ему посмотреть не могла. Я не знала, как объяснить, что ждала подвоха, что полумрак и атмосфера вечернего сада заставили меня чувствовать себя неловко, что я до этого оставалась наедине лишь с одним парнем, и не знала, чего еще ожидать в таких ситуациях.

– Сегодня поужинаешь у себя в комнате. Разберемся с этим утром.

Я оставалась в саду, пока не решила, что все остальные уже в столовой, а потом петляла по коридорам, чтобы зайти в свою комнату попозже. Энни, Мэри и Люси были вне себя, увидев меня. У меня не хватило духу признаться им, что я не провела с принцем и половины всего этого времени.

Мой ужин уже был доставлен и дожидался меня на столике, на балконе. Я была так голодна, что и думать забыла о своем унижении. Но, как оказалось, вовсе не мое долгое отсутствие являлось причиной волнения моих горничных. На кровати лежала большая коробка, словно бы просившая, чтобы ее открыли.

– Можно нам взглянуть? – спросила Люси.

– Люси, это невежливо! – осуждающе заметила Энни.

– Они доставили его, как только вы ушли! С тех пор мы мучаемся вопросом! – упрашивала Мэри.

– Мэри, манеры! – воскликнула Энни.

– Нет, не волнуйтесь, девочки. У меня нет от вас секретов, – когда завтра Максон меня прогонит, я расскажу своим горничным, почему он это сделал.

Я одарила их слабой улыбкой и потянула за большой красный бант, обвязывавший коробку. Внутри лежало три пары брюк. Одни хлопковые, другие - строгого покроя, но очень приятные на ощупь, и, наконец, роскошные дизайнерские джинсы. Сверху покоилась открытка с гербом

Иллеи на обороте.

*Ты просишь о таких простых вещах, что я просто не могу тебе отказать. Но прошу, одевай их только по субботам. Спасибо за вечер.*
*Твой друг,*
*Максон.*

Перевод: Юлия Спиридонова, Марьям Филлипова, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 13 ГЛАВА

У меня просто физически не хватало времени, чтобы стыдиться или волноваться, учитывая происходящее.

Когда наутро мои горничные принялись одевать меня к завтраку без единого намека на беспокойство, я предположила, что моему присутствию там никто не воспротивился. Позволение спуститься и в последний раз насладиться дворцовой пищей, в последней раз почувствовать себя одной из красавиц-Отобранных, указывало на щедрость души Максона, о которой я даже мечтать не смела после того, что случилось вчера.

Мы уже почти доели свой завтрак, когда Крисс наконец набралась храбрости, чтобы спросить о нашем с принцем свидании.

– Как все прошло? – спросила она тихо, как и было положено во время еды. Но эти три слова заставили оживиться и прислушаться весь стол. Я вздохнула.

– Неописуемо.

Девушки переглянулись, очевидно, ожидая большего.

– Как он себя вел? – спросила Тайни.

– Эм-м-м... – я старалась тщательней подбирать слова. – Совсем не так, как я ожидала.

В ответ на это по столу пробежал легкий шепоток.

– Ты что, нарочно так себя ведешь? Пытаешься от нас отделаться? –

вмешалась Зои. – Если да, то это ужасно грубо.

Я покачала головой. Как я могла им объяснить?

– Нет, я просто…

Но я была избавлена от необходимости придумывать очередной завуалированный ответ странным шумом, доносящимся из коридора. Раздались приглушенные крики. За мое короткое пребывание здесь я не слышала ни единого подобного звука. Топот охранников, хлопанье массивных дверей и звон вилок, падающих на тарелки, слились в причудливую какофонию. Это был полный и абсолютный хаос.

Казалось, королевская семья поняла, что происходит, раньше остальных.

– Отойдите подальше от двери, леди! – крикнул король Кларксон и подбежал к окну.

Девушки, смущенные, но не желающие ослушаться, медленно продвигались к дальнему углу залы. Король опустил штору, но не обычную, способную защитить комнату лишь от солнечных лучей. Это была металлическая заслонка, которая со скрипом скользнула до самого подоконника. Неподалеку Максон задвинул еще одно окно. И даже сама королева, прекрасная и хрупкая на первый взгляд, поспешно опускала следующую заслонку, наравне с сыном и мужем.

В этот момент волна стражников хлынула в комнату. Я мельком увидела, что снаружи тоже остались люди в форме, образуя живой щит перед огромными дверьми, которые тут же были закрыты на засовы и подперты мебелью.

– Они перебрались через стены, Ваше Величество, но мы их сдерживаем. Дамам безопаснее было бы подняться наверх, но мы так близко к парадному входу...

– Все ясно, Марк, – ответил король, не дав ему закончить.

Я сразу же все поняла: повстанцы пробрались в сад.

Я предполагала, что это рано или поздно случиться. Столько гостей во дворце, такая суматоха… Конечно же кто-то что-то упустил из виду, и вот наша безопасность под угрозой. И даже если проникнуть сюда бы-

ло бы не так просто, повстанцы не смогли бы упустить такой заманчивой возможности совершить набег. По сути, Отбор был одним из самых громких событий, придуманных правительством. Я была уверена, что повстанцы ненавидели его, как и все, что связано с Иллеей.

Но, что бы они там ни думали, я не собиралась отдаваться на волю судьбы.

Оттолкнув свой стул так резко, что он опрокинулся, я побежала к ближайшему окну, чтобы опустить металлическую заслонку. Еще несколько девушек, которые поняли, наконец, в какой опасности мы находимся, последовали моему примеру.

Опустить заслонку оказалось нетрудно, а вот чтобы зафиксировать ее на месте потребовалось больше усилий. Только мне поддалась правая защелка, как что-то ударило по металлу с другой стороны, заставив меня с криком отскочить назад. Я споткнулась о свой же упавший стул и рухнула на пол.

Максон тут же подскочил ко мне.

– Ты не ранена?

Я быстро оценила свои повреждения. Возможно, у меня появится синяк на бедре, и я немного испугалась, но ничего серьезного.

– Нет, я в порядке.

– Давай-ка в тот угол. Живо! – приказал он, помогая мне подняться.

Он побежал по комнате, приводя в чувства девушек, попросту застывших от ужаса, и направляя их к дальней стене. Я послушалась и поспешила в ту часть комнаты, где уже жались друг к другу остальные Отобранные. Некоторые плакали, другие просто шокировано озирались по сторонам. Тайни упала в обморок.

Единственным обнадеживающим знаком было то, как спокойно король Кларксон разговаривал со стражей у противоположной стены комнаты - достаточно далеко, чтобы девушки его не услышали. Одной рукой он в защитном жесте приобнял королеву, гордо стоявшую рядом с ним.

Сколько атак она уже пережила? О таких нападениях сообщалось по

нескольку раз за год. Для нее шансов оставалось все меньше и меньше... и для ее мужа... и для ее единственного ребенка. Ведь очевидно, что повстанцы когда-нибудь выгадают верный момент, чтобы заполучить желаемое. Тем не менее, она по-прежнему стояла с высоко поднятой головой и безупречно спокойным выражением лица.

Я оглядела девушек. Найдется ли среди них достаточно сильная, чтобы стать королевой? Тайни все еще была без сознания. Селеста и Бариэль пытались завязать разговор. Я знала, как Селеста ведет себя, когда с ней все в полном порядке, и этот момент определенно не был одним из таких. Но все же, по сравнению с другими, она сдерживала свои эмоции очень хорошо. Остальные были близки к истерике, на полу на коленях, дрожа и всхлипывая. Некоторые из них мысленно ушли в себя в попытке спрятаться от ужаса происходящего. Их лица были пустыми, и они рассеяно заламывали руки, в ожидании конца.

Марли тоже плакала, но было видно, что она все еще в состоянии адекватно воспринимать ситуацию. Я схватила её за руку и потянула вверх.

– Вытри глаза и встань прямо, – рявкнула я ей в ухо.

– Что? – пискнула она в ответ.

– Просто делай, как я говорю. Доверься мне.

Марли смахнула слезы краем платья и выпрямилась. Она дотронулась до лица в нескольких местах, должно быть, поправляя размытый макияж, а затем взглянула на меня в ожидании одобрения.

– Молодец. Извини за командный тон, ладно? – я чувствовала, что было жестоко приказывать ей, когда вокруг царило такое беспокойство, но ей нужно было постараться держать себя так же хорошо, как это делала королева Эмберли. Вне всяких сомнений, Максон захочет увидеть это в своей будущей жене, а Марли просто обязана выиграть.

Марли кивнула.

– Ничего, ты права. Ведь мы и правда в безопасности. Мне не следовало беспокоиться.

Я кивнула в ответ, хоть она и ошибалась. Мы вовсе не были в безо-

пасности. Стражники выстроились возле массивной двери, в то время как какие-то тяжелые предметы снова и снова ударялись о стены и окна.

В комнате не было часов. Я понятия не имела, как долго продолжалась атака, и это только добавляло напряженности. Как мы узнаем, если они проберутся внутрь? Только если они начнут выламывать двери? Что если они уже внутри, а мы просто не знаем?

Беспокойство стало невыносимым. Я переводила взгляд с декоративной вазы с цветами, названия которых я не знала, на свои идеально наманикюренные ногти, делая вид, что это самые значимые вещи на свете.

В конце концов, проверив остальных девушек, Максон подошел и ко мне. Он стоял рядом и тоже смотрел на цветы. Никто из нас не знал, что сказать.

– Ты в порядке? – наконец спросил он.

– Да, – прошептала я.

Он помолчал немного.

– Мне так не кажется.

– Что будет с моими горничными? – спросила я, не скрывая волнения. Я знала, что была в относительной безопасности. Были ли они? Что если кто-то из них окажется в коридорах, когда повстанцы пробьются во дворец?

– С твоими горничными? – переспросил он таким тоном, словно я была полоумной.

– Да, с моими горничными, – я посмотрела ему в глаза, словно бы укоряя за то, что так мало людей во дворце могли быть спокойны за свою жизнь. Я чувствовала, что вот-вот расплачусь. Я не хотела расплакаться, поэтому сосредоточилась на дыхании, пытаясь удержать эмоции под контролем.

Он посмотрел мне в глаза и, кажется, понял, что я сама была лишь на касту выше любой горничной. Хоть и не это было причиной моего беспокойства, но казалось странным, что единственное различие между

мной и такой девушкой, как Энни, внесло участие в лотерее.

– Они, должно быть, сейчас прячутся. Помощь найдет их, где бы они ни были. Стража очень быстро всех оповещает. Они в порядке. Раньше у нас была сигнализация, но в последний свой визит повстанцы ее разбили. Конечно, ее пытаются починить, но пока что… – Максон вздохнул.

Я смотрела в пол, пытаясь унять беспокойные мысли.

– Америка, – взмолился он. Я подняла взгляд. – Сними все хорошо. Повстанцев сдерживают, и каждый человек во дворце знает, как себя вести в чрезвычайной ситуации.

Я кивнула. Мы стояли молча еще с минуту, и я поняла, что он вот-вот двинется дальше.

– Максон, – прошептала я.

Он притормозил, слегка удивленный столь простым обращением.

– О вчерашнем… Позволь мне объяснить. Когда меня готовили к переезду сюда, к нам домой приехал мужчина, и он сказал, что я не имею права отказать тебе - о чем бы ты ни попросил - никогда.

– Что? – он был ошеломлен.

– Это прозвучало так, будто ты можешь потребовать от меня определенных действий. И ты сам сказал, что все это время был обделен женским вниманием. Я просто испугалась, когда ты подошел так близко.

Максон покачал головой, пытаясь переварить услышанное. Унижение, ярость и неверие исказили его обычно спокойное лицо.

– Так было сказано всем? – спросил он, дрожащим от негодования голосом.

– Я не знаю. Сомневаюсь, что многим девушкам потребовалось подобное предупреждение. Каждая из них только и ждет момента, когда ты набросишься на нее с поцелуями.

Он горько усмехнулся.

– Но ты - нет. И поэтому без колебаний всадила мне колено промеж ног.

– Я попала в бедро!

– О, умоляю. Мужчине не нужно столько времени, чтобы оправиться от удара в бедро.

Я прыснула. К счастью, Максон ко мне присоединился. Но тут еще один залп попал в окна, и мы одновременно смолкли. На какое-то мгновенье я забыла, где нахожусь.

– И как же ты держишься, запертый в комнате с толпой плачущих девушек? – спросила я.

На его лице проступило искреннее замешательство, вызвавшее у меня улыбку.

– Ничто в мире так не смущает! – быстро прошептал он. – Я не имею ни малейшего понятия как это остановить.

И этот человек будет править нашей страной: парень, которого в ступор приводят женские слезы. Я с трудом сдержала смех.

– Попробуй погладить их по спине или плечу и сказать, что все будет в порядке. Чаще всего, когда девушки плачут, они хотят от тебя не решения проблемы, а простого утешения, – посоветовала я.

– В самом деле?

– Чаще всего так и есть.

– Это не может быть настолько просто, – в его голосе все еще звучало сомнение, но он казался заинтригованным.

– Я сказала "чаще всего", а не "всегда". Но, думаю, это сработает с большинством здешних девушек.

Он фыркнул.

– Я в этом не уверен. Уже двое интересовались, позволю ли я им уехать, когда осада закончится.

– Я думала, нам запрещено просить об этом, – однако мне не стоило удивляться. Если уж он согласился оставить меня здесь в качестве друга, должно быть, его не особо заботил протокол. – Что ты собираешься делать?

– А что я могу сделать? Я не хочу никого удерживать здесь против воли.

– Быть может, они еще изменят свое решение, – предположила я.

– Как знать, – он помолчал. – А что насчет тебя? Не спугнули повстанцы? – спросил с улыбкой.

– Честно? Я была уверена, что ты так или иначе оправишь меня домой сразу же после завтрака, – призналась я.

– Честно? Я подумывал об этом.

Я улыбнулась в ответ. Наша дружба, если это можно было так назвать, пусть и началась странно и неловко, но, по крайней мере, мы оставались честны друг с другом.

– Ты так и не ответила. Хочешь уехать?

Под град ударов, сотрясающих стены, эта идея прозвучала очень заманчиво. Самое худшее нападение, которому я могла подвергнуться дома - это попытка Джерада стащить мою порцию ужина. Другие конкурсантки не питали ко мне особой любви, в здешней одежде было сложно дышать и двигаться, а какие-то незнакомые люди и вовсе желали мне смерти. Если задуматься, я изначально не хотела участвовать. Но это приносило пользу моей семье, и приятно было наконец-то наедаться вдоволь. Я пока не хотела снова видеть *его*, а Максон и правда казался немного потерянным во всей этой ситуации. Кто знает, может, я помогу выбрать следующую принцессу Иллеи?

Я посмотрела Максону в глаза.

– Если ты меня не вышвыриваешь, я остаюсь.

Он улыбнулся.

– Хорошо. Но ты должна будешь научить меня еще парочке трюков - вроде этого похлопывания по плечу.

Мы обменялись улыбками. Да, это все не для меня, но мое пребывание здесь не пройдет впустую.

– Америка, ты не могла бы оказать мне услугу?

Я кивнула.

– Всем известно, что вчера вечером мы провели много времени вместе. Если кто-нибудь спросит, пожалуйста, скажи, что я не... что я не стал бы...

– Конечно. И мне действительно очень жаль.

– Я должен был предположить, что если какая-то девушка и попробует ослушаться приказа, то это будешь ты.

Последовала новая серия ударов, заставив нескольких девушек испуганно вскрикнуть.

– Кто они? Чего они хотят? – спросила я.

– Кто? Повстанцы? – я кивнула. – Смотря, о ком ты спрашиваешь. И какую группу имеешь ввиду, – ответил он.

– Погоди, так этих групп несколько? – это делало ситуацию гораздо хуже. Если только одна группа способна устроить такое, что будет, если две или более атакуют вместе? Казалось крайне несправедливо, что основная масса населения не знает таких подробностей. Раньше мне казалось, что повстанец есть повстанец, но слова Максона прозвучали так, словно одни могли быть опаснее других. – Сколько всего?

– Две основные: Южане и Северяне. Последние нападают гораздо чаще. Они ближе - обосновались в дождливом районе Лайкелии неподалеку от Беллингэма, к северу отсюда. Это место почти заброшено, сплошные руины, вот они и превратили его в своего рода базу. Хотя, на мой взгляд, они там не всегда. У меня есть теория, что они постоянно перемещаются, но никто не желает прислушаться. В любом случае, их нападения почти никогда не увенчиваются успехом. Они крайне редко способны пробраться внутрь, и даже когда им это удается… последствия незначительные. Думаю, сейчас мы наблюдаем именно их работу.

– Почему? Чем они так отличаются от Южан?

Максон медлил, взвешивая информацию, решая, следует ли мне знать ответ. Он огляделся, проверяя, не подслушивает ли нас кто-нибудь. Я последовала его примеру и обнаружила, что несколько человек пристально наблюдают за нами. Среди них была Селеста, которая, казалось, пыталась прожечь во мне дыру своим испепеляющим взглядом. Я тут же отвернулась. Однако никто из этих зрителей не был достаточно близко, чтобы нас услышать. Видимо, Максон пришел к тому же выводу, потому что он наклонился чуточку ближе и прошептал:

– Их нападения куда более… смертоносны.

Я вздрогнула.

– Смертоносны?

Он кивнул.

– Они приходят лишь пару раз в год, насколько я могу судить по последствиям. Меня пытаются оградить от правдивой статистики, но я не глупец. Люди погибают, когда они приходят. Проблема в том, что обе группы выглядят для нас одинаково: грязные, по большей части мужчины, худощавые, но сильные. И никаких опознавательных знаков вроде эмблемы или символа. Поэтому невозможно понять, кто напал, пока все не стихнет.

Я снова оглядела комнату. Многие люди были в опасности, если Максон оказался неправ, и это были Южане. Я снова вспомнила о своих бедных горничных.

– Но я все еще не понимаю. Что они хотят?

Максон пожал плечами.

– Южане, похоже, не хотят ничего, кроме нашего полного уничтожения. Я не знаю, почему, но, полагаю, дело в обычном недовольстве: они устали жить на периферии общества. Ведь, технически, они даже не Восьмые с тех пор, как перестали причислять себя к социальной структуре. Северян понять сложнее. Отец говорит, что они просто хотят растревожить нас, выставить правительство уязвимым, но я считаю, что у них другая цель, – он выглядел довольно гордым в это время. – У меня и на этот счет есть теория.

– Поделишься со мной?

Максон снова поколебался. Не потому, что боялся напугать меня, на этот раз, а скорее из страха не быть воспринятым всерьез. Он придвинулся еще ближе и прошептал:

– Я думаю, они ищут что-то.

– Что? – поинтересовалась я.

– Этого я не знаю. Но после прихода Северян - всегда одно и то же. Они избивают стражу до бессознания или оставляют их связанными в коридорах, но они ни разу никого не убили. Хотя нескольких человек

они забрали с собой, и это слегка настораживает. Но все выглядит так, будто они следуют определенным правилам. В комнатах, куда им удается попасть, остается полный беспорядок. Каждый ящик выдвинут, одежда разбросана, ковры перевернуты. Многие вещи сломаны. Ты не поверишь, сколько камер мне пришлось сменить за эти годы.

– Камер?

– Эм… да, – робко сказал он. – Мне нравится фотографировать. Но, несмотря на все это, они берут немного. Отец, конечно, считает, что моя идея - полная чушь. Что эта кучка безграмотных варваров может искать? Но я все же думаю, что у них есть причина вести себя именно так.

Это звучало интригующе. Если бы у меня не было ни гроша в кармане, и я знала бы как проникнуть во дворец, я вынесла бы все ювелирные украшения, которые смогла бы отыскать, все, что имело бы хоть какую-то материальную ценность. У этих повстанцев, должно быть, на уме нечто большее, чем обычное политическое заявление.

– Думаешь, это глупо? – спросил Максон, возвращая меня к реальности.

– Нет, не глупо. Странно, но не глупо.

Мы улыбнулись друг другу. Я поняла, что если бы Максон был Просто Максоном, а не Максоном - будущим королем Иллеи, он был бы тем человеком, с которым я хотела бы жить по соседству и болтать вот так время от времени.

Он прочистил горло.

– Полагаю, я должен закончить обход.

– Да, думаю, здесь немало дам, интересующихся, почему тебя так долго нет рядом.

– Итак, *дружище*, с кем посоветуешь мне поговорить в первую очередь?

Я улыбнулась и обернулась, чтобы убедиться в том, что моя кандидатка на роль принцессы все еще была на месте.

– Видишь ту блондинку в розовом? Это Марли. Милая, очень добрая,

любит кино. Вперед!

Максон усмехнулся и направился в её сторону.

***

Казалось, время, проведенное в обеденной зале, длилось вечно, хотя на самом деле атака продолжалась чуть более часа. Как мы позже узнали, повстанцам так и не удалось прорваться во дворец - только в сад. Стража не стреляла в нарушителей, пока те не принялись швырять кирпичами, выбитыми из стен дворца, в парадную дверь. Этими же кирпичами, как оказалось, они обстреливали и окна.

В конце концов, двое мужчин, подошли слишком близко к главному входу, и стража открыла по ним огонь. Этим осада и закончилась, потому что повстанцы тут же сбежали. Если догадки Максона верны, думаю, это были Северяне.

Нас держали взаперти еще какое-то время, пока территорию дворца полностью не обыскали.  Когда все успокоилось, нас отпустили по комнатам. Я шла рука об руку с Марли. Несмотря на то, что там, внизу, я держала себя в руках, напряжение от атаки все же сказалось на мне, и я была рада, что есть кто-то, кто может меня отвлечь.

– Он все-таки позволил тебе носить брюки? – спросила она. Я завела тему о Максоне, в надежде узнать, как прошел их разговор.

– Да. Это было очень щедро с его стороны.

– Я думаю, это мило.

– Он очень мил. Он остается милым даже когда получает по самому больному месту, – *например, коленом по своим королевским драгоценностям*.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего,  – мне не хотелось вдаваться в подробности. – О чем вы, двое, говорили сегодня?

Она покраснела.

– Ну, он спросил, не хочу ли я увидеться с ним на этой неделе.

– Марли! Это же замечательно!

– Тише! – взмолилась она, оглядываясь вокруг. Ей, однако, не стоило переживать - остальные девушки уже скрылись в своих комнатах. – Я стараюсь не слишком тешить себя надеждой.

Мы молчали с минуту, а потом ее прорвало.

– Кого я обманываю? Я вся в предвкушении, сдерживаюсь с трудом! Вот бы он не слишком медлил, и позвал меня куда-нибудь поскорее!

– Если уж он спросил об этом, я уверена: он позовет тебя в самое ближайшее время. Сразу, как закончит управлять страной с утра до ночи.

Она рассмеялась.

– Поверить в это не могу! То есть, я знала, что он красивый, но я не представляла, *какой* он. Я волновалась, что он будет… ну, не знаю, скучным или что-то в этом роде.

– Я тоже. Но на самом деле он… – Какой Максон на самом деле? Он нес себя с достоинством, без сомнения, но он не был снобом, каким я его представляла себе изначально. Он принц, это сразу видно, но, в то же время, он такой… – Обыкновенный.

Марли больше не смотрела на меня. Она замкнулась в себе, в своих мечтах, и мы молча шли по коридору. Я надеялась, что Максон будет соответствовать тому образу, который она себе представляла. И что она окажется именно той девушкой, которая ему нужна. Мы распрощались у ее двери, и я направилась к себе.

Мысли о Марли и Максоне вылетели из головы тот час же, как только я открыла дверь. Энни и Мэри согнулись над Люси, чье лицо покраснело от слез, а обычная для нее нервная дрожь превратилась в судороги, сотрясавшие все ее тело.

– Успокойся же, Люси, все хорошо, – шептала Энни, гладя грязные волосы девушки. – Все уже позади. Никто не пострадал.

– Ты в безопасности, дорогая, – повторяла Мэри, сжимая дергающуюся руку подруги.

Я была слишком шокирована, чтобы произнести хоть слово. Этот момент слабости Люси не был предназначен для моих глаз. Я уже было

вышла обратно в коридор, но Люси заметила меня прежде, чем я успела это сделать.

– П-п-простите, Леди, Леди, Леди… – пролепетала она.

Энни и Мэри посмотрели на меня глазами полными тревоги.

– Не беспокойся. Ты в порядке? – спросила я, торопливо закрывая за собой дверь, чтобы никто больше этого не увидел.

Люси снова попыталась что-то сказать, но не смогла вымолвить ни слова. Слезы и дрожь полностью поглотили ее маленькое тело.

– Она будет в порядке, мисс, – вмешалась Энни. – Это займет несколько часов, но она успокоится. Если ей будет совсем плохо, мы можем отвести ее в больничное крыло, – Энни понизила голос. – Только вот Люси не хочет этого. Если ее сочтут непригодной для роли горничной, ее упрячут вниз - в прачечные или на кухню. А Люси нравится служить Вам.

Я не знаю, зачем Энни старалась говорить шепотом. Мы стояли совсем рядом с Люси, и она все слышала, даже в таком ужасном состоянии.

– П-п-пожалуйста, мисс. Я не... Я не...Я… – снова попыталась начать она.

– Тише. Я не позволю им тебя упрятать, – сказала я ей и посмотрела на Энни и Мэри. – Помогите мне уложить ее в кровать.

Я думала, что втроем нам будет легко справиться, но конечности Люси извивались так, что она то и дело выскальзывала у нас из рук. Потребовалось приложить немного усилий, чтобы комфортно устроить ее. Однако удобная постель и пуховое одеяло определенно оказались действеннее слов. Люси тут же стало меньше трясти, и она рассеяно уставилась в потолок.

Мэри присела на край кровати и стала напевать мелодию, поразительно похожую на ту, что я пела маленькой Мэй, когда та была больна. Я отвела Энни в угол, подальше от ушей Люси.

– Что случилось? Кто-то проник сюда? – спросила я. Я уже была готова услышать подтверждение своей худшей догадке.

– Нет, нет, – успокоила меня Энни. – С Люси случается припадок, каждый раз, как нападают повстанцы. Ее кидает в слезы при одном лишь упоминании о них. Она…

Энни посмотрела вниз, на свои черные полированные ботинки, пытаясь решить, стоит ли открыть мне всю правду. Я не хотела вмешиваться в жизнь Люси, но мне нужно было понять. Она глубоко вздохнула и приступила к рассказу.

– Некоторые из нас родились здесь, во дворце. Мэри, например. И ее родители до сих пор живут здесь. Я сирота, меня взяли сюда, потому что им было нужно больше рабочих рук, – она расправила платье, словно бы вместе со складками пыталась сгладить эту часть своей жизни, очевидно, по сей день не дававшую ей покоя. – А Люси была продана во дворец.

– Продана? Разве такое возможно? В Иллее ведь нет рабства.

– Формально нет, но такое иногда случается. Семья Люси нуждалась в деньгах - ее матери нужна была серьезная операция. Они работали на семью Третьих, но тех денег не хватало, чтобы хоть как-то облегчить страдания бедной женщины. Они увязли в долгах, так что Люси и ее отец вынуждены были работать не покладая рук и даже переехать в дом той семьи, чтобы лишний раз не отлучаться со своих мест. Хотя, насколько я понимаю, это было все же лучше, чем жизнь в сарае, который они привыкли называть домом. Их сыну очень понравилась Люси, и я знаю, что порой касты не имеют значения, но между Третьим и Шестой - огромная пропасть. Когда мать того юноши узнала о его намерениях относительно Люси, она продала их с отцом во дворец. Я помню, как она появилась здесь. Первые несколько дней - плакала не переставая. Должно быть, она ужасно любила его.

Я обернулась, чтобы взглянуть на Люси. В моем случае, решение было принято заранее. У нее же совсем не было выбора, когда она потеряла любимого человека.

– Отец Люси работает в конюшне. Он не так уж силен или быстр, но зато много знает о лошадях. И Люси - горничная. Я знаю, это может по-

казаться Вам глупым, но быть горничной во дворце - большая честь. Это много значит для каждой из нас, ведь мы - единственные, кто достаточно умен и привлекателен, чтобы быть на виду у гостей дворца. Мы очень ценим нашу работу. Стоит ошибиться лишь раз, и тебя отправят на кухню, где жарко и нужно трудиться весь день. Или тебе придется рубить дрова или убирать в саду. Нет ничего постыдного в том, чтобы быть горничной.

Я почувствовала себя глупо. В моем понимании они все были Шестыми. Я даже не подозревала, что среди них существует какой-то особый внутренний рейтинг.

– Два года назад на дворец напали посреди ночи. Повстанцы выкрали форму стражи и проникли внутрь. Все перепуталось, и никто не знал, кого атаковать, к кому идти на помощь. Было очень страшно.

Я вздрогнула, лишь представив себе это. Темнота, путаница, огромные пространства дворца... Сравнив то нападение с сегодняшним утром, я могла бы поспорить, что тогда работали Южане.

– Один из повстанцев наткнулся на Люси, – Энни прикрыла глаза на мгновенье, и следующая фраза прозвучала невероятно тихо. – Думаю, среди них не очень много женщин, если Вы понимаете, о чем я.

– О.

– Меня там не было, но Люси рассказывала, что тот человек был весь в грязи, что он повалил ее на землю и принялся лизать ее лицо, – Энни поежилась, представив себе эту картину. Мой желудок болезненно сжался, угрожая вернуть мой завтрак наружу. Это было так отвратительно. Не думаю, что человек вроде Люси сможет хоть когда-нибудь оправиться от подобной травмы. – Он потащил ее куда-то, а она кричала так громко, как только могла. Но в такой суматохе трудно было услышать ее крики. К счастью, в какой-то момент из-за угла появился другой стражник - настоящий. Он прицелился и выстрелил в голову тому мерзкому человеку. Он упал прямо Люси. Она была вся в его крови.

Я прижала ладонь ко рту. Я не могла представить, как крошечная, хрупкая Люси прошла через все это. Неудивительно, что она так отреа-

гировала на сегодняшнюю атаку.

– Ее осмотрели, обработали синяки и порезы, но врачи никогда не говорили с ней о случившемся. Никто не знает, что твориться у нее в душе. Она стала более нервной, но она пытается скрыть это как можно лучше. И это не только ради нее самой, но и ради ее отца. Он так гордился, когда его дочь оказалась достаточно хороша для роли горничной. Она не хочет его разочаровать. Мы стараемся поддерживать ее, успокоить, когда необходимо, но стоит появиться повстанцам, она думает, что это случиться снова. Что на этот раз будет даже хуже, что ей сделают больно, а потом убьют. Она старается, мисс, но я не знаю, сколько еще атак она сможет вынести.

Я кивнула, глядя на Люси, лежавшую в моей постели. Она закрыла глаза и заснула, хотя за окном еще стоял день.

Я провела весь день за чтением. Энни и Мэри смахивали с вещей несуществующую пыль. Мы старались вести себя как можно тише, пока Люси приходила в себя.

Я пообещала себе сделать все, что будет в моих силах, чтобы Люси больше никогда не пришлось пройти через что-то подобное.

Перевод: Юлия Спиридонова, Марьям Филлипова, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 14 ГЛАВА

Как я и предполагала, девушки, попросившиеся домой, изменили свое решение, как только волнение улеглось. Никто точно не знал, которые из нас хотели уехать, но кое-кто - в частности Селеста - были полны решимости это выяснить. А пока что нас так и осталось двадцать семь.

Попытка нападения, по мнению короля, была настолько жалкой, что об этом едва говорили. Однако журналисты, бывшие утром во дворце, все же успели что-то заснять и показать в прямом эфире. Очевидно, король не был этому рад. Это заставило меня задаться вопросом: о скольких нападениях на дворец нам никогда не сообщалось? Похоже, здесь было даже менее безопасно, чем я предполагала.

Сильвия объяснила, что если бы нападение принесло более серьезные последствия, нам всем позволили бы позвонить домой, чтобы сообщить, что мы в безопасности. А сегодня мы могли написать своим родным письма.

Я написала, что со мной все в порядке, что нападения все перепугались гораздо сильнее, чем стоило бы, и что король всех нас надежно укрыл. Я попросила их не беспокоиться за меня, сказала, что очень соскучилась и передала письмо услужливой горничной.

Остаток дня прошел без инцидентов. Я планировала спуститься в

Женскую комнату, чтобы обсудить Максона с остальными девушками, но, увидев Люси в таком состоянии, решила остаться у себя.

Я не знала, чем трое моих горничных занимали себя, когда я куда-нибудь отлучалась, но сегодня мы вместе играли в карты и сплетничали.

Они рассказали, что за каждым десятком человек, что попадались мне на глаза, стояло еще по сотне тех, кого я никогда не видела. О существовании поваров и прачек я знала, но были, оказывается, еще и такие люди, чьей задачей было, например, мыть окна. Команде таких работников требовалась целая неделя, чтобы привести все окна во дворце в надлежащий порядок, к концу которой приходилось начинать обход заново. Сокрытыми от глаз оставались также ювелиры, создававшие украшения для королевской семьи и гостей дворца, швеи и перекупщики, обеспечивающие нас одеждой.

Я узнала также и другие вещи. Например, что они считали стражников симпатичными, а новый дизайн униформы, которую главная горничная заставляла их одевать по праздником, - ужасным. Что некоторые работники дворца уже делали ставки, кто из Отобранных победит, и что я была в первой десятке. Что ребенок одной поварихи был безнадежно болен, и это сильно печалило Энни. Та женщина была ее близкой подругой, и они с мужем очень долго ждали ребенка.

Слушая их разговор и сама вставляя пару слов время от времени, я с приятным удивлением осознавала, что внизу сейчас вряд ли происходило что-то более занимательное, и была искренне рада такой компании и приятной атмосфере, сложившийся у меня в комнате.

День прошел так хорошо, что я провела так же и весь следующий. На этот раз мы открыли двери в коридор и на балкон, и проникающий в комнату воздух окутывал нас летним теплом. Это особенно хорошо подействовало на Люси, и я задумалась, как часто ей удавалось бывать на свежем воздухе.

Энни отметила, что это было крайне неподобающе с моей стороны - проводить время с ними, играя в карты при открытых дверях, но до-

вольно быстро успокоилась. Она постепенно оставляла попытки превратить меня в леди, коей я должна была быть, но никак не хотела становиться.

Наша игра в карты была в самом разгаре, когда я краем глаза заметила фигуру, стоящую в дверном проеме. Это был изумленный Максон. Когда наши взгляды встретились, на его лице было выражение, словно бы вопрошавшее: что, черт возьми, тут происходит? Я встала, улыбнулась и направилась к нему.

– О, Боже правый, – пробормотала Энни, поняв, что в дверях стоит принц. Она поспешно смела карты в корзинку с вязанием и встала. Мэри и Люси последовали ее примеру.

– Дамы, – поприветствовал Максон.

– Ваше Высочество, – ответила Энни, присев в реверансе. – Такая честь для нас, сэр.

– Как и для меня, – ответил он с улыбкой.

Горничные переглянулись, польщенные. Мы все помолчали немного, не зная, что делать дальше.

Мэри спохватилась первой:

– Мы как раз собирались уходить.

– Да, точно! – добавила Люси. – Мы просто... – она глянула на Энни, в поисках поддержки.

– …пришли закончить платье Леди Америки для пятницы, – подсказала Энни.

– Верно, – кивнула Мэри. – Всего два дня осталось.

Они попятились к выходу, осторожно огибая нас с ослепительными улыбками на лицах.

– Не хотел отвлекать вас от работы, – пробормотал Максон, провожая их взглядом, совершенно очарованный таким поведением.

Оказавшись в коридоре, они присели в неловких запоздалых реверансах и поспешно удалились. Как только они свернули за угол, по коридору разнеслось хихиканье Люси, а потом интенсивное шиканье Энни.

– Я смотрю, ты собрала себе группу поддержки, – Максон ступил в мою комнату, окидывая пространство взглядом.

– Они дают мне силы вставать по утрам, – ответила я с улыбкой.

– Видно, что они привязались к тебе. Такое редко бывает, – он в последний раз обвел взглядом комнату и посмотрел на меня. – Мне казалось, твоя комната будет выглядеть иначе.

Я махнула рукой.

– Это ведь не совсем моя комната. Она принадлежит тебе, а я всего лишь поселилась здесь на время.

Он нахмурился.

– Тебе ведь сказали, что можно внести изменения? Новую кровать, другие обои.

Я пожала плечами.

– Никакие обои не сделают ее моей. Девушки вроде меня не живут в комнатах с мозаичными полами, – пошутила я.

Максон улыбнулся.

– И как же выглядит твоя настоящая комната?

– Эм-м-м… зачем ты пришел? – уклонилась я от ответа.

– О! У меня появилась идея.

– Какая?

– Ну… – начал он, продолжая свой обход, – я подумал, раз уж у нас с тобой такие необычные отношения, может, нам стоит придумать… собственные способы общения.

Он остановился перед зеркалом и посмотрел на фотографии моей семьи.

– Твоя младшая сестра очень на тебя похожа, – удивленно заметил он.

Я прошла вглубь комнаты.

– Да, мне говорили. Так что насчет собственных способов общения?

Максон отвернулся от фотографий и направился к пианино, стоящему поодаль.

– Раз уж ты собралась помогать мне, быть моим другом и все такое,

– продолжил он, пристально посмотрев на меня. – Возможно, нам не стоит полагаться на традиционные послания, передаваемые через горничных, и официальные приглашения на свидания. Я думал о чем-то менее формальном.

Он взял ноты с пюпитра.

– Ты привезла их с собой?

– Нет, они были здесь. Всю свою любимую музыку я помню наизусть.

Он приподнял брови.

– Впечатляет, – он снова двинулся в мою сторону, так и не закончив свое объяснение.

– Не мог бы ты, пожалуйста, перестать ходить вокруг да около и закончить наконец свою мысль?

Максон вздохнул.

– Ну, хорошо. Я подумал, что у нас с тобой мог бы быть знак или что-то вроде. Какой-нибудь сигнал, при помощи которого мы бы сообщали друг другу, что нам нужно поговорить, но так, чтобы никто больше этого не понял. Мы могли бы, скажем, потереть под носом? – Максон провел пальцем чуть выше верхней губы.

– Выглядит так, словно у тебя насморк. Непривлекательно.

Он посмотрел на меня озадаченно и кивнул.

– Ладно. Тогда, может, просто запустить пальцы в волосы?

Я тут же покачала головой.

– В моих волосах всегда шпильки. В такие прически почти невозможно запустить пальцы. К тому же, что если тебе вдруг придется надеть свою корону? Ты просто собьешь ее с головы.

Он задумчиво кивнул.

– Отлично подмечено. Хм-м-м...

Он прошел мимо меня, глубоко погруженный в раздумья, и остановился у прикроватного столика.

– А если потеребить ухо?

Я задумалась.

– Мне нравится. Этот жест достаточно незаметен, но встречается не так часто, чтобы можно было ошибиться. Значит, теребим ухо.

Внимание Максона было к чему-то приковано, но он обернулся, чтобы улыбнуться мне.

– Рад, что ты одобрила. Когда захочешь меня увидеть, просто потереби ухо, и я приду, как только смогу. Возможно, после ужина, – заключил он, пожав плечами.

Прежде чем я смогла спросить об условиях *мох* визитов к *нему*, Максон вернулся ко мне, держа в руках мою банку из-под монеток.

– А это для чего?

Я вздохнула.

– Боюсь, этого я не могу объяснить.

***

Настала пятница, а с ней пришло время нашего дебюта в Столичном Отчете Иллеи. Участие в каждом выпуске являлось обязательным условием, но, по крайней мере, на этой неделе от нас не требовалось ничего кроме присутствия. С учетом разницы во времени, мы должны были начать в пять, провести в студии час, а затем подняться на ужин.

Энни, Мэри и Люси одевали меня с особой тщательностью. Платье было глубокого синего цвета, на грани с фиолетовым. Оно облегало бедра  и струилось гладким шлейфом из атласа позади меня. Я не могла поверить, что мне довелось носить что-то настолько прекрасное. Горничные справились с застежками на платье и украсили мои волосы жемчужными шпильками. Они дополнили мой образ  крошечными сережками-жемчужинками и ожерельем из тончайшей проволоки и рассыпанного по ней жемчуга, и я была готова.

Я взглянула на отражение в зеркале. Я все еще была собой. Самой красивой версией себя из всех, что я когда-либо видела, но лицо мне было знакомо. С тех самых пор, как в Отчете назвали мое имя, я боялась превратиться во что-то неузнаваемое - скрытое под слоями косметики и обвешенное украшениями, из которых пришлось бы несколько

недель выкапываться, чтобы снова найти себя. Но, пока что, я все еще оставалась Америкой.

И, как я и предполагала, к тому моменту, как я спустилась в павильон, откуда велась трансляция, я вся блестела от пота. Нам было велено прийти за десять минут до начала. Для меня это означало за пятнадцать. Для таких, как Селеста - за три. В итоге все пришли тогда, когда им было удобно.

Вокруг суетилось множество людей, заканчивая готовить съемочную площадку, на которой теперь были установлены несколько рядов сидений для Отобранных. Здесь уже были члены Совета, которых я хорошо запомнила за все годы просмотра Отчета. Они перечитывали розданные им сценарии, то и дело поправляя галстуки. Отобранные, сбившись в кучку, заглядывали в зеркала и расправляли мельчайшие складочки на своих экстравагантных платьях. Каждый был чем-то занят.

Я обернулась и неожиданно стала свидетелем короткого момента жизни Максона. Его мать, прекрасная королева Эмберли, легонько пригладила его волосы. Он одернул свой пиджак и что-то ей сказал. Она обнадеживающе кивнула, и Максон улыбнулся. Я бы еще понаблюдала за ними, но тут подошла Сильвия, во всем своем великолепии, и вернула меня к реальности.

– Просто пройдите к помосту, леди Америка, – сказала она. – Можете сесть, где пожелаете. Но, как видите, первый ряд уже почти весь занят... – она посмотрела на меня с таким сожалением, будто только что обрушила на меня какую-то ужасную новость.

– О, благодарю, – сказала я и радостно направилась к последнему ряду, чтобы занять свое место.

Я была почти не в состоянии взобраться по ступенькам в настолько облегающем платье и в туфлях ни таких высоких каблуках (серьезно, зачем они вообще были нужны, если моих ног даже не было видно из-под подола платья?), но я справилась. В павильон вошла Марли. Увидев меня, она улыбнулась, помахала и подошла, чтобы сесть рядом. Для меня много значило, что она выбрала это место, а не последнее оставшее-

ся свободным во втором ряду. Она оставалась верной своим людям. Из нее вышла бы отличная королева.

Ее платье было ослепительно-желтым. Вместе с ее светлыми волосами и загорелой кожей, это создавало впечатление, будто она лучилась светом.

– Марли, мне нравится твоё платье. Ты выглядишь потрясающе!

– О, спасибо, – она слегка покраснела. – Я думала, будет слишком.

– Вовсе нет! Поверь, оно шикарно на тебе смотрится.

– Я хотела поговорить, но тебя нигде не было. Как думаешь, у нас будет минутка завтра? – спросила она шепотом.

– Конечно. В Женской комнате, помнишь? Завтра же суббота, – прошептала я в ответ.

– Хорошо, – ответила она.

К нам повернулась Эми, сидевшая на ряд ниже.

– Мне кажется, из меня шпильки выпадают. Можете проверить?

Не говоря ни слова, Марли запустила свои тонкие пальцы в локоны Эми и поправила выскользнувшие шпильки.

– Так лучше?

Эми выдохнула.

– Да, спасибо.

– Америка, на моих зубах случайно нет помады? – спросила Зои.

Я обернулась и наткнулась на ее маниакальную улыбку, открывающие два ряда идеальных жемчужных зубов.

– Нет, все в порядке, – ответила я, краем глаза заметив, как Марли кивнула в подтверждение.

– Спасибо. Как ему удается быть таким спокойным? – спросила Зои, кивнув в сторону Максона, который разговаривал с членом съемочной команды. А затем она вдруг опустила голову между колен и начала проделывать что-то вроде дыхательной гимнастики.

Мы с Марли посмотрели друг на друга, широкими от изумления глазами, изо всех сил стараясь сдержать смех, что было непросто, наблюдая за Зои, поэтому мы оглядели комнату и начали обсуждать платья

других Отобранных. Несколько девушек облачились в соблазнительный красный или оживляющий зеленый, но никого больше не было в синем. Оливия зашла дальше всех, надев оранжевое. Признаться, я не особо хорошо разбиралась в моде, но мы с Марли сошлись на том, что кто-то должен был воспротивиться ее выбору цвета. Он придавал ее коже зеленоватый оттенок.

За две минуты до включения камер, мы поняли, что дело вовсе не в цвете платье. Оливию стошнило в ближайшее мусорное ведро, и она осела на пол. К ней тут же подлетела Сильвия, суетливо утерла пот с ее лица и снова усадила ее на место. Правда ее переместили в задний ряд и на всякий случай снабдили небольшой урной.

Прямо перед ней сидела Бариэль. Я не расслышала, что та пробормотала бедняжке, но выглядело так, словно Бариэль пообещала ударить Оливию, если та выкинет что-то подобное рядом с ней.

Я не знала, заметил ли Максон, что в рядах девушек поднялось легкое волнение, и посмотрела на него, надеясь увидеть хоть какую-то реакцию. Но он даже не взглянул в сторону суетящихся; он смотрел на меня. Быстро - так быстро, что для кого-то другого это не выглядело бы ничем, кроме почесывания заживающей царапины - Максон легонько потер свое ухо. Я сделала то же самое, и мы оба отвернулись. Было здорово узнать, что сегодня после ужина Максон заглянет ко мне в комнату.

Вдруг заиграл гимн, и я увидела государственный герб на крошечных экранах, установленных по всей комнате. Я подвинулась на краешек стула и села прямо. Все мои мысли в этот момент были о том, что моя семья увидит меня сегодня вечером, и я хотела, чтобы они мною гордились.

Король Кларксон взошел на трибуну и сообщил о неудачной атаке на дворец. Я бы не назвала ее неудачной. Им удалось порядком напугать большинство из нас. Посыпался шквал объявлений, и я старалась уследить за всем, но это оказалось непросто, ведь я привыкла смотреть Отчет сидя в кругу семьи на удобном диване с чашкой попкорна в ру-

ках.

Большинство сообщений так или иначе касались повстанцев, на которых возлагалась вина за добрую часть бед в стране. Строительство дорог в Самнере, тормозилось из-за повстанцев, в Атлине сократилось число местных офицеров, потому что они были направлены на подавление мятежа повстанцев в Сент-Джордже. Я понятия не имела ни об одной из этих проблем. Учитывая все, что я слышала и видела, пока росла, и что узнала по приезде во дворец, я начинала задаваться вопросом, как много простое население знало о мятежниках. Возможно, я чего-то не понимала, но мне начинало казаться, что на повстанцев пытаются повесить ответственность за все плохое, что происходило с Иллеей, пусть даже и не по их вине.

И тут, словно из воздуха, на съемочной площадке возник Гавриил, представленный Мастером Развлечений.

– Всем добрый вечер! Сегодня у меня для вас специальное объявление. Отбор длится вот уже целую неделю, и за это время домой отправилось восемь участниц, а это значит, что осталось всего двадцать семь девушек, из которых принц Максон сможет выбрать себе будущую невесту. На следующей неделе, верите или нет, большая часть выпуска Столичного Отчета Иллеи будет посвящена знакомству с этими удивительными юными леди.

Я почувствовала, как у меня на лбу выступили маленькие капельки пота. Сидеть здесь и мило улыбаться... на это я могла пойти. Но отвечать на вопросы? Я знала, что не собираюсь побеждать в этой глупой игре; это даже не обсуждалось. Мне просто очень, очень не хотела выставить себя полной идиоткой перед всей страной.

– Но, прежде чем мы перейдем к дамам, давайте уделим внимание человеку, благодаря которому они оказались во дворце. Как Ваши дела, принц Максон? – спросил Гавриил, пересекая сцену. Максон оторопел. У него не было ни микрофона, ни заранее подготовленных ответов.

За мгновение до того, как Гавриил поднес свой микрофон к лицу Максона, я поймала его взгляд и подмигнула ему. Этого оказалось дос-

таточно, чтобы заставить его улыбнуться.

– У меня все отлично, Гавриил, спасибо.

– Нравится ли Вам проводить время в столь занимательной компании?

– Да! Было очень приятно познакомиться с этими милыми леди.

– Они и правда такие милые и нежные создания, какими кажутся? – спросил Гавриил.

Максон еще не ответил, а мои губы уже расплылись в улыбке. Потому что я, так уж сложилось, заранее знала, что он скажет.

– Х-м-м... – Максон смотрел мимо Гавриила, прямо на меня. – Ну, почти все.

– Почти? – удивленно переспросил Гавриил. Он обернулся к нам. – Кто-то из вас, дамы, любит пошалить?

К счастью, все девушки тихонько захихикали, так что мой смешок затерялся среди множества других. Вот же предатель!

– И чем же эти девушки подпортили себе репутацию? – спросил Максона Гавриил.

– О, позвольте, я вам расскажу, – Максон закинул ногу на ногу и поудобнее устроился в кресле. Вероятно, я никогда не видела его более расслабленным, чем в тот момент, сидящим там и по-доброму высмеивающим меня. Мне нравилась эта его сторона. Вот бы он почаще ее показывал. – Одна из них имела наглость наорать на меня в первую же нашу встречу. Я получил весьма серьезный нагоняй.

За спиной у Максона король и королева обменялись настороженными взглядами. Кажется, они слышали об этом впервые. Вокруг меня девушки растерянно переглядывались. И я не могла понять почему, пока Марли не прошептала:

– Не помню, чтобы кто-то кричал на него в Большом зале. А ты?

Максон, похоже, забыл, что наша с ним первая встреча должна была остаться в секрете.

– Думаю, он специально так говорит, чтобы рассмешить зрителей. Наш с ним разговор вышел довольно серьезным. Возможно, он имеет в

виду меня.

– Нагоняй, говорите? За что же? – продолжил Гавриил.

– Честно говоря, я и сам не до конца понял. Думаю, у нее случился приступ тоски по дому. И поэтому я, конечно же, ее простил, – Максон выглядел свободно и легко, беседуя с Гавриилом, будто бы тот был единственным человеком во всем помещении. Надо будет сказать ему, как замечательно он с этим справился.

– Так значит, она все еще с нами? – Гавриил еще раз окинул взглядом всех присутствующих девушек, широко улыбнулся нам, а затем снова посмотрел на своего принца.

– О, да. Она все еще здесь, – ответил Максон, встретив взгляд Гавриила без тени смущения. – И я собираюсь оставить ее так надолго, как только смогу.

# 15 ГЛАВА

Поужинать не получилось. В следующий раз надо будет попросить моих горничных сшить платье так, чтобы я смогла нормально поесть.

Энни, Мэри и Люси ждали меня в комнате, чтобы помочь выбраться из платья, но я объяснила им, что мне придется остаться одетой еще какое-то время. Энни первая догадалась, что ко мне должен зайти Максон, потому что обычно я более чем рада была поскорее расстаться с одеждой в конце дня.

– Хотите, чтобы мы задержались сегодня подольше? Это не проблема, – с надеждой спросила Мэри. После неожиданного визита Максона в начале недели, я решила, что будет лучше выпроводить их как можно раньше. Кроме того, я не смогла бы вынести их взглядов в ожидании его прихода.

– Нет-нет. Все в порядке. Если у меня возникнут проблемы с платьем, я позвоню.

Они неохотно отступили и оставили меня дожидаться Максона в одиночестве. Я не знала, как скоро он появится, и не хотела садиться за книгу, чтобы потом прерваться на самом интересном моменте, или за пианино, чтобы вскочить, как только отворится дверь. В итоге я просто растянулась на кровати и стала ждать. Я дала немного свободы своим мыслям. Я думала о Марли и ее доброте. Я поняла, что кроме пары ни-

чтожных деталей, я почти ничего о ней не знаю. Тем не менее, мне казалось, что в ее отношении ко мне не было ни капли фальши. А потом я поименно вспомнила девушек, чье поведение так и отдавало наигранностью. Интересно, видел ли Максон разницу.

Казалось, опыт Максона с прекрасным полом был велик и мал одновременно. Он вел себя как истинный джентльмен, но совершенно терялся, стоило ему остаться с девушкой наедине. Словно он знал, как общаться в официальной обстановке, но понятия не имел, что о чем говорить на свиданиях.

Он был полной противоположностью Аспена.

Аспен.

Его имя, его лицо, его образ нахлынули на меня так быстро, что стало трудно дышать. Аспен. Что он сейчас делает? В Каролине приближался комендантский час. Если сегодня была его смена, он все еще был на работе. А может он с Бренной, или с другой девушкой, которой решил уделить свое внимание после нашего расставания. Какая-то часть меня болезненно хотела узнать ответ, в то время как другая требовала пресечь любые мысли о нем.

Я взглянула на свою банку. Я взяла ее в руки, и монетка покатилась по дну. Такая одинокая...

– Как и я, – прошептала я. – Как и я...

Было ли глупо с моей стороны хранить ее? Я вернула ему все остальное, так зачем оставлять одну несчастную копейку? Или это все что мне остается? Монетка в банке, чтобы показать однажды своей дочке и рассказать ей о моем первом парне, о котором никто никогда так и не узнал?

Мне не хватило времени, чтобы глубже погрузиться в свои переживания. Минуту спустя раздался фирменный стук Максона. Внезапно, я поймала себя на мысли, что со всех ног бегу к двери.

Я резко распахнула ее, и Максон уставился на меня от неожиданности.

– Где, скажи на милость, твои горничные? – спросил он, обводя

взглядом мою комнату.

– Ушли. Я отсылаю их сразу же, как возвращаюсь с ужина.

– Каждый день?

– Разумеется. Я сама в состоянии снять с себя одежду, спасибо за беспокойство.

Максон вскинул брови и улыбнулся. Я покраснела. Я не хотела, чтобы это прозвучало таким образом.

– Захвати накидку. Снаружи прохладно.

Мы молча спустились в холл. Я все еще была отчасти погружена в себя, а Максон, как оказалось, не был особо силен в завязывании разговоров. Но сегодня я почти сразу взяла его под руку. С приятным удивлением я отметила, что этот жест понемногу становился для меня чем-то знакомым.

– Если ты отказываешься оставлять на ночь горничную, мне придется поставить стражника возле твоей двери, – сказал он.

– Нет! Мне не нужны няньки.

Он усмехнулся.

– Он будет снаружи. Ты даже не заметишь.

– Замечу, – возразила я. – Я почувствую его присутствие.

Максон притворно вздохнул, да так тяжко, словно исчерпал все свои силы, пытаясь меня убедить. Я была настолько увлечена нашим спором, что даже не слышала девичьего шепота, пока они не оказались прямо перед нами: Селеста, Эммика и Тайни прошли мимо нас в сторону своих комнат.

– Дамы, – Максон поприветствовал их легким кивком.

Действительно, глупо с моей стороны было надеяться, что никто не увидит нас вместе. Я почувствовала, как к лицу подступат жар, хоть и не поняла, почему.

Девушки присели в реверансах и двинулись дальше. Я обернулась, провожая их взглядом. На лицах Эммики и Тайни читалось любопытство. Уже через минуту об этой встрече будут знать все. Завтра меня наверняка загонят в угол и начнут допрашивать. Селеста метала взглядом

молнии. Я была уверена, что она восприняла это как личное оскорбление.

Я отвернулась и сказала первое, что пришло в голову.

– Я же говорила, что девушки, испугавшиеся во время атаки, в конечном счете останутся.

Я не знала, кто именно хотел уехать, но, по слухам, одной из них была Тайни, ведь она упала в обморок. Кто-то говорил о Бариэль, но я была уверена, что это не так. Сперва пришлось бы вырвать корону из ее мертвой хватки.

– Ты не представляешь, какое это было облегчение, – его голос прозвучал искренне.

Не такого ответа я ждала. Мне потребовалось мгновенье, чтобы понять, как среагировать, поскольку большая часть моего сознания была занята мыслями о том, как бы не упасть. Я понятия не имела, как можно спускаться по ступеням, держась при этом за кого-то. Ситуацию не облегчали и каблуки. Что ж, по крайней мере, если я поскользнусь - он меня подхватит.

– Мне казалось, это в каком-то смысле облегчит тебе задачу, – сказала я, когда мы, наконец, достигли первого этажа, и я снова могла более или менее твердо стоять на ногах. – Это ведь сложно - выбрать одну девушку, когда их так много. Не будет ли проще позволить обстоятельствам отсеять парочку?

Максон пожал плечами.

– Может быть. Но на самом деле все не так, уверяю тебя. Добрый вечер, господа, – поприветствовал он стражников, распахнувших двери в сад без малейших колебаний.

Может, мне стоило все же принять предложение Макона и позволить ему сказать им о том, что я люблю выходить наружу? Мысль о столь легком пути уединения была весьма заманчива.

– Я не понимаю, – призналась я, когда он подвел меня к скамье - нашей скамье - и усадил так, что свет, сочившийся из дворцовых окон, падал мне на лицо. Сам он сел на другой край скамьи, прямо напротив

меня. Он немного помедлил, прежде чем ответить, но потом все же заговорил, сделав глубокий вдох.

– Возможно, я обманывал себя, думая, будто, приехав сюда, девушки найдут что-то, за что захотят побороться, невзирая на какие-то риски. Я не хотел, чтобы они рисковали своей жизнью, нет! – уточнил он. – Я не это имею в виду. Просто... не знаю. Разве никто из вас не понимает, чем рискую я?

– Эм-м-м, нет. Ты здесь со своей семьей и можешь получить их совет, как только он тебе потребуется, и вся наша жизнь здесь подстроена под твое расписание. Для тебя все осталось по-прежнему, а для нас - изменилось в одночасье. Чем, скажи, пожалуйста, ты рискуешь?

Максон, казалось, был шокирован.

– Америка, может это и хорошо, что моя семья здесь, со мной, но представь, каково это - когда твои родители наблюдают за каждым твоим свиданием. Да и не только родители - все страна! Хуже того, это даже не нормальные свидания. А мое расписание? Все время, что я повожу не с вами, я занимаюсь построением войск, изданием законов, составлением бюджетов... и все сам, без чьей-либо помощи, пока мой отец следит за каждой моей ошибкой. За каждой ошибкой, а ведь их очень много, потому что у меня за плечами нет его многолетнего опыта. А когда я пытаюсь решить какую-нибудь проблему, но получается ее решить у меня совсем не тем путем, какой избрал бы он, будучи на моем месте, он приходит и все исправляет. И пока я пытаюсь справиться со всем этим, вы, девушки - единственное, о чем я могу думать. Я постоянно переживаю и нервничаю, потому что вас ужасно много! – на протяжении всей своей речи он отчаянно жестикулировал, размахивая руками и запуская пальцы в волосы. Я никогда прежде не видела его таким эмоциональным. – И ты считаешь, моя жизнь не меняется? Как думаешь, каковы мои шансы найти родственную душу в вашей группе? Да я буду счастливцем, если смогу отыскать среди вас кого-то, кто согласиться терпеть меня всю оставшуюся жизнь! А что если я уже отправил ее домой, просто потому что не почувствовал какой-то там искры?

Что если моя избранница решит, что не хочет такой жизни, после первых же свалившихся на нас трудностей? Что если я вообще не смогу выбрать? Что мне тогда делать, Америка?

Поначалу в нем говорило лишь раздражение, но ближе к концу его вопросы перестали быть риторическими. Он действительно хотел знать: что ему делать, если среди девушек не найдется никого, с кем он мог бы быть хоть чуточку счастлив? Хотя, кажется, он был больше обеспокоен тем, что его избранница не будет счастлива с ним.

– Вообще-то, Максон, я думаю, ты обязательно найдешь среди них родственную душу. Честно.

– Правда? – с надеждой спросил он.

– Ну конечно, – я положила руку ему на плечо. Казалось, ему стало легче от одного лишь прикосновения. Я задалась вопросом, как часто люди вообще прикасались к нему. – Если твоя жизнь действительно так резко сменила курс, значит, она должна быть где-то здесь. Я по своему опыту знаю, что настоящая любовь обычно рождается в самых неудобных жизненных обстоятельствах.

Он, казалось, был рад услышать эти слова, и мне было приято. Потому что я верила в то, что говорила. И, коли уж мне не суждено было иметь собственную любовь, лучшее, что я могла сделать - это помочь Максону в ее поисках.

– Я надеюсь, вы с Марли поладили. Она очень славная.

Максон сделал странное лицо.

– Да, вроде бы.

– Что? Что-то не так со "славной"?

– Нет-нет. Славная - это хорошо.

Он не стал вдаваться в подробности.

– Что ты ищешь? – вдруг спросил он.

– Что?

– Ты словно не можешь ни на чем сосредоточиться. Я чувствую, что ты слушаешь меня, но, в то же время, ты как будто ищешь что-то взглядом.

Я поняла, что он был прав. На протяжении всей его пылкой речи я обводила глазами сад, окна и даже башни вдоль стены. У меня начиналась паранойя.

– Людей... камеры... – я покачала головой и уставилась в ночь.

– Мы одни. Только стражник стоит у двери, – Максон кивнул в сторону одинокой фигуры. И правда: никто не последовал за нами в сад, и все окна были освещены, но ни в одном из них я не заметила притаившихся силуэтов. Я и сама поняла это в ходе своего осмотра, но его подтверждение помогло. Я немного расслабилась.

– Ты не любишь, когда люди смотрят на тебя, верно? – спросил он.

– Не особо. Я предпочитаю оставаться вне поля радара. Я привыкла жить в тени, понимаешь? – я усердно водила пальцем по затейливому узору, высеченному в идеальном каменном блоке, на котором мы сидели, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– Тебе придется отвыкнуть. Даже когда покидаешь это место, за тобой не перестают следить всю оставшуюся жизнь. Моя мать до сих пор общается с некоторыми из тех женщин, с которыми прошла через Отбор. В них все еще видят важных персон. Всегда будут видеть.

– Чудесно! – простонала я. – Еще одна причина, по которой мне не терпится попасть домой.

Максону, казалось, было искренне жаль, но мне пришлось отвернуться. Я невзначай напомнила себе о том, сколького мне пришлось лишиться из-за этого глупого конкурса, о том, что мне больше никогда не видать прежней спокойной жизни. Это было нечестно...

Но я все же вовремя себя остановила. Мне не следует винить во всем этом Максона. Он был такой же жертвой судьбы, как и все мы, хоть и находился по другую сторону баррикад. Я вздохнула и снова повернулась к нему. По выражению его лица я видела, что следующие слова дались ему нелегко.

– Америка, можно задать тебе личный вопрос?

– Смотря какой, – уклончиво ответила я. Он невесело улыбнулся.

– Просто... ну… ладно, я могу сказать, что тебе действительно здесь

не нравится. Ты ненавидишь правила, сам конкурс, внимание прессы, одежду и… хотя, нет, погоди... против здешней еды ты, кажется, ничего не имеешь, – его улыбка стала искренней, и я улыбнулась в ответ. – Ты очень сильно скучаешь по дому и по семье... и, подозреваю, что по другим людям тоже. Ты довольно плохо скрываешь эмоции.

– Да, – я закатила глаза. – Знаю.

– Но вместо того, чтобы уехать, ты остаешься здесь, несчастная и полная тоски по близким. Почему?

Я почувствовала, как к горлу подкатил комок, но я заставила его отступить.

– Я не несчастна... и причина тебе известна.

– Иногда мне кажется, что ты в порядке. Я вижу, как ты улыбаешься, когда говоришь с другими девушками, и твое настроение поднимается во время приемов пищи - это да. Но порой ты выглядишь ужасно грустной, даже подавленной. Не расскажешь почему? Всю историю. Целиком.

– Это всего лишь очередная история о несчастной любви. В ней нет ничего интересного. Поверь, – *пожалуйста, не заставляй меня... я не хочу расплакаться.*

– И все же я хотел бы услышать еще одну историю о настоящей любви. Которая произошла за пределами этих стен, понимаешь, о чем я? Пожалуйста.

По правде говоря, я хранила этот секрет так долго, что просто не могла себе представить, как облечь все это в слова. И мне было слишком больно вспоминать об Аспене. Смогу ли я вообще произнести его имя вслух? Я сделала глубокий вдох. Максон был теперь моим другом. Он так старался быть добрым по отношению ко мне... И всегда был со мной честен.

– В моем мире, – я махнула рукой в сторону стены, – касты иногда заботятся друг о друге. Например, есть люди, которые покупают у моего отца хотя бы по одной картине в год, и семьи, которые всегда приглашает меня петь на свои Рождественские вечера. Они вроде наших

покровителей, понимаешь? Ну, а мы были, своего рода, покровителями *его* семьи. Они Шестые. Когда мы могли себе позволить, чтобы кто-то помог нам с уборкой или переноской инвентаря, мы звали его мать. Я знала его еще ребенком, но он был старше меня, по возрасту ближе к моему брату. И они всегда играли жестко, так что я держалась в стороне. Мой старший брат, Кота - художник, как и наш отец. Пару лет назад он удачно продал одну из своих скульптур, над которой очень долго работал. Возможно, ты слышал о нем.

Максон задумался на секунду, прежде чем я увидела отклик в его глазах. Я откинула волосы с плеч и продолжила.

– Мы были безумно рады за Коту, ведь он так много сил потратил на ту скульптуру. И нам тогда очень нужны были деньги, вся семья ликовала. Но Кота оставил почти все себе. Эта скульптура сделала его знаменитым; люди начали звонить каждый день и делать заказы. Его клиенты выстраивались в очередь. У него появились деньги, и он тратил их направо и налево, просто потому, что мог себе это позволить. Думаю, он немножко пристрастился к славе. Пятые редко получают столько внимания.

Наши взгляды встретились в очень важный момент, и у меня в голове снова мелькнула мысль о том, что я никогда больше не останусь без внимания, хочу я того или нет.

– В общем, после того как начали поступать звонки, Кота решил отделиться от семьи. Моя старшая сестра совсем недавно вышла замуж, так что мы потеряли ее доход. А теперь еще и Кота бросал нас, только начав зарабатывать хорошие деньги, – я положила ладони Максону на грудь, как бы подчеркивая то, что я собиралась до него донести. – Так нельзя. Нельзя просто взять и оставить свою семью. Быть вместе... это единственный способ выжить.

Я увидела в глазах Максона понимание.

– Он все оставил себе. Пытался купить путь наверх?

Я кивнула.

– Он поставил перед собой цель стать Вторым. Если бы его устрои-

ла Третья или Четвертая каста, он мог бы купить себе титул и помогать нам, но он одержим. Это глупо, правда. Он живет более чем достойно, но не остановится ни перед чем, чтобы заполучить этот проклятый ярлык.

Максон покачал головой.

– Он может потратить на это всю свою жизнь.

– Думаю, ему это неважно, если после смерти на его надгробии высекут «Второй».

– Я так понимаю, вы больше не близки.

Я вздохнула.

– Не теперь. Но поначалу мне казалось, что я просто что-то неправильно поняла. Я думала, что Кота переезжает только чтобы стать самостоятельным, а не чтобы совсем отделиться от нас. Тогда я была на его стороне. Поэтому когда Кота получил квартиру и начал оборудовать студию, я решила ему помочь. И он пригласил подработать ту самую семью Шестых. Их старший сын оказался свободен и готов был предложить нам свои услуги на несколько дней.

Я ненадолго остановилась, припоминая.

– И вот, я просто распаковывала коробки... и он тоже был там. Наши взгляды встретились, и он больше не казался мне таким взрослым и грубым. К тому моменту мы с ним не виделись уже довольно давно, понимаешь? Мы больше не были детьми. Весь тот день мы будто невзначай касались друг друга. Он смотрел на меня и улыбался, и я впервые в жизни чувствовала себя словно бы окрыленной. Я просто... я с ума по нему сходила.

Мой голос, наконец, сломался, и несколько слезинок скатились вниз по щекам.

– Мы жили очень близко друг к другу, так что я, гуляя в течение дня, иногда могла увидеть его. Всякий раз, как его мать приходила помочь, он тоже появлялся. И мы просто обменивались быстрыми взглядами - это все, что мы могли, – я всхлипнула. – Он Шестой, а я Пятая. И есть закон... и моя мать! О, она была бы в ярости. Никто не должен был

узнать о нас.

Я судорожно развела руками и снова уронила их себе на колени.

– Вскоре я начала получать маленькие анонимные записки. Я находила их, просунутыми в раму моего окна, и в них говорилось, что я красивая и пою, как ангел. И я знала, что они от него. Вечером на мое пятнадцатилетие моя мать решила устроить праздничный ужин, и его семья была приглашена. Он подкараулил меня в сторонке и отдал поздравительную открытку, сказав, чтобы я прочла ее, когда буду одна. Когда я, наконец, добралась до своей комнаты и открыла ее, внутри не обнаружилось ни моего имени, ни даже «С Днем Рождения». Там было лишь сказано: «Домик на дереве. В полночь».

Глаза Максона расширились.

– В полночь? Но...

– Тебе стоит знать, что я регулярно нарушала Иллейский комендантский час.

– Ты могла оказаться за решеткой, Америка, – он покачал головой. Я пожала плечами.

– Тогда это не казалось столь важным. Первое время у меня было такое ощущение, словно я летаю. Он искал для нас способ побыть вдвоем. И я просто поверить не могла, что он хочет оказаться наедине *со мной*. В ту ночь я ждала в своей комнате и смотрела из окна на наш задний двор и на маленький домик, устроенный на одном из деревьев. Около полуночи я увидела, как кто-то забрался туда. Помню, как еще раз почистила зубы на всякий случай. Я выскользнула через заднюю дверь и залезла на дерево. И он был там. Я просто... я поверить не могла. Я не помню, с чего все началось, но вскоре мы уже признавались друг другу в своих чувствах, и мы не могли перестать смеяться, потому что были безумно счастливы, что каждый из нас чувствует то же, что и другой. И я тогда была просто не в состоянии думать о том, что нарушаю комендантский час и обманываю родителей. Мне было все равно, что я была на касту выше него. Меня не беспокоило будущее. Потому что ничего из этого не имело значения, пока он любил меня... А он лю-

бил, Максон, он любил...

Больше слез. Я обхватила себя руками, чувствуя пустоту в груди, как никогда прежде. Сказав все это вслух, я поняла, насколько бесповоротна для меня сложившаяся ситуация. Мне ничего не оставалось, кроме как закончить свою историю.

– Мы тайно встречались в течение двух лет. Мы были счастливы, но он всегда беспокоился, что нам приходится таиться. Он считал, что я заслуживаю большего, чем он может мне дать. Поэтому, когда я получила приглашение участвовать в Отборе, он настоял, чтобы я оформила заявку.

Рот Максона распахнулся от изумления.

– Знаю. Это было так глупо! Но если бы я не попыталась, это не давало бы ему покоя всю оставшуюся жизнь. И я правда думала, что меня не выберут. Каковы были шансы? – я покачала головой, по-прежнему до конца не понимая, как я оказалась впутанной во все это. – Я узнала от его матери, что он копил деньги на свадьбу с какой-то таинственной девушкой. Я была так взволнована! Я приготовила ему маленький ужин-сюрприз, думая, что смогу вытянуть из него предложение. Я была готова. Но когда он увидел, сколько денег и сил я на него потратила, он разозлился. Он очень гордый. Он хотел баловать меня, а не наоборот, и, думаю, в этот момент понял, что никогда не сможет. Так что, он порвал со мной в тот же вечер... Через неделю меня выбрали.

Максон прошептал что-то неразборчивое.

– Последний раз я видела его на моих проводах, – слезы душили меня. – Он был с другой девушкой.

– ЧТО?! – воскликнул Максон.

Я запустила руки в волосы.

– Дело в том, что это сводит меня с ума, потому что вокруг него всегда было много девушек, и я знала об этом, а теперь у него нет никаких оснований им отказывать. Быть может, он сейчас с той самой девушкой, с которой был на моих проводах. Я не знаю. И ничего не могу с этим поделать. Но мысль о том, чтобы вернуться домой и видеть его с

другой... я просто не могу, Максон...

Я плакала и плакала, и Максон не вмешивался. Когда слезы, наконец, стали стихать, я снова заговорила.

– Максон, я надеюсь, ты найдешь девушку, без которой не сможешь представить свою дальнейшую жизнь. Правда. И я надеюсь, что тебе никогда не придется узнать каково это - учиться жить без нее.

На лице Максона я увидела отражение своей собственной боли. Казалось, мое горе ранило его в самое сердце. Но более того, он был зол.

– Мне жаль, Америка. Я не... – что-то в его лице изменилось. – Это тот самый момент, когда мне следует похлопать тебя по плечу?

Его растерянность заставила меня улыбнуться.

– Да. Сейчас самое время.

Казалось, мои слова не убедили его, как и в тот день. Однако, вместо того, чтобы просто похлопать меня по плечу, он придвинулся и неуверенно обнял меня своими сильными руками.

– Единственный человек, кого я когда-либо обнимал - моя мать. Я все делаю правильно? – спросил он.

Я рассмеялась.

– Трудно обнять неправильно.

Через какое-то время я снова заговорила.

– Но я тебя понимаю. Я тоже никогда не обнимала никого, кроме членов своей семьи.

Я чувствовала себя совершенно опустошенной после долгого дня в тяжелом платье, и Отчета, и ужина, и разговора по душам. Было приятно оказаться в объятьях Максона, который время от времени даже поглаживал меня по волосам. Он справлялся с такими вещами куда лучше, чем ему казалось. Он терпеливо ждал, пока мое дыхание выровняется, и когда это произошло, отстранился и пристально посмотрел на меня.

– Америка, я обещаю, ты останешься здесь столько, сколько будет возможно. Я понимаю, от меня ждут, что я сужу круг до трех девушек, и выберу кого-то из них. Но я клянусь, я оставлю двоих, и одной из них

будешь ты. Ты не уйдешь до тех пор, пока меня не заставят тебя отпустить. Или до тех пор, пока ты сама не будешь готова вернуться домой.

Я кивнула.

– Я знаю, мы едва знакомы, но я думаю, что ты замечательная. И мне больно видеть, как ты страдаешь. Если бы он только был здесь, я бы... я бы... – Максон покачал головой и вздохнул. – Мне так жаль, Америка.

Он снова притянул меня к себе, и я положила голову на его широкое плечо. Я знала, что Максон сдержит свои обещания. Так что я осталась в его объятьях - месте, где я никогда бы не подумала, что найду истинный покой.

Перевод: Юлия Спиридонова, Марьям Филлипова, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 16 ГЛАВА

На следующее утро я еле открыла глаза. Пока я пыталась избавиться от тупой боли в них, потирая веки и часто моргая, я поняла, как мне полегчало после того, как я рассказала все Максону. Казалось странным, что дворец - та самая золотая клетка - оказался местом, где я смогла полностью кому-то открыться.

Вчерашнее обещание Максона вселило в меня уверенность, что здесь я буду в безопасности. Он будет выбирать себе невесту недели, возможно даже месяцы. А время и спокойная обстановка - все, что мне было сейчас нужно. Я не была уверена, что смогу когда-нибудь полностью забыть Аспена. Моя мама однажды сказала, что первая любовь остается с тобой навсегда. Но быть может, я смогу оправиться, если какое -то время не буду видеть его.

Мои горничные не стали задавать вопросов о моих опухших глазах и растрепанных волосах. Они тихонько приводили меня в порядок, и я была благодарна им за это. Я вспомнила, что дома, если кто и замечал мое плохое настроение, то ничего не пытался сделать, чтобы это исправить. С ними было иначе. Я чувствовала, что они искренне беспокоятся обо мне, через что бы я ни проходила. И чтобы хоть как-то приободрить меня в такие моменты, они проявляли еще большую заботу, чем обычно.

Вскоре я была готова начать свой день. Это была суббота, а, значит, нам не нужно было следовать рутинному расписанию. Однако сегодня большую часть нашего времени мы проведем в Женской Комнате. По субботам дворец принимал гостей, и нас предупредили, что люди могут изъявить желание познакомиться с нами. Я не слишком волновалась из-за этого - по крайней мере, я могла сегодня впервые надеть свои новые джинсы. Конечно же, это были лучшие брюки, что я когда-либо видела. Я надеялась, что когда придет время мне возвращаться домой, Максон по-дружески позволит мне их оставить.

Я медленно спускалась по ступенькам, немного вялая после ночных откровений. Еще даже не успев дойти до Женской Комнаты, я услышала отголоски девичьей болтовни. Стоило мне зайти внутрь, как Марли тут же схватила меня под руку и потащила к паре кресел в дальнем углу.

– Ну наконец-то! Я тебя заждалась, – воскликнула она.

– Прости, Марли. У меня выдалась трудная ночка - заснула только под утро.

Она пристально на меня посмотрела, уловив, должно быть, печальные нотки в моем голосе, но, к счастью решила перевести разговор на мои джинсы.

– Смотрятся потрясающе!

– Знаю. Никогда не носила ничего подобного, – мой голос чуть дрогнул. Я поспешила вернуться к своей прежней установке: Аспену здесь не место. Я вытолкала его прочь из своих мыслей и сосредоточилась на своем втором по «любимости» человеке во дворце. – Прости, что заставила ждать. О чем ты хотела поговорить?

Марли заколебалась. Когда мы сели, она закусила губу. Вокруг никого не было. Должно быть, это был какой-то секрет.

– Вообще-то, может, мне и не стоит рассказывать тебе об этом. Иногда я забываю, что мы соперницы.

О. Так этот секрет касался Максона. Тогда я точно должна была его услышать.

– Я понимаю, каково это, Марли. Но мне кажется, мы могли бы

стать по-настоящему близкими подругами. Знаешь, я просто не могу заставить себя думать о тебе как о противнице.

– Да. Я думаю, ты очень милая. И людям ты нравишься. И ты, возможно, победишь... – казалось, ее слегка удручала эта мысль.

Я с трудом удержалась от смеха.

– Марли, могу я доверить тебе секрет? – я старалась говорить как можно мягче и искреннее, надеясь, что она поверит моим словам.

– Конечно, Америка. Все, что угодно.

– Я понятия не имею, кто станет победительницей. Серьезно, ей может оказаться любая девушка в этой комнате. Думаю, каждая здесь надеется в первую очередь на собственную победу, но я точно знаю, что если у меня ничего не выйдет, то я хотела бы, чтобы у вас с Максоном все получилось. Ты щедрая и честная. Думаю, из тебя выйдет отличная принцесса, – почти все это было правдой.

– Мне кажется, ты умная и независимая, – прошептала она. – Думаю, из тебя тоже.

Я опустила глаза. Это было так мило с ее стороны - думать обо мне столь высоко. Я чувствовала себя неловко, когда люди так обо мне говорили... мама, Мэй, Марли... сложно было поверить, что столько людей считает, будто из меня получится хорошая принцесса. Я что, единственная видела все свои недостатки? Я была эгоисткой с ужасным характером, и я ненавидела быть у всех на виду. Я не была властной или чрезмерно организованной. Я даже храброй не была, а ведь, чтобы занимать эту позицию, нужно иметь немало храбрости. Потому что на самом деле речь шла не только о браке, но еще и об определенной должности.

– Я часто сомневаюсь в себе, – призналась она. – Потому что понимаю, что у каждой здесь есть какие-то качества, которых нет у меня, и мне кажется, что это делает их лучше, дает им больше шансов на победу.

– В том-то и дело, Марли. Ты можешь найти что-то особенное в каждой из присутствующих в этой комнате. Но кто знает, чего хочет Мак-

сон?

Она покачала головой.

– Так что давай не будем беспокоиться об этом. Можешь рассказать мне все, что захочешь. Я сохраню твои секреты, если ты сохранишь мои. Мы будем поддерживать друг друга, если захочешь. Здорово было бы обрести здесь подругу.

Она улыбнулась, а потом огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто нас не подслушивает.

– Я была на свидании с Максоном, – прошептала она.

– Правда? – воскликнула я. Я знаю, что показалась, должно быть, слишком заинтересованной в тот момент, но я ничего не могла с собой поделать. Мне очень хотелось знать, смог ли он раскрепоститься рядом с ней, и понравилась ли она ему.

– Он прислал сообщение через моих горничных, спрашивая, сможем ли мы увидеться в четверг, – я улыбалась, слушая Марли, и думала, что лишь за день до того, как он сделал это, мы с Максоном договорились отказаться от подобного рода формальностей. – Я отправила одну из них обратно с утвердительным ответом - как я могла ему отказать? - и он пришел в назначенное время. Мы гуляли по дворцу, а потом разговорились о кино, и оказалось, что нам нравится множество одних и тех же фильмов. Ну и мы спустились вниз, в подвал. Ты знала, что здесь есть кинотеатр?

– Нет, – я никогда не была в настоящем кинотеатре, и мне не терпелось услышать продолжение ее рассказа.

– О, он замечательный! Кресла широкие, с откидными спинками, и ты даже можешь взять себе немного попкорна - там есть специальный аппарат. Максон сделал порцию специально для нас! Это было так мило, Америка. Правда, он неправильно отмерил масло и первая порция сгорела. Ему пришлось позвать слуг, чтобы они все убрали, и он мог попробовать еще раз.

Я закатила глаза. Само изящество, Максон, ну просто само изящество. По крайней мере, Марли, похоже, это показалось милым.

– В общем, мы смотрели фильм, и когда дошло до романтической сцены в конце, он взял меня за руку! Я думала, что чувств лишусь! Ну, то есть, я брала его под руку, когда мы гуляли по коридорам, но этого требуют правила. А тут он сам держал меня за руку... – она вздохнула и откинулась на спинку кресла.

Я рассмеялась. Казалось, она была абсолютно сражена.

– Не могу дождаться, когда он придет снова. Он такой красивый, тебе не кажется? – спросила она.

Я замешкалась.

– Да, он симпатичный.

– Да ладно тебе, Америка! У него такие глаза... и этот голос...

– Но только не его смех! – одно лишь воспоминание о смехе Максона вызывало у меня улыбку. Он был милым, но неуклюжим.

– Ну да, он забавно смеется. Но признай, он просто милашка!

– Конечно, если ты находишь привлекательными звуки, издаваемые астматиком во время приступа, и готова наслаждаться ими всякий раз, как скажешь что-то забавное.

Марли согнулась от смеха пополам.

– Ладно, ладно, – сказала она, снова набрав в легкие воздуха. – Но должна же ты находить в нем хоть что-то привлекательное.

Я не сразу нашлась, что ответить. У меня было искушение еще раз уязвить Максона, но мне не хотелось выставить его перед Марли в плохом свете. Так что я задумалась.

Что было привлекательного в Максоне?

– Ну, когда он позволяет себе расслабиться, все в порядке. Когда он говорит от сердца, а не заученными фразами. Или иногда можно заметить, как он смотрит на что-то, и искренне любуется этим… Он вроде как видит подлинную красоту вещей. И в такие моменты он действительно привлекателен.

Марли улыбнулась, и я поняла, что она тоже заметила это в нем.

– И мне нравится, что он становится действительно вовлеченным, о чем бы ни шла речь. Даже несмотря на то, что на его плечах целая

страна и у него есть сотня других обязанностей, он забывает обо всем этом, когда вы наедине. Он полностью посвящает себя тому, кто сейчас перед ним. Мне это нравится. И... никому не говори, но я думаю, что у него шикарные руки!

Я покраснела. Как глупо... почему я не остановилась на описании его хороших человеческих качеств? К счастью, Марли оказалась рада поддержать разговор.

– Да! Ты чувствуешь мускулы даже через плотную ткань костюма. Он должно быть очень сильный, – мечтательно вздохнула Марли.

– Интересно, почему. Ведь ему незачем быть сильным. Он только с бумагами работает. Это странно.

– Может ему нравится играть мускулами перед зеркалом, – предположила Марли, скорчив рожицу и изогнув свои тонкие предплечья.

– Ха-ха! Готова поспорить, так и есть. Спроси у него!

– Ни за что!

Казалось, Марли отлично провела время. Я задумалась, почему Максон так неохотно говорил об этом прошлой ночью. Судя по его реакции, можно было подумать, что они были на двух разных свиданиях. Может он просто стеснялся?

Я огляделась и заметила, что больше половины девушек казались напряженными или чем-то расстроенными. Жанелль, Эммика и Зои увлеченно слушали Крисс. Крисс улыбалась и воодушевленно жестикулировала, но на лице Жанелль застыло беспокойство, а Зои кусала ногти. Эммика рассеянно потирала место под ухом, будто оно болело. Неподалеку, такие разные, что это сразу бросалось в глаза, Селеста и Анна что -то оживленно обсуждали. Как и всегда, Селеста выглядела крайне самодовольно. Марли проследила за моим взглядом.

– Недовольные - те, с кем он еще ни разу не был наедине, – объяснила она. – Он признался, что я была второй, с кем он встречался в четверг. Он и правда старается узнать каждую поближе.

– Правда? Думаешь, в этом все дело?

– Да. Посмотри на нас - мы в порядке. И это потому, что он виделся

с нами. Мы знаем, что понравились ему достаточно, чтобы не оказаться вышвырнутыми после первого же свидания. А слухи о том, с кем он был и с кем не был, расходятся очень быстро. Они беспокоятся, что он медлит, потому что не слишком ими заинтересовался. И боятся, что он отправит их домой сразу же, как только увидится с ними разок.

Почему он не рассказал мне об этом? Разве мы не были друзьями? Друг бы захотел обсудить такое. Судя по количеству улыбающихся лиц в комнате, он встретился, по крайней мере, с десятком девушек. Мы провели вместе большую часть вчерашнего вечера, и все это закончилось моими слезами. Какой друг стал бы хранить такие секреты, заставляя меня при этом раскрывать свои собственные?

Тьюсди, слушавшая с озабоченным выражением лица Камиллу, вдруг встала и огляделась. Заметив нас с Марли, она поспешила в наш угол.

– Как прошло ваше свидание? – резко спросила она.

– Привет, Тьюсди, – весело поздоровалась Марли.

– Ой, да отстань ты! – взмолилась она и снова повернулась ко мне. – Ну же, Америка, рассказывай.

– Я уже все рассказала.

– Нет. Я о том, что было вчера, – горничная подошла к нам, чтобы предложить чаю, но Тьюсди тут же прогнала ее.

– Как...?

– Тайни видела вас вместе и всем рассказала, – объяснила Марли, нервно поглядывая на Тьюсди. – Ты единственная, с кем он встретился дважды. Многие девушки еще ни разу не были с ним на свидании. Они долго возмущались, потому что считают, что это нечестно. Но ты ведь не виновата, что нравишься ему.

– И все же это абсолютно нечестно, – вздохнула Тьюсди. – Я его даже в коридорах ни разу не видела - только во время приемов пищи. Чем, черт возьми, вы двое опять занимались?

– Мы... эм... мы снова гуляли в саду. Он знает, что мне нравится снаружи. Мы проговорили весь вечер, – я нервничала, будто на допро-

се. Лицо Тьюсди выражало все до последней эмоции так, что мне пришлось отвернуться. Краем глаза я заметила, что некоторые девушки, сидящие за соседними столиками, прислушались.

– Вы просто разговаривали? – переспросила она недоверчиво.

Я вздохнула.

– Да, и только.

Тьюсди фыркнула и направилась к столику Крисс, которая снова рассказывала свою историю. Я, однако, была ошеломлена.

– Ты в порядке, Америка? – спросила Марли, возвращая меня к реальности.

– Да. А что?

– Ты кажешься расстроенной, – Марли озабоченно сморщила лоб.

– Нет. Я ничуть не расстроена. Все отлично.

Внезапно, так быстро, что я даже не заметила бы случившегося, если бы сидела подальше, Анна Фармер - Четвертая, прежде работавшая на ферме - замахнулась и ударила Селесту по лицу.

Несколько человек, включая меня, ахнули. Те, кто все пропустил, принялись оборачиваться, спрашивая, что случилось. Громче всех это пыталась выяснить Тайни, чей звонкий голос прямо-таки прорезал тишину, повисшую на какое-то время в комнате.

– Ох, Анна, нет, – вздохнула Эммика.

Спустя мгновение, Анна начала медленно осознавать, что только что сделала. Ее, возможно, отправят домой; мы не должны были применять силу к другим Отобранным. Эммика бросилась в слезы, а сама Анна сидела в оцепенении. Они обе были фермерскими дочками и очень сблизились за это короткое время. Я даже представить себе не могла, что чувствовала бы, если бы Марли внезапно уехала.

Анна, с которой я пересеклась лишь однажды, сразу показалась мне совершенно безобидным созданием. В этой девушке напрочь отсутствовало стремление причинить кому-либо вред. Большую часть повстанческой атаки она провела на коленях в молитве.

Конечно, Селеста все спровоцировала, но никто не сидел достаточ-

но близко, чтобы все слышать и доказать это. Если дойдет до разбирательств, это будет ее слово против слова Анны, и у Селесты найдется целая комната свидетелей, способных подтвердить, что она пострадала. Максону, возможно, придется отправить повинившуюся девушку домой, чтобы это стало примером для остальных.

Когда Селеста что-то прошептала ей на ухо и быстро вышла из комнаты, у Анны в глазах заблестели слезы.

Ее отослали еще до обеда.

# 17 ГЛАВА

– Кто был президентом Соединенных Штатов во время Третьей Мировой Войны? – спросила нас Сильвия.

Это было единственное, чего я не знала, поэтому я опустила глаза в надежде, что Сильвия меня не спросит. К счастью, Эми подняла руку и тут же ответила.

– Президент Уоллис.

Мы снова были в Большом зале, начиная новую неделю с урока истории. Хотя, это скорее напоминало исторический тест. На мой взгляд, это была одна из тех областей, где знания людей очень варьировались в зависимости от того, кто был сильнее информирован или знал больше подлинных фактов. Наши с мамой занятия по истории всегда проходили устно. У нас были специальные учебные материалы для работ по английскому и математике, но, говоря о прошлом нашей страны, у меня накопилось очень мало знаний, и даже их нельзя было с уверенностью назвать правдивыми.

– Верно. Президент Уоллис занимал этот пост до нападения Китая и продолжал руководить Соединенными Штатами на протяжении всей войны, – подтвердила Сильвия.

Я прокрутила это имя у себя в голове. *Уоллис, Уоллис, Уоллис*… Я была намерена запомнить все, чтобы рассказать Мэй и Джераду по воз-

вращении домой, но мы учили так много, что мысли в голове начинали путаться.

– Какова была мотивация для вторжения, Селеста?

Та улыбнулась.

– Деньги. Американцы задолжали Китаю много денег и не смогли вернуть их.

– Отлично, Селеста, – Сильвия одарила ее лучезарной улыбкой. Каким образом Селесте удавалось обводить людей вокруг пальца? Это ужасно раздражало. – Когда Соединенные Штаты не смогли погасить свои огромные долги, китайцы вторглись на их территорию. К сожалению для напавших, они так и не получили назад свои деньги, так как Соединенные Штаты к тому моменту совершенно обанкротились. Однако они получили в свое распоряжение американскую рабочую силу. И когда китайцы захватили Соединенные Штаты, как они их переименовали?

Моя рука взмыла вверх, вместе с парой других.

– Дженна? – кивнула Сильвия.

– Американский Штат Китая.

– Да. Американский Штат Китая по документам являлся независимым государством, однако, это было сделано лишь для видимости. Китайцы дергали за ниточки, оказывая влияние на все крупные политические события, и управляли законодательной властью в собственных интересах.

Сильвия медленно двинулась между рядами. Я почувствовала себя мышью под прицелом снижающегося ястреба.

Я оглядела комнату. Несколько человек казались совершенно сбитыми с толку. А я-то думала, что об этих событиях уж точно знал каждый.

– Кто-нибудь хочет что-то добавить? – спросила Сильвия.

Бариэль заговорила:

– Китайское вторжение побудило некоторые страны, особенно в Европе, объединяться друг с другом и заключать дипломатические союзы.

– Действительно, – ответила Сильвия. – Тем не менее, Американский Штат Китая не имел в то время подобных союзников. Им понадобилось пять лет, чтобы привести в порядок внутриполитическую систему - что далось им с огромным трудом - не говоря уже о создании межгосударственных альянсов, – выражение ее лица в этот момент, похоже, было призвано выразить всю нелегкость ситуации, в которой оказалась тогда страна. – АШК планировал выступить против тирании Китая, но внезапно столкнулся с новым вторжением. Какая страна попыталась захватить теперь?

На этот раз многие подняли руки.

– Россия, – ответил кто-то, не дожидаясь разрешения. Сильвия грозно окинула взглядом комнату в поисках нарушителя, но так и не смогла определить, кто это был.

– Верно, – сказала она недовольно. – Россия пыталась расшириться сразу в нескольких направлениях и с треском провалилась, но их неудача предоставила АШК возможность дать отпор. Каким же образом?

Крис подняла руку и ответила:

– Все страны Северной Америки объединилась для войны с Россией, поскольку опасались, что у нее были виды не только на АШК. И борьбу с Россией, сам того не ведая, облегчил Китай, осаждая ее с другой стороны и оттягивая вооруженные силы русских на восток.

Сильвия гордо улыбнулась.

– Да. И кто возглавил войну против России?

Вся комната дружно воскликнула «Грегори Иллея!», и некоторые девушки даже захлопали в ладоши.

Сильвия кивнула.

– Все это привело к основанию нашей страны. Альянс АШК и других наций приобрел форму единого фронта, но репутация Соединенных Штатов была настолько повреждена, что никто не захотел выступать под этим названием. Поэтому новое государство сформировалась под именем своего предводителя - Грегори Иллеи. Он очень много сделал для этой страны.

Эммика подняла руку, и Сильвия позволила ей высказаться.

– В некотором смысле, мы - как он. Я имею в виду в плане служения нашей стране. Он был обычным гражданином, решившим поделиться своими знаниями и деньгами со всеми. И это все изменило, – задумчиво сказала она.

– Это прекрасное замечание, – согласилась Сильвия. – И точно так же, как он в свое время, одна из вас взойдет на трон. Грегори Иллея стал королем, связав себя узами брака с королевской особой. Для вас это будет такой же брак, – она так увлеклась своим восторженным рассуждением, что когда Тьюсди подняла руку, не сразу обратила на нее внимание.

– А почему этого нет ни в одной книге? Разве так нам было бы не проще все это выучить? – с небольшой толикой раздражения в голосе спросила она.

Сильвия покачала головой.

– Милые девушки, историю не нужно учить. Ее нужно знать.

Марли повернулась ко мне и прошептала:

– Очевидно, мы не делаем ни того ни другого, – она улыбнулась своей шутке, а затем снова сосредоточилась на Сильвии.

Я задумалась о том, какими разрозненными были наши познания, о том, что большинство из нас могло лишь догадываться, как все было на самом деле. И правда, почему бы не вести книги по истории?

Я вспомнила, как зашла в родительскую спальню несколько лет назад. Мама сказала тогда, что я могу выбрать любую книгу с их полки для дополнительного чтения по английскому. Я заметила в дальнем углу толстую потрепанную книгу и вытащила ее. Это оказалась книга по истории Соединенных Штатов. Несколько минут спустя в комнату зашел папа. Он увидел, что я читала, и сказал, что не станет возражать, если я никогда никому не расскажу об этой книге и о том, что в ней написано.

Когда он попросил меня сохранить это в тайне, я согласилась без лишних вопросов, потому что мне нравилось перелистывать ветхие

страницы и просматривать их содержимое. По крайней мере тех, что до сих пор выглядели читабельно. Многие страницы, казалось, были специально вырваны, а край корешка обгорел, но я все же нашла в книге фотографию старого Белого дома и узнала из нее о былых праздниках.

Я никогда не обратила бы внимание на отсутствие истины, если бы специально не задумалась над этим. Почему король скрывал от людей правду?

***

В очередной раз сработала вспышка, и фотограф запечатлел Максона и Натали с широкими улыбками на лицах.

– Натали, опустите немного подбородок, пожалуйста. Чудесно, – фотограф сделал еще один кадр, на мгновения заливая комнату ослепительным светом. – Думаю, этого достаточно. Кто следующий? – позвал он.

Появилась Селеста, до сих пор окруженная группкой суетливых горничных. Прежде чем фотограф снова начал щелкать вспышкой, Натали, по-прежнему находясь рядом с Максоном, что-то сказала ему и кокетливо приподняла ножку позади себя. Он прошептал ей что-то в ответ, и она хихикнула и ушла.

После вчерашнего урока истории нас предупредили о фотосессии, сказав, что она станет лишь очередной подачкой для изголодавшейся публики, но я все же не могла отделаться от мысли, что за этим кроется нечто большее. В каком-то журнале пару дней назад появилась статья о том, как должна выглядеть принцесса. Сама я не смогла ее прочесть, но некоторым другим удалось это сделать. В их числе была Эммика, и, по ее словам, автор статьи утверждал, что Максону необходимо выбрать девушку с поистине царственной внешностью, чтобы хорошо смотреться с ней на фотографиях.

И вот мы все выстроились в одинаковых платьях - бежевого цвета с прикрывающими плечи рукавами и заниженной талией - и с тяжелыми красными лентами через плечо, чтобы сфотографироваться с Максоном.

Фотографии будут напечатаны в том же журнале, а сотрудники журнала сделают выбор в пользу одной из девушек. Все это немного выбивало меня из равновесия. С самого начала меня беспокоило, что Максон будет искать среди Отобранных просто красивое лицо. Теперь, когда я узнала его поближе, я была уверена, что это неправда, но, похоже, многие люди считали, что именно так он и сделает.

Я вздохнула. Некоторые девушки бродили по Большому Залу, жуя легкие закуски и непринужденно болтая, но большинство, включая меня, столпились вокруг съемочной площадки, возведенной в самом центре комнаты. Огромный золотой гобелен, напоминавший мне драпировки, используемые дома отцом во время рисования, свисал с высокой перегородки и стлался по полу наподобие шторы. С одной стороны был установлен небольшой диванчик, с другой - бутафорская колонна. В самом центре гобелена красовался государственный герб Иллеи, придавая происходящему атмосферу чего-то важного и патриотического. Мы наблюдали за тем, как каждая Отобранная, прошествовав к этой установке, начинала позировать на камеру, и многие девушки шептались друг с другом о том, что им понравилось или не понравилось в очередной фотосессии, и о том, что они запланировали для себя.

Селеста двинулась к Максону с блеском в глазах, и он улыбнулся, когда она приблизилась. Подойдя к нему, она приложила губы к его уху и что-то прошептала. Что бы это ни было, Максон склонил голову, смеясь, и кивнул, как бы соглашаясь с ее маленькой тайной. Было странно видеть их такими. Как мог кто-то, так хорошо ладивший со мной, быть столь же милым с такой, как она?

– Хорошо, мисс. А теперь, пожалуйста, посмотрите в камеру и улыбнитесь, – попросил фотограф, и Селеста немедленно откликнулась.

Она повернулась к Максону, положила руку ему на грудь и, чуть наклонив голову, выдала профессиональную улыбку. Она, казалось, знала, как правильно использовать освещение и встать наилучшим образом, и продолжала давать Максону указания по поводу изменения поз. Некоторые девушки - особенно те, кто еще не был с ним на свидании -

просто наслаждались дополнительным временем, которое им довелось провести с принцем. Селеста же старалась проявить себя, показать свое преимущество.

Они быстро закончили, и фотограф вызвал следующую девушку. Я была так занята, наблюдая за Селесой, когда та провела рукой по предплечью Максона на прощанье, что горничной пришлось мягко напомнить, что настал мой черед.

Я легонько тряхнула головой, приказывая себе сосредоточиться. Подобрав платье, я направилась к Максону. Его взгляд переместился с Селесты на меня, и может мне это всего лишь показалось, но его улыбка стала чуточку шире и искреннее.

– Здравствуй, милая, – нараспев произнес он.

– Только не начинай, – предупредила я, но он лишь усмехнулся и протянул ко мне руки.

– Погоди секунду. Твоя лента скрутилась.

– Не удивительно, – эта штуковина была настолько тяжелой, что я чувствовала ее смещение при каждом шаге.

– Думаю, и так сойдет, – пошутил он.

– А ты, между прочим, сияешь, будто канделябр. Тебя в пору к потолку подвесить, – парировала я, указывая на блестящие медали, которыми была увешана его грудь. Форма на нем напоминала ту, что носили охранники, только его была более элегантной, с золотыми эполетами на плечах и шпагой на бедре. Серьезно, со шпагой они переборщили.

– Смотрим в камеру, пожалуйста, – окликнул фотограф. Обернувшись, я увидела, что к нам прикованы не только его глаза, но и глаза остальных Отобранных. Моя нервозность вдруг резко возросла.

Я отерла свои потные ладони о платье и шумно выдохнула.

– Не волнуйся, – прошептал Максон.

– Не люблю, когда на меня смотрят.

Он притянул меня поближе и обнял за талию. Я хотела отступить хотя бы на шаг, но он только крепче прижал меня к себе.

– Просто посмотри на меня так, словно терпеть меня не можешь, –

он шутливо нахмурился, и я рассмеялась.

В ту же секунду щелкнула камера, запечатлев нас обоих смеющимися.

– Видишь, – сказал Максон. – Все не так плохо.

– Пожалуй.

Я нервничала еще пару минут, пока фотограф выкрикивал свои указания, и Максон переходил от близких объятий к более свободным, или поворачивал меня так, что моя спина оказывалась прижата к его груди.

– Превосходно, – сказал фотограф. – Можем мы сделать несколько кадров на диване?

Теперь, когда половина снимков была уже сделана, я немного расслабилась и старательно позировала, сидя рядом с Максоном на диванчике. Все это время он легонько тыкал и щекотал меня, что заставляло меня улыбаться все сильнее и сильнее, до тех пор, пока я больше не могла сдерживать смех. Я надеялась, что фотографу удалось поймать хотя бы пару удачных моментов, иначе все старания Максона пошли бы насмарку.

Краем глаза я заметила, как рядом с толпой девушек кто-то взмахнул рукой, и в следующий момент Максон тоже обернулся. Там стоял человек в костюме, и ему явно было необходимо поговорить с принцем. Максон кивнул, но человек медлил, переводя взгляд с него на меня, очевидно смущенный моим присутствием.

– Все в порядке, – сказал Максон, и мужчина подошел к нам и преклонил колено.

– Нападение повстанцев в Мидстоне, Ваше Высочество, – сообщил он. Максон вздохнул и устало опустил голову. – Они сожгли акры сельскохозяйственных культур, и погибло около десятка человек.

– Где именно в Мидстоне?

– На западе, сэр, рядом с границей.

Максон медленно кивнул. Выглядело так, словно он пытался сложить этот кусочек информации с другими в своей голове.

– Что сказал отец?

– Вообще-то, Ваше Высочество, он пожелал выслушать Ваши соображения.

Максон, казалось, растерялся на долю секунды, но тут же спохватился.

– Локализируйте войска на юге Соты и вдоль Тамминса. Не идите на юг до Мидстона, это будет пустой тратой времени и сил. Посмотрим, сможем ли мы перехватить их.

Мужчина встал и поклонился.

– Как прикажете, сэр, – он исчез так же быстро, как и появился.

Я знала, что нам следовало вернуться к съемке, но Максона, казалось, это интересовало сейчас меньше всего.

– Ты в порядке? – спросила я.

Он мрачно кивнул.

– Просто все эти люди...

– Может нам прерваться? – предложила я.

Он покачал головой, расправил плечи и, улыбнувшись, взял меня за руку.

– Если хочешь преуспеть на этом посту, ты должна научиться казаться спокойной, даже когда это совсем не так. Пожалуйста, улыбнись, Америка.

Я выпрямилась и застенчиво улыбнулась в камеру, позволяя фотографу заснять очередной кадр. Где-то между нескольких последних снимков Максон крепко сжал мою руку, и я ответила ему тем же. И в это мгновение мне вдруг показалось, будто между нами образовалась какая-то очень глубокая нерушимая связь.

– Спасибо большое. Следующая, пожалуйста, – пропел фотограф.

Мы с Максоном встали, все еще держась за руки.

– Пожалуйста, ни слова об этом. Нельзя, чтобы информация просочилась.

– Конечно.

Звук приближающихся шагов напомнил мне, что мы не одни, но почему-то мне очень хотелось остаться. Еще раз сжав мою ладонь напос-

ледок, Максон отпустил меня, и я ушла, раздумывая сразу о нескольких вещах. О том, как приятно было, что Максон доверял мне достаточно, чтобы посвятить в эту тайну, и о том, как на мгновение мне показалось, что мы остались одни в целом свете. А еще я думала о повстанцах, и о том, что король, обычно, на всю страну возвещал об их мятежах, а я должна была держать эту новость при себе. Это казалось бессмысленным.

– Жанелль, милая, – поприветствовал Максон следующую девушку. Я улыбнулась про себя: в его голосе было столько напускной нежности. Он продолжил чуть тише, но я все еще могла его слышать. – Пока я не забыл, ты свободна сегодня?

У меня в животе что-то неприятно сжалось. Должно быть, я все же немного перенервничала.

***

– Она, должно быть, сделала что-то ужасное, – настаивала Эми.

– Судя по ее словам, ничего такого не произошло, – возразила Крисс.

Тьюсди потянула Крисс за рукав.

– Еще раз, что она сказала?

Жанелль отослали домой.

Нам было важно разобраться, потому что это был первый случай, когда исключение произошло спонтанно, когда девушку отправили домой не с массовым отчислением, не потому что она нарушила правила и даже не по ее собственному желанию из-за страха за свою жизнь. Она сделала что-то не так, и мы все хотели знать, что именно.

Крисс, чья комната была напротив комнаты Жанелль, видела, как та пришла, и была единственным человеком, кому удалось поговорить с ней до отъезда. Крисс вздохнула и пересказала историю в третий раз:

– Они с Максоном отправились на охоту, но это вы знаете, – начала она, жестикулируя рукой в воздухе, словно это помогало ей собраться с мыслями. О свидании Жанелль, и в самом деле, было известно всем.

После вчерашней фотосессии она обрушивала эту новость на любого, кто готов был ее слушать.

– Это было ее второе свидание с Максоном. Она единственная, кто встречался с ним дважды, – сказала Бариэль.

– Не единственная, – пробормотала я.

Несколько голов повернулись в мою сторону. Однако Бариэль говорила правду. Жанелль была единственной *кроме меня*, дважды сходившей на свидание с Максоном. Не то чтобы я была в счет.

Крисс продолжила.

– Она вернулась вся в слезах. Я спросила у нее, что не так, и она сказала, что уезжает, что Максон велел ей покинуть дворец. Я обняла ее, ведь она была ужасно расстроена, и попросила рассказать, что случилось. Она сказала, что не может об этом говорить. Я не поняла почему. Может, нам не запрещено разглашать причины нашего исключения?

– Этого не было в правилах, так ведь? – спросила Тьюсди.

– И здесь нам ничего об этом не говорили, – заметила Эми, и еще несколько девушек кивнули в подтверждение.

– Но хоть что-то же она сказала? – настаивала Селеста.

Крисс снова вздохнула.

– Она сказала, что мне лучше следить за своими словами. А потом отстранилась и захлопнула дверь.

В комнате на мгновение стало тихо, все задумались.

– Должно быть, она его чем-то обидела, – предположила Элаяна.

– Ну, если она выбыла из-за чего-то такого, то это несправедливо. Максон ведь сказал, что кто-то из здесь присутствующих оскорбил его при первой же встрече, – возмутилась Селеста.

Все начали оглядываться вокруг, пытаясь вычислить виновницу, возможно, с той целью, чтобы ее - меня - тоже выгнали. Я кинула обеспокоенный взгляд на Марли, и та поспешила на помощь.

– Возможно, она сказала что-то плохое о стране? О политическом строе или правительстве?

– О, пожалуйста, – язвительно пошипела Бариэль. – Каким скучным

должно быть свидание, чтобы зашел разговор о политике? Здесь что, и впрямь кто-то говорил с Максоном об управлении страной?

Никто не ответил.

– Конечно же, нет, – ответила на свой вопрос Бариэль. – Максон ищет себе не советника, а жену.

– Тебе не кажется, что ты его недооцениваешь? – заметила Крисс. – Может ему нравятся девушки, у которых есть собственное мнение и интересные идеи?

– Ты правда думаешь, что Максон ищет себе кого-то с мозгами? – Селеста запрокинула голову и рассмеялась. – Он и сам прекрасно управится со страной. Его к этому готовили. Кроме того, у него будут специальные люди для помощи в принятии важных политических решений. Зачем ему кто-то, кто будет пытаться указывать ему, что делать? На твоем месте я бы научилась прикусывать язык. По крайней мере, до тех пор, пока он на тебе не женится.

– Чего он никогда не сделает, – вставила Бариэль.

– Вот именно, – сказала Селеста с улыбкой. – Зачем Максону возиться с какой-то занудной Третьей, если он может заполучить Вторую?

– Эй! – воскликнула Тьюсди. – Максона не заботят числа.

– Конечно, заботят, – проворковала Селеста так, словно пыталась вразумить бестолкового ребенка. – Иначе, почему все, кто ниже Четвертой касты, уже дома?

– Все еще здесь, – заметила я, помахав рукой в воздухе. – Так что, если думаешь, что раскусила его, ты ошибаешься.

– О, а вот и девушка, которая не умеет вовремя заткнуться, – съязвила Селеста.

Я сжала кулаки, задумавшись, что случится, если ее побить, и будет ли оно того стоить. Она что, специально меня провоцировала? Но прежде, чем я успела сдвинуться с места, в дверь ворвалась Сильвия.

– Почта, дамы! – воскликнула она, и напряжение в комнате мигом улетучилось.

Все замерли от предвкушения. Нам не терпелось поскорее добрать-

ся до писем, принесенных Сильвией. Мы пробыли во дворце уже около двух недель, и, если не считать маленького исключения в виде коротеньких записок от наших семей на второй день, это был наш первый настоящий контакт с домашними.

– Давайте посмотрим, – сказала Сильвия, тасуя пачку писем. Похоже, она даже не заметила, что всего несколько секунд назад, здесь чуть не разгорелся полноценный скандал. – Леди Тайни? – позвала она и окинула взглядом комнату.

Тайни подняла руку и вышла вперед.

– Леди Элизабет? Леди Америка?

Я почти бегом метнулась вперед и выхватила из ее рук конверт. Я так изголодалась по новостям из дома. Заполучив письмо, я отступила в дальний угол, чтобы уединиться.

*Милая Америка,*

*Не могу дождаться пятницы! Мне до сих пор не верится, что ты будешь говорить с самим Гавриилом Фадаем! Ты такая везучая.*

Я, конечно, совсем не чувствовала себя везучей. Следующим вечером нам всем предстояло оказаться на горячем стуле с Гавриилом, и я понятия не имела, о чем он станет спрашивать. Но я была заранее уверена, что выставлю себя полной идиоткой.

*Будет здорово услышать твой голос. Я так соскучилась по твоему пению! Мама, в отличие от тебя не напевает, когда делает что-то по дому, и, с тех пор как ты уехала, у нас совсем тихо. Ты помашешь мне в камеру в прямом эфире?*

*Как подвигается конкурс? Много подруг завела? Вы поддерживаете контакт с выбывшими девушками? Мама теперь твердит, что больше не важно, побе-*

*дишь ты, или нет. К половине девушек, вернувшихся домой, уже посватались сыновья мэров и знаменитости. Она говорит, что если Масон не захочет на тебе жениться, то обязательно найдется другой достойный кандидат. Джерад надеется, что ты выйдешь замуж за баскетболиста, а не за скучного старого принца. Но меня не волнует, кто что говорит.*

*Максон лучше всех!*

*Вы уже целовались?*

Целовались? Да мы едва знакомы! И, в любом случае, у Максона нет никаких причин меня целовать.

*Готова поспорить, он целуется как Бог! Он просто обязан, он ведь принц!*

*Мне еще так много нужно тебе рассказать, но мама говорит, что мне пора за рисование. Как будет время, напиши мне настоящее письмо. Длинное! С кучей подробностей!*

*Люблю тебя! Мы все любим.*

*Мэй*

Значит, у выбывших девушек отбоя не было от богатых женихов. А я и не думала, что статус отверженной невесты будущего короля, делал тебя дорогим товаром. Я мерила шагами комнату, обдумывая слова Мэй.

Я хотела знать, что происходит. Мне было интересно, что на самом деле произошло с Жанелль. Встречался ли Максон сегодня еще с кем-нибудь? Мне очень хотелось его увидеть.

Мои мысли блуждали в поисках способа связаться с ним. Все это время я неосознанно теребила листки бумаги, которые все еще держала в руках.

Вторая страница письма Мэй почти целиком пустовала. Я нечаянно оторвала нижний уголок, пока бродила кругами по комнате. Некоторые девушки по-прежнему были погружены в чтение своих писем, а остальные делились друг с другом полученными новостями. Помедлив немного, я подошла к гостевой книге, где могла отписаться любая посетительница Женской Комнаты, и взяла прилагавшуюся к ней ручку.

Я быстро черкнула на своем клочке бумаги:

*Ваше Высочество...*
*Тереблю ухо. Как можно скорее.*

Я спокойно вышла из комнаты, словно бы просто направляясь в туалет, и осмотрела холл. Там было пусто. Я стояла, в ожидании, пока из-за угла не появилась горничная с чайным подносом в руках.

– Извините, – тихо позвала я. В этих огромных помещениях любой звук разносился эхом.

Девушка присела передо мной в реверансе.

– Да, мисс?

– Вы, случайно, не к принцу идете?

Она улыбнулась.

– Не могли бы вы передать ему вот это? – я протянула ей маленькую сложенную вчетверо записочку.

– Конечно, мисс!

Она с трепетом взяла ее и поспешно удалилась. Вне всяких сомнений, она развернет и прочтет ее, как только скроется из виду, но благодаря своей странной формулировке я была почти уверена, что информация останется в безопасности.

Здешние коридоры были завораживающими, каждый из них украшен богаче, чем весь мой дом целиком. Дорогие обои, позолоченные зеркала, огромные вазы с прекрасными живыми цветами. Пол покрывали тяжелые мягкие ковры, окна были отполированы до блеска, а стены украшали великолепные картины.

Тут были работы как знаменитых живописцев - Ван Гога, Пикассо - так и неизвестных, но весьма талантливых художников. Тут были фотографии зданий, которые мне доводилось и не доводилось видеть прежде. На одной из них был изображен легендарный Белый Дом. Судя по тому, что я видела на фотографиях и читала в своей старой книге по истории, Иллейский дворец был гораздо больше и роскошнее его, но мне все же очень хотелось бы увидеть это здание вблизи.

Я прошла дальше по коридору и наткнулась на портрет королевской семьи. Должно быть, этой картине было уже несколько лет - Максон на ней был ниже своей матери, теперь же он над ней возвышался. За все время, что я провела во дворце, я видела их вместе лишь за обедами и на съемках Столичного Отчета. Мне вдруг стало интересно, насколько они близки. Как родители Максона относились ко всем этим странным девушкам, поселившимся в их доме? Терпели ли они нас только из-за обязательств, наложенных на них кровью и обычаем? Я не могла понять, какие отношения связывали членов этой невидимой семьи.

– Америка?

Я обернулась на звук своего имени.

Максон бежал ко мне по коридору. Мне показалось, что я видела его впервые. Он был без пиджака, рукава его белой рубашки были закатаны до локтей. Его синий галстук болтался расслабленной петлей на шее, а его волосы, всегда гладко прилизанные, растрепались от спешки. В резком контрасте со вчерашним мужчиной в военной форме, он выглядел более юным, более настоящим.

Я застыла, как вкопанная. Максон подлетел и схватил меня за руки.

– Ты в порядке? Что случилось?

*Случилось?*

– Ничего. Я в порядке, – поспешно ответила я. Максон облегченно выдохнул.

– Слава Богу. Когда я получил твою записку, то подумал что тебе плохо, или что-то случилось с твоей семьей.

– О! Нет, Максон, прости. Знаю, это была глупая идея. Я просто не

была уверена, что ты появишься за ужином, а мне вдруг захотелось тебя увидеть.

– И зачем же? – спросил он. Он все еще осматривал меня, нахмурившись, словно бы убеждаясь, что у меня ничего не сломано.

– Просто так.

Максон замер. Теперь он заглядывал мне в глаза.

– Ты просто хотела меня увидеть? – он, казалось, был приятно удивлен.

– В этом нет ничего странного. Друзья обычно проводят время вместе, – ответила я спокойно.

– А, так ты о том, что мы не виделись всю неделю? Я был завален работой, Америка. Прости, я не хотел пренебрегать нашей дружбой, – Максон вновь посерьезнел, возвращая на лицо маску официальности.

– Нет, я не злюсь. Просто пытаюсь объясниться. Кажется, я отвлекла тебя. Возвращайся к работе, встретимся, когда освободишься.

Он все еще не отпустил моих рук.

– Вообще-то… не возражаешь, если я ненадолго останусь? Они там обсуждают бюджет, а я просто терпеть не могу финансы.

Не дожидаясь ответа, Максон увлек меня за собой к небольшому плюшевому диванчику, установленному под окном чуть дальше по коридору. Я хихикнула.

– Что смешного?

– Ты, – ответила я с улыбкой. – Забавно видеть, что бумажная волокита так действует тебе на нервы. Неужели все эти встречи и правда настолько кошмарны?

– Ох, Америка! – вздохнул он, усаживаясь напротив меня. – Они ходят кругами! Отец неплохо справляется с советниками, но убедить министерства двигаться в заданном направлении ужасно сложно. Мама твердит ему, что нужно выделять больше средств общественным школам - она считает, что, чем больше людей получат качественное образование, тем ниже будет уровень преступности, и я с ней согласен. Но отец никогда не бывает достаточно настойчив, чтобы они урезали бюд-

жеты других областей, где с работой прекрасно управятся и при меньшем финансировании. Все это приводит в бешенство! А мое слово пока что не имеет достаточного веса, так что любое мое мнение с легкостью оспаривается.

Максон уперся локтями в колени и запустил пальцы себе в волосы. Он выглядел уставшим.

Краешком глаза заглянув в мир Максона, я лишь еще больше запуталась. Как мог кто-то оспаривать слово своего будущего правителя?

– Мне жаль. Не огорчайся, ведь со временем ты будешь иметь гораздо больше влияния, – я гладила его по спине, надеясь хоть немного приободрить.

– Знаю. Я твержу себе об этом. Но меня печалит, что мы, будучи в состоянии изменить страну к лучшему уже сейчас, ничего не делаем. Если бы они только прислушались... – его голос звучал несколько приглушенно из-за того, что его голова была опущена, и смотрел он себе под ноги.

– Ну же, не раскисай. Твоя мама на верном пути. Правда реформа образования сама по себе ничего не решит.

Максон поднял голову.

– Что ты имеешь в виду?

В его тоне слышался вызов. И я понимала почему. Ведь я посягала на идею, которую он все это время так рьяно отстаивал. Я попыталась пойти на попятную.

– Ну, по сравнению холеными преподавателями, каких может позволить себе кто-то вроде тебя, система образования Шестых и Седьмых просто ужасна. Они будут безмерно счастливы, если вы просто подлатаете школы и пригласите туда на работу хороших учителей. Но как быть с Восьмыми? Разве не представители этой касты ответственны за подавляющую часть совершаемых преступлений? Они вообще не получают образования. Думаю, если дать им что-нибудь, хоть что-то, это поможет их успокоить. И к тому же… – я сделала паузу. Я не знала, как объяснить это кому-то, кто рос, ни в чем не нуждаясь. – Ты когда-

нибудь был голоден, Максон? Не просто хотел есть, а по-настоящему *голодал*? Если бы здесь совсем не было пищи, ни для тебя, ни для твоих родителей, и ты знал бы, что если возьмешь немного у тех, кто в день тратит больше денег, чем ты видел за всю свою сознательную жизнь, то сегодня они смогут поесть. Что бы ты сделал? Представь, что они рассчитывают на тебя. Разве ты не пошел бы на это ради тех, кого любишь?

Он помолчал. Однажды мы уже касались этой темы - когда говорили о моих горничных во время атаки повстанцев - и почувствовали уже тогда, насколько на самом деле велика пропасть между его миром и моим. Теперь разговор принимал гораздо более серьезный оборот, и я видела, что он искренне хотел бы этого избежать.

– Америка, я не говорю, что люди не испытывают трудностей, но красть...

– Закрой глаза, Максон.

– Что?

– Закрой глаза.

Он нахмурился, но подчинился. Я дождалась, когда он зажмурится и расслабится, и только потом заговорила.

– Где-то в этом дворце есть девушка, которая станет твоей женой.

Уголки его губ чуть приподнялись в легкой, исполненной надежды, улыбке.

– Возможно, ты пока не знаешь, кто именно это будет, но подумай о тех, кто сидит сейчас внизу. О той из них, которая больше остальных любит тебя. Представь свою "милую".

Его рука лежала совсем рядом с моей на диванчике, и на секунду его пальцы коснулись моих. Я отдернулась.

– Прости, – пробормотал он, заглядывая мне в глаза.

– Закрой их!

Он усмехнулся и вернулся в прежнее положение.

– Эта девушка... Представь, что она полностью зависит от тебя. Ей нужно, чтобы ты был заботливым и нежным, чтобы ты заставил ее за-

быть Отбор. И даже если судьба выбросит вас двоих на улицу, и вы будете скитаться от дома к дому в поисках пищи и крова, она все еще будет твоей единственной. Она всегда будет той, кого бы ты выбрал.

Улыбка надежды начала угасать. Более того, уголки его губ слегка опустились.

– Ей нужно будет, чтобы ты защищал ее и обеспечивал всем необходимым. И если дойдет до того, что вам будет совсем нечего есть, и ты даже спать по ночам не сможешь из-за урчания в ее желудке...

– Прекрати! – Максон вскочил на ноги. Он пересек широкий коридор и остановился возле противоположной стены, отворачиваясь от меня.

Я почувствовала себя неловко. Я и не думала, что это так сильно его огорчит.

– Прости, – прошептала я.

Он кивнул, все еще меряя взглядом стену. Несколько мгновений спустя он обернулся. Его глаза с грустью искали мои, словно силясь найти в них ответ на мучающий его вопрос.

– Там и правда все *так*? – спросил он.

– Что?

– Снаружи... такое действительно случается? Люди голодают так сильно?

– Максон, я...

– Скажи мне правду, – его губы сложились в твердую линию.

– Да. Так бывает. Я знаю семьи, в которых старшие дети отдают свой обед младшим братьям и сестрам. Я знаю мальчика, которого высекли на городской площади за кражу еды. Отчаянье порой толкает людей на безумные поступки.

– Мальчика? Сколько ему?

– Девять, – выдохнула я, невольно содрогаясь при воспоминании о шрамах на крохотной спине Джемми. Максон напрягся так, словно и сам в этот момент ощутил удар хлыста.

– Ты... – он прочистил горло, – ты когда-нибудь испытывала подобное? Голодала?

Я опустила голову, не в силах выдержать его взгляд. Я и правда не хотела разговаривать с ним об этом.

– Все настолько плохо?

– Максон, это лишь сильнее тебя расстроит.

– Возможно, – сказал он серьезно, кивнув. – Но я только теперь начинаю понимать, как многого не знаю о своей стране. Пожалуйста.

Я вздохнула.

– Бывало довольно тяжело. Обычно, когда доходит да такого, мы экономим на электричестве, чтобы остались деньги на еду. Хуже всего было однажды под Рождество. Было очень холодно, на нас были тонны одежды, и изо рта пар шел прямо в доме. Мэй не понимала, почему в тот год мы не обменивались подарками. Ну и, как правило, в моем доме не бывает остатков. Наоборот, кому-то всегда не хватает.

Я спохватилась, увидев, как краска сходит с его лица. Нужно было срочно направить разговор в позитивное русло.

– Но я знаю, что чеки, которые моя семья получила за последние несколько недель, очень помогли. Они не расточительные. Я уверена, что мама уже припрятала часть этих денег на будущее, и их хватит на долгое время. Ты так много для нас сделал, Максон.

Я выдавила из себя крошечную улыбку, но выражение его лица осталось неизменным.

– Боже правый. Когда ты сказала, что приехала сюда лишь ради еды, ты ведь не шутила, верно? – спросил он, покачав головой.

– Серьезно, Максон, в последнее время у нас все было хорошо. Я... – но я так и не закончила.

Максон подошел ко мне и поцеловал меня в лоб.

– Увидимся за ужином.

И он ушел, на ходу поправляя галстук.

Перевод: Юлия Спиридонова, Марьям Филлипова, Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алена Игоревна, Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 18 ГЛАВА

Максон сказал, что мы увидимся с ним за ужином, но его там не оказалось. Королева вошла одна, и мы слегка полонились ей, стоя за своими стульями. Она заняла свое место, а затем позволила сесть и нам.

Я оглядела комнату в поисках свободного стула, предполагая, что он задержался на свидании с кем-нибудь из девушек, но все Отобранные были здесь.

Весь остаток дня я прокручивала в голове слова, сказанные мной Максону. Неудивительно, что у меня никогда не было друзей. Я ужасно справлялась с этой ролью.

В тот самый момент король с Максоном вошли в столовую. На Максоне снова был надет его строгий пиджак, но его волосы были по-прежнему растрепаны. Они с королем, были почти одного роста, когда шли рядом. Мы поспешили встать.

Их беседа была оживленной. Максон активно жестикулировал, а король кивал в ответ, вслушиваясь в слова своего сына. Казалось, однако, что он был слегка утомлен этой дискуссией. Когда они подошли к столу, король тяжело похлопал Максона по спине, и обвел комнату суровым взглядом.

Когда его взор упал на нас, его глаза внезапно загорелись энтузиазмом.

– О, боже правый, милые дамы, пожалуйста, садитесь, – он поцеловал королеву в макушку и сел сам.

Но Максон остался стоять.

– Дамы, у меня для Вас небольшое объявление.

Все взоры устремились на него. Интересно, что он приготовил для нас?

– Я знаю, что каждой из вас была обещана компенсация за участие в Отборе, – его голос звенел, наполненный властными нотками, которые я слышала прежде лишь раз - той ночью, когда он приказал стражам выпустить меня в сад. Он был гораздо более привлекательным, когда использовал подобный тон - а с ним и свой статус - ради достойной цели. – Однако в порядок отчисления этих компенсаций были внесены некоторые изменения. Если вы были рождены Второй или Третьей, ваши семьи больше не будут получать финансовой помощи. Четвертые и Пятые продолжат получать компенсацию, но уже в меньшем размере.

Некоторые девушки были настолько шокированы этим заявлением, что сидели теперь с открытыми ртами. Деньги были частью сделки. Селеста, например, тут же принялась возмущаться. Полагаю, чем больше у тебя денег, тем сильнее твое желание скопить сумму еще поприличнее. И мысль о том, что такие, как я будут получать что-то, чего ей не достанется, скорее всего, не давала Селесте покоя.

– Я приношу свои извинения за предоставленные неудобства, но все объяснения вы получите завтра вечером, во время Столичного Отчета. И это решение не обсуждается. Если кого-то не устраивает новое положение дел, и вы не хотите больше принимать участие в конкурсе, можете покинуть дворец сразу же после ужина.

Максон сел на свое место и принялся снова что-то говорить королю, которого, казалось, куда сильнее интересовал обед, чем слова сына. Меня немного огорчил тот факт, что моя семья теперь будет получать меньше денег, но, по крайней мере, мы не были полностью лишены компенсации. Я попыталась сосредоточиться на своем обеде, но мне было слишком интересно, что все это значило, и не я одна мучилась

этим вопросом. В столовой поднялся шепоток.

– Как думаете, зачем все это? – тихо спросила Тайни.

– Может, это испытание, – предположила Крисс. – Готова поспорить, здесь найдутся люди, которые решили участвовать только ради денег.

Услышав это, я заметила, как Фиона, подтолкнув Оливию, кивнула головой в мою сторону. Я отвернулась, чтобы она не знала, что я все видела.

Девушки предлагали всевозможные варианты, а я продолжала наблюдать за Максоном. Я пыталась привлечь его внимание и улучить момент, чтобы потеребить ухо, но он так ни разу и не посмотрел в мою сторону.

***

Мы с Мэри были одни в моей комнате. Сегодня вечером я должна была давать интервью на Столичном Отчете Иллеи. Мне придется столкнуться лицом к лицу с Гавриилом, и предстать перед всей страной, не говоря уже о других девушках, которые тоже будут там и мысленно раскритикуют каждую свою соперницу. Сказать, что я нервничала - все равно, что ничего не сказать. Я беспокойно ерзала на стуле, пока Мэри перечисляла мне всевозможные варианты вопросов, наиболее, по ее мнению, интересующих общественность.

*Нравилось ли мне во дворце? Какой поступок принца по отношению ко мне был самым романтичным? Скучала ли я по своей семье? Целовалась ли я с Максоном?*

Когда Мэри задала последний вопрос, я смерила ее пристальным взглядом. Я отвечала быстро, стараясь не раздумывать над каждым своим словом. Но я чувствовала, что этот вопрос она задала из чистого любопытства. И улыбка на ее лице лишь подтверждала мою догадку.

– Нет! Ради всего святого, – я постаралась напустить в свой голос побольше раздражения, но это было слишком смешно, чтобы по-настоящему вывести меня из себя. В итоге, я не смогла сдержать усмешку. Мэри хихикнула. – Слушай, иди-ка лучше почисти что-нибудь!

Она рассмеялась, но прежде чем я успела упрекнуть ее, в дверь ворвались Энни и Люси с огромным одежным чехлом в руках. Люси светилась даже большим предвкушением, чем в тот день, когда я впервые вошла в эту комнату, а в глазах у Энни плясал хитрый огонек.

– Что это такое? – спросила я у Люси, когда та присела передо мной в воодушевленном реверансе.

– Мы закончили ваше платье для Отчета, мисс, – ответила она. Я нахмурилась.

–Новое? Разве я не могла надеть то, синее? Вы же совсем недавно его сшили. И мне оно нравится.

Все трое переглянулись.

– Что вы на этот раз придумали? – спросила я, махнув рукой в сторону чехла, который Энни пристраивала на крючок возле зеркала.

– Мы говорим с другими горничными, мисс. Мы многое слышим, – начала Энни. – Мы знаем, что только вы и леди Жанелль были с Его Высочеством на свидании дважды, и считаем, что между Вами и принцем возникла привязанность.

– С чего бы это? – спросила я.

– Судя по тому, что мы слышали, – продолжила Энни, – леди Жанелль отослали, потому что она очень нелестно отозвалась о Вас. Принцу это не понравилось, и он велел ей немедленно покинуть дворец.

– Что? – я прикрыла ладонью рот, стараясь скрыть свое изумление.

– Мы уверены, что Вы его любимица, мисс. Почти все так говорят, – с придыханием заметила Люси.

– Думаю, вы заблуждаетесь, – сказала я. Энни пожала плечами, все еще улыбаясь, словно ее совершенно не интересовало мое мнение по этому поводу.

И тут я вспомнила, с чего начался этот разговор.

– Так какое отношение это имеет к моему новому платью? – Мэри подошла к Энни и расстегнула длинный чехольный замок, представляя всеобщему взору великолепное красное платье, переливающееся в тусклом свете, падающем из окна.

– Ох, Энни, – выдохнула я, совершенно пораженная. – Ты превзошла себя.

Она поблагодарила меня за похвалу легким кивком головы.

– Спасибо, мисс. Однако мы все над ним работали.

– Оно прекрасно. Но я все еще не понимаю, как оно связано со всем, что вы только что мне сказали.

Покаа Мэри вынимала платье из чехла, Энни вдалась в объяснение:

– Как я уже сказала, многие во дворце считают, что Вы - любимица принца. Он говорит о вас много хорошего и предпочитает Ваше общество чьему-либо еще. И, похоже, остальные девушки тоже это заметили.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы спускаемся в мастерскую, чтобы сшить большую часть платья. Там хранятся все материалы, и другие горничные тоже там часто бывают. Все девушки заказали на сегодняшний вечер голубые платья. Все горничные считают, что это потому, что вы носите этот цвет чуть ли не ежедневно, и остальные пытаются Вам подражать.

– Это правда, – вмешалась Люси. – Леди Тьюсди и леди Натали сегодня не надели ничего из предложенных украшений. Прямо как Вы.

– И большинство девушек в последнее время заказывают простые платья, такие, какие Вы предпочитаете, – заявила Мэри.

– Но это все еще не объясняет, почему вы сшили мне красное платье.

– Чтобы привлечь к Вам внимание! – воскликнула Мэри. – О, Леди Америка, если Вы и вправду ему нравитесь, Вы должны продолжать выделяться. Вы были так добры к нам, особенно к Люси… – мы все взглянули на Люси, которая усердно кивала в знак согласия. – Вы... из вас вышла бы отличная принцесса. Просто замечательная.

Я искала способ выкрутиться из сложившейся ситуации. Ненавижу быть в центре внимания.

– Но что, если другие горничные правы? Что если я нравлюсь Максону, потому что не пытаюсь выделиться, как остальные девушки? А тут проявляетесь вы с этим платьем, и все идет насмарку?

– Каждая девушка должна время от времени сиять. И мы знаем Максона еще с той поры, когда он был ребенком. Ему понравится, – сказала Энни с такой уверенностью, что я тут же поняла, что этот спор мной проигран.

Я не знала, как объяснить им, что все записки, которые он мне присылал, и время, проведённое вместе, означали всего лишь дружбу – не более. Я не могла рассказать им всего. Это погасило бы счастье на их лицах, и кроме того, мне стоило сохранять видимость борьбы, если я хотела остаться. А я хотела. Мне нужно было остаться.

– Хорошо, давайте его примерим, – со вздохом согласилась я.

Люси запрыгала от предвкушения, однако Энни остановила ее, напомнив, что та ведёт себя неподобающе. Я надела платье через голову, и шелковистая ткань скользнула по моей фигуре. Горничные подшили несколько мест, чтобы оно лучше сидело. Умелые руки Мэри по-разному поддерживали мои волосы, чтобы подобрать наиболее подходящую к платью прическу. В течение получаса я была готова.

Павильон сегодня выглядел несколько иначе, будучи оборудован специально для особого выпуска с нашими интервью. Как обычно, троны королевской семьи стояли по одну сторону, а наш кресла - точно напротив - по другую. Но трибуну убрали из центра комнаты немного в сторону, установив вместо нее два высоких стула. На одном из них лежал микрофон, которая каждая из нас, девушек, будет брать в руки во время беседы с Гавриилом. Мне стало плохо при одном лишь воспоминании о предстоящем кошмаре.

И, конечно же, комната пестрила всеми оттенками голубого. Некоторые платья были зеленоватого цвета, другие - фиолетового, но общая тема была ясна. Я сразу же почувствовала себя неловко. Поймав на себе взгляд Селесты, я подумала, что лучшим решением будет держаться от неё подальше до тех пор, пока нам не придется занять свои места.

Мимо прошествовали Крисс и Натали, чтобы в последний раз проверить свой макияж. Обе выглядели слегка недовольными, хотя по выражению лица Натали вообще было сложно что-либо определить. Крисс,

по крайней мере, несколько выделялась из общей массы. Ткань ее голубого платья белела ближе к краю подола, создавая интересный эффект, будто тонкие ледяные нити, переплетаясь между собой, тянулись к полу.

– Ты выглядишь сногсшибательно, Америка, – в ее тоне прозвучало больше обвинения, чем похвалы.

– Спасибо. И твое платье просто великолепно.

Она провела руками по корсету, разглаживая мелкие складочки.

– Да, мне тоже нравится.

Натали дотронулась до моего рукава.

– Что это за материал? Думаю, он будет сиять, когда настроят освещение.

– Если честно, понятия не имею, – пожала я плечами. Будучи Пятой, я редко имела доступ к хорошим тканям. Я осмотрела себя. Кажется, у меня в шкафу было еще одно платье из похожей ткани, но я как-то не удосужилась узнать ее название.

– Америка!

Подняв глаза, я увидела, что рядом со мной стоит Селеста. И улыбается.

– Селеста.

– Не уделишь мне минутку? Нужна твоя помощь.

Не дожидаясь ответа, она потащила меня прочь от Крисс и Натали в сторону тяжелого синего занавеса, служившего в студии задним планом.

– Живо снимай платье, – приказала она и принялась расстегивать свое.

– Что?

– Я хочу твое платье. Снимай его. Тьфу ты! Проклятый крючок, – ворчала она, пытаясь выбраться из своей одежды.

– Я не стану ничего снимать, – спокойно сказала я и направилась обратно. Однако не успела я сделать и пары шагов, как Селеста впилась ногтями в мою руку и дернула меня к себе.

– Ай! – вскрикнула я, хватаясь за поврежденное место. Кажется, останутся отметины, но крови, надеюсь, не будет.

– Заткнись. Снимай платье. Сейчас же!

Я не шелохнулась, мое лицо осталось невозмутимым. Селесте рано или поздно придется смириться с тем, что она не центр вселенной.

– Я могла бы снять его с тебя, – предложила она холодно.

– Я не боюсь тебя, Селеста, – сказала я, скрестив на груди руки. – Это платье было сшито для меня, и только я буду его носить. В следующий раз, выбирая одежду, может быть, тебе стоит оставаться собой, а не пытаться стать мной. Хотя нет, постой, ведь тогда Максон увидит, какая ты стерва, и тут же отправит тебя домой, да?

Тут она схватила один из моих рукавов и дернула его с такой силой, что он оторвался. Не сказав больше ни слова, она ушла, а я осталась стоять на месте, задыхаясь от возмущения и совершенно ошеломленная. Я посмотрела вниз и увидела жалкий клочок ткани, повисший возле шва. Я услышала, как Сильвия просит всех занять свои места, и вышла из-за занавеса, напустив на себя побольше уверенности.

Марли заняла мне место рядом с собой. Когда она увидела меня, на ее лице отразилось потрясение.

– Что случилось с твоим платьем? – прошептала она.

– Селеста, – с отвращением пояснила я.

Сидевшие перед нами Эммика и Саманта обернулись.

– Она порвала твое платье? – спросила Эммика.

– Да.

– Подойди к Максону и пожалуйся, – взмолилась она. – Эта девушка просто кошмар какой-то.

– Знаю, – вздохнула я. – Я скажу ему в следующий раз, когда мы увидимся.

– Кто знает, когда это будет? – печально сказала Саманта. – Я думала, мы будем проводить с ним больше времени.

– Америка, подними руку, – велела Марли.

Она ловко спрятала оторванный лоскут в выемку сбоку на платье, а

Эммика заправила выбившиеся нитки, так что платье выглядело как новенькое. А что до царапин, оставленных Селетой - они, по крайней мере, были на моей левой руке, так что камера их не захватит.

До начала оставались считанные мгновения. Гавриил в очередной раз просматривал свои заметки, когда королевская семья, наконец, появилась в студии. Максон был одет в темно-синий костюм с государственным гербом на лацкане. Он, как и всегда, был собран и спокоен.

– Добрый вечер, дамы, – пропел он с улыбкой.

Хор "Величеств" и "Высочеств" обрушился на него в ответ.

– Итак, просто чтобы вы знали, в чем дело. Сейчас я сделаю одно короткое объявление, а затем приглашу к микрофону Гавриила. Это будет славное изменение в программе, ведь обычно он представляет меня! – он усмехнулся, и мы все коротко рассмеялись. – Я знаю, что некоторые из вас, должно быть, немного нервничают. Не стоит. Пожалуйста, просто будьте собой. Люди хотят вас узнать.

Пока он говорил, наши взгляды встретились на короткое мгновение, но мне не хватило этого момента, чтобы прочесть его настрой. Он, казалось, совсем не обратил внимания на платье. Моих горничных это расстроит.

Со словами «Ну, с Богом!» он двинулся к трибуне.

Я чувствовала, что вот-вот произойдет что-то необычное. Я предполагала, что сегодняшнее его объявление было как-то связано с тем, что он сказал нам вчера в столовой, но все же я не представляла, что именно он собирался нам преподнести. Эта его маленькая тайна поглотила мое внимание, и я немного расслабилась. Я совсем перестала нервничать, когда заиграл гимн, и камера сфокусировалась прямо на лице Максона. Я смотрела Отчеты с тех пор, как была ребенком. Максон никогда раньше не обращался вот так ко всей стране. Жаль, я не могла лично пожелать ему удачи.

– Добрый вечер, дамы и господа Иллеи. Я знаю, что сегодняшний вечер - захватывающий для всех нас, поскольку страна, наконец, услышит двадцать пять оставшихся в Отборе девушек. Словами не выразить,

как я счастлив, что вы наконец-то с ними познакомитесь. Уверен, к концу вечера вы все согласитесь со мной в том, что любая из этих удивительных юных леди сможет стать чудесным лидером и великолепной будущей принцессой. Но прежде, чем мы приступим к этой части вечера, я бы хотел представить вам новый проект, который очень много для меня значит. Познакомившись с этими девушками, я услышал много нового о внешне мире, мире, в котором мне самому так редко доводится бывать. Я понял, насколько этот мир прекрасен, но, в то же время, я узнал и о его темнейших сторонах. Разговаривая с этими замечательными особами, я в полной мере осознал, как важно не упускать из виду жизнь миллионов людей, находящихся за дворцовыми стенами. Мне раскрыли глаза на то, какие немыслимые страдания выпадают на долю низших каст, и я всерьез вознамерился исправить эту ситуацию.

Что?

– Понадобится не менее трех месяцев, чтобы как следует отладить эту систему, но уже к Новому году в провинциях появятся общественные столовые. Любой представитель Пятой, Шестой, Седьмой или Восьмой касты сможет прийти туда вечером и совершенно бесплатно получить полноценный питательный ужин. Пожалуйста, примите к сведению, что каждая из сидящих перед вами девушек пожертвовала часть своей компенсации на запуск этой важной для страны программы. И хотя подобные благотворительные пункты не смогут работать вечно, мы позаботимся, чтобы данный проект просуществовал как можно дольше.

Я пыталась сглотнуть душившие меня слезы признательности и благоговения, но несколько соленых капель все же просочились наружу. Я по-прежнему осознавала, что впереди меня еще ждет интервью, и мне стоит поберечь макияж, но я была так благодарна Максону за его слова, что все переживания разом отошли на второй план.

– Сердце подсказывает мне, что достойный правитель не может позволить своему народу голодать. Большинство жителей Иллеи - представители низших каст, и мы слишком долго не обращали на них внимания. Вот почему я принял решение двигаться вперед и призываю всех

вас ко мне присоединиться. Вторые, Третьи, Четвертые… дороги сами себя не прокладывают, ваши дома убираются людьми, достойными хорошей, счастливой жизни. И этот проект - ваш шанс отблагодарить их за проделанную работу. Давайте вместе поборемся за правое дело, пожертвовав немного средств в свои провинциальные бюро услуг.

Он выдержал короткую паузу.

– По праву рождения вы были удостоены чести носить высшие титулы, и теперь пришло время вам с честью действовать. В дальнейшем я буду сообщать о том, как продвигается работа над проектом, а пока что благодарю вас всех за внимание. Давайте же теперь перейдем к той части вечера, ради которой мы сегодня здесь собрались. Дамы и господа, мистер Гавриил Фадай!

Последовали жидкие аплодисменты, показавшие, что не все были в восторге от заявления Максона. Король, к примеру, хлопал без особого энтузиазма, зато Королева сияла от гордости. Советники, казалось, не могли решить, как относиться к задумке принца.

– Большое спасибо, Ваше Высочество, что так чудесно меня представили! – воскликнул Гавриил, взбежав на возвышение. – У вас талант! Если ваша карьера принца не удастся, вы просто обязаны податься в развлекательную сферу.

Максон громко рассмеялся и занял свой трон. Камеры были направлены на Гавриила, но я не могла отвести взгляда от Максона и его родителей. Я не понимала, почему их реакция на объявление сына была такой разной.

– Граждане Иллеи, сегодня мы вас особенно порадуем! В этот вечер каждая из наших юных леди поделится своими первыми впечатлениями о конкурсе. Мы понимаем, что вам до смерти не терпится поскорее познакомиться с ними и разузнать, как продвигаются их дела с принцем Максоном, поэтому прямо сейчас… мы спросим их об этом! Давайте начнем… – Гавриил мельком заглянул в свои карточки. – С мисс Селесты Ньюсом из Клермонта!

Селеста грациозно поднялась со своего места в верхнем ряду и спус-

тилась вниз по ступенькам. Она расцеловала Гавриила в обе щеки, прежде чем сесть напротив него и взять в руки микрофон. Ее интервью было предсказуемым, ровно как и интервью последовавшей за ней Бариэль. Они старались показаться сексуальными, сильно наклоняясь вперед, так чтобы камера получше захватила их декольте. Это выглядело наигранно и фальшиво. Я наблюдала за тем, как они то и дело оборачивались, чтобы подмигнуть Максону. Когда Бариэль в очередной раз попыталась кокетливо облизать губы, мы с Марли переглянулись, с трудом сдерживая смех.

Другие вели себя не так вызывающе. Голосок Тайни вполне соответствовал ее имени, и она, казалось, смущалась все сильнее с каждым вопросом. Но я знала, что она милая девушка, и надеялась, что Максон не выгонит ее только из-за того, что она чувствовала себя неуверенно на публике. Эммика держалась достойно, а в голосе Марли было столько воодушевления и энтузиазма, что взлетел на октаву, пока она говорила.

Гавриил подобрал разные вопросы для каждой, но были два, которые, казалось, так или иначе, всплывали во всех интервью: "Что вы думаете о принце Максоне?" и "Это ты та девушка, которая накричала на него?". Мне не особо улыбалось объявить на всю страну, что я оскорбила будущего короля. Слава Богу, все думали, что это случилось лишь один раз.

Каждая с гордостью заявляла, что не кричала не принца. Все до единой считали Максона милым. Селеста сказала, что он мужественный. Бариэль - что он властный, что, на мой взгляд, прозвучало жутко. Нескольких девушек спросили, не целовались ли они с принцем. Все они заливались румянцем и отвечали, что нет. После третьего или четвертого «нет», Гавриил обернулся к Максону.

– Вы что не поцеловали еще ни одну из них? – изумленно спросил он.

– Они здесь всего две недели! Что я по-твоему за человек? – ответил Максон. Его тон был непринужденным, но мне показалось, что он немного напрягся. Мне стало интересно, целовался ли он с кем-нибудь

до Отбора.

Саманта закончила свое интервью, заверив Гавриила, что чудесно провела время, и он тут же пригасил к микрофону меня. Остальные девушки зааплодировали, когда я встала со своего места. Я взволнованно улыбнулась Марли. Я старалась глядеть под ноги, пока спускалась по ступенькам, но как только я очутилась внизу, мои глаза быстро отыскали Максона, на которого оказалось весьма удобно смотреть из-за плеча Гавриила. Он незаметно подмигнул мне, когда мои дрожащие руки обхватили микрофон. Я тут же почувствовала себя спокойнее. Мне не нужно было пытаться кого-то обыграть.

Я пожала Гавриилу руку и уселась напротив него. Вблизи я смогла, наконец, как следует разглядеть брошку на его лацкане. Камера не могла передать все ее детали, но теперь я видела, что линии и завитки не просто образовывали элегантную *f*. На поперечную линию накладывалась еще и небольшая буква «X», что создавало впечатление, будто бы брошка сияет изнутри, как маленькая звездочка. Это было действительно красиво.

– Америка Сингер. У тебя очень интересное имя. Нет ли за этим какой-нибудь занимательной истории? – спросил Гавриил.

Я вздохнула с облегчением. Простой вопрос.

– Вообще-то есть. Когда мама была мной беременна, я часто пиналась. Она сказала, что у нее в животе настоящий боец, и назвала меня в честь страны, которая так отчаянно боролась за сохранение единства на этой земле. Это немножко странно, но в какой-то степени она оказалась права - мы с ней постоянно спорили, но я никогда не отступала от своего.

Гавриил рассмеялся.

– Она производит впечатление боевой особы.

– Да, она такая. От нее я унаследовала свое упрямство.

– Так значит ты упрямая? Девушка с характером?

Я заметила, как Максон прикрывает рот ладонью, едва сдерживая смех.

– Время от времени.

– А, так, может быть, это ты накричала на нашего принца?

Я вздохнула.

– Да, это была я. И у мой мамы сейчас, наверное, случился сердечный приступ.

– Пусть расскажет всю историю! – весело крикнул Максон. Гавриил только и успевал вертеть головой из одной стороны в другую.

– О! Давайте послушаем! – воскликнул он.

Я попыталась одарить Максона уничижающим взглядом, но вся эта ситуация была настолько глупой, что у меня не особо получилось.

– В первую ночь... у меня случился приступ клаустрофобии, и я очень хотела выбраться на свежий воздух. Стража не выпускала меня. Я чуть сознание не потеряла в руках у одного из стражников. К счастью, принц Максон проходил мимо и велел им открыть двери.

Гавриил в умилении склонил голову на бок.

– А потом он вышел вместе со мной в сад, чтобы убедиться, что я в порядке... Но я была не в себе, так что, когда он попытался со мной заговорить, я, вместо того, чтобы поблагодарить его за участие, принялась обвинять его высокомерии и поверхностности.

Гавриила все это очень позабавило. Я взглянула на Максона - тот прямо-таки трясся от смеха. Но еще более унизительным было то, что король и королева тоже смеялись. Я не стала оборачиваться, чтобы проверить реакцию остальных девушек, но позади меня слышались их отдельные смешки. Что ж, прекрасно. Быть может, теперь они, наконец, перестанут видеть во мне соперницу. Максону просто было интересно проводить со мной время.

– И он простил тебя? – спросил Гавриил, немного успокоившись.

– Что весьма странно, – согласилась я, пожав плечами.

– Ну, раз уж вы с ним все же нашли общий язык, чем вы обычно занимаетесь вместе? – вновь посерьезнел Гавриил.

– Обычно мы просто гуляем по саду. Он знает, что мне там нравится. И мы много разговариваем, – это прозвучало жалко по сравнению с

тем, что рассказывали другие участницы. Поездки в театры, соколиная охота, катание на лошадях - на фоне всего этого моя история казалась совсем не впечатляющей.

Но я вдруг поняла, почему он так спешил встретиться с как можно большим количеством девушек на прошлой неделе. Он попросту должен был предоставить им что-то, о чем они могли бы рассказать Гавриилу. Мне все еще казалось странным, что он ни разу не упомянул при мне об этом, но, по крайней мере, теперь я знала, где он пропадал.

– Что ж, звучит весьма расслабляюще. Хочешь сказать, сад – твоё любимое место во дворце?

Я улыбнулась.

– Да, наверное. Но здесь еще и еда очень изысканная, так что…

Гавриил снова рассмеялся.

– Ты - последняя Пятая, оставшаяся на конкурсе, верно? Как думаешь, это умаляет твои шансы стать принцессой?

– Нет! – это слово сорвалось с моих губ прежде, чем я успела все хорошенько обдумать.

– Ого! Какой настрой! – Гавриил, казалось, был рад получить такой оптимистичный ответ. – Значит, ты думаешь, что к финалу превзойдешь всех остальных? Останешься в конкурсе до самого конца?

Я не собиралась делать ни одного, ни другого.

– Нет-нет. Не в этом дело. Я не считаю себя лучше остальных девушек, они все замечательные. Просто... Не думаю, что Максон сделает свой выбор, основываясь на номере касты.

В студии раздался коллективный вздох. Я еще раз прокрутила фразу у себя в голове. Мне понадобилось с минуту, чтобы осознать свою ошибку: я назвала его *просто Максоном*. Одно дело - называть его так в разговорах с другими девушками, тайком от посторонних, но в прямом эфире, перед всей страной, его имя без приставки «принц» прозвучало, должно быть, очень неформально.

Я взглянула на Максона, чтобы проверить, насколько он был зол. Но на его лице играла спокойная улыбка. Значит, он на меня не злился…

тем не менее, я опозорилась. Я густо покраснела.

– Ах, так ты, кажется, действительно узнала нашего принца за это время! Скажи мне, что ты думаешь о *Максоне*?

Я обдумала несколько вариантов ответа, пока ждала своей очереди. Я собиралась подшутить над его смехом или обсудить, . Казалось, что единственный способ спасти положение - продолжить ломать комедию. Но, когда я подняла глаза, чтобы выдать что-нибудь этакое, я заметила выражение лица Максона.

Ему и правда было интересно.

И я не смогла подшутить над ним, раз уж меня появилась возможность сказать, что я стала думать о нем теперь, когда узнала его. Я не смогла посмеяться над человеком, который заботился о моем разбитом сердце, задаривал мою семью коробками сладостей и, бросив все дела, бежал ко мне, обеспокоенный тем, что со мной что-нибудь случилось, стоило мне лишь попросить его о встрече.

Месяц назад на экране телевизора я увидела безучастного, отстраненного, скучного человека - я и представить себе не могла, что такого возможно полюбить. А он, хоть и не был ни капли похож на парня моей мечты, оказался более чем достоин настоящей и чистой любви.

– Максон Скрив - это воплощение всего самого лучшего, что только может быть в человеке. Он будет удивительным королем. Он позволяет девушкам, которые должны носить платья, носить джинсы, и не злится, если кто-то, кто не слишком хорошо его знает, вдруг недооценивает его, – я многозначительно посмотрела на Гавриила и тот улыбнулся. Сидящий позади него Максон, казалось, был заинтригован. – На ком бы он ни женился, эта девушка будет истиной счастливицей. И что бы ни случилось со мной, для меня большая честь быть объектом его внимания.

Максон сглотнул, и я опустила глаза.

– Спасибо большое. Америка Сингер! – Гавриил пожал мне руку. – А следующая у нас - мисс Таллула Белл.

Я не слышала, что говорили девушки после меня, хоть мой взгляд и

был прикован к заветным двум стульям. Это интервью приобрело куда боле личный характер, чем я планировала. Я не могла заставить себя посмотреть на Максона. Вместо этого я сидела, снова и снова прокручивая сказанное в своей голове.

***

Стук в дверь раздался около десяти. Я распахнула ее, и Максон закатил глаза.

– Знаешь, тебе и правда стоит оставлять на ночь горничную.

– Максон! Мне так жаль. Я не собиралась называть тебя так перед всей страной. Я ужасно сглупила.

– Думаешь, я злюсь на тебя? – спросил он, входя и закрывая за собой дверь. – Америка, ты называешь меня по имени так часто, что, рано или поздно, это должно было вылезти наружу. Мне хотелось бы, чтобы это произошло при несколько других обстоятельствах, – добавил он, хитро улыбнувшись, – но я ничего не имею против.

– Правда?

– Ну конечно, правда.

– Боже! Я чувствовала себя сегодня полной идиоткой Поверить не могу, что ты заставил меня рассказать эту историю! – я шутливо шлепнула его по спине.

– Это была лучшая часть вечера! Мама очень удивилась. В ее время девушки были даже более сдержанными, чем Тайни, и тут ты называешь меня поверхностным... она долго это переваривала.

Прекрасно. Теперь еще и королева считает меня неудачницей.

Мы пересекли комнату и вышли на балкон. Дул легкий, теплый ветерок, принося из сада аромат тысячи цветов. Полная луна освещала нас, и это придавало лицу Максона таинственное свечение.

– Ну, я рада, что ты так позабавился, – сказала я, облокотившись на перила.

Максон легко подскочил, и уселся на перила с другой стороны балкона.

– Ты всегда забавная. Смирись с этим.

Я почти рассмеялась.

– Так... эм-м… о том, что ты сказала... – начал он неуверенно.

– О чем конкретно? Я много чего говорила. Как я постоянно ссорюсь со своей мамой, например, или о том, что во дворце мне больше всего нравится вкусно поесть… – я закатила глаза.

Он прыснул.

– О том, как ты меня расхваливала...

– О. А что об этом? – те несколько предложений вдруг показались мне самыми нелепыми из всего сказанного за вечер. Я опустила глаза и принялась теребить оборку на платье.

– Я ценю, что ты стараешься говорить так правдоподобно, но тебе не обязательно заходить так далеко.

Мое сердце защемило. Как он мог такое подумать?

– Максон, это было не ради шоу. Если бы ты тот же вопрос мне задали месяц назад, мое мнение о тебе было бы совсем другим. Но теперь я знаю тебя, знаю правду о тебе, и все, что я сказала, я сказала искренне. Поверь.

Он помолчал немного, но на его лице заиграла легкая улыбка.

– Спасибо, – наконец сказал он.

– Не за что.

Максон прочистил горло.

– Он тоже будет счастливчиком, – он спрыгнул с перил и подошел ближе ко мне.

– А?

– Твой парень… Когда он, наконец, одумается и упросит тебя принять его обратно, – сказал Максон как ни в чем не бывало.

Я рассмеялась. Нет, такого не будет.

– Он больше не мой парень. Он ясно дал понять, что между нами все кончено, – даже я расслышала нотки надежды, просочившиеся в мой голос.

– Не может быть. Сейчас он увидел тебя по телевизору, и его чувст-

ва воспылали вновь. Хотя, я все еще думаю, что ты слишком хороша для этого подонка, – Максон говорил об этом почти скучающе; будто он видел, как что-то подобное происходило уже миллион раз.

– Кстати об этом! – продолжил он чуть громче. – Если ты не хочешь, чтобы я в тебя влюбился, перестань так хорошо выглядеть. Первым делом завтра попрошу твоих горничных сшить для тебя платье из картофельных мешков.

Я хлопнула его по руке.

– Заткнись, Максон.

– Я не шучу. Ты слишком красива. Когда отправишься домой, нам придется приставить к тебе несколько охранников. А то еще украдет кто-нибудь, – сказал он с притворной жалостью.

Я вздохнула.

– Что ж поделать, если я родилась совершенством? – я нахмурилась, будто моя красота меня жутко утомляла.

– Да, не думаю, что ты можешь что-то с этим поделать.

Я хихикнула. Я слишком поздно поняла, что Максон, оказывается, не шутил.

Мой взгляд был направлен в сад, но краем глаза я заметила, что Максон смотрел на меня. Его лицо было совсем близко. Когда я повернулась, чтобы спросить, почему он так смотрит, я вдруг осознала, что он стоит достаточно близко, чтобы поцеловать меня.

И я была крайне удивлена, когда он это сделал.

Я отступила на шаг, разрывая поцелуй. Максон тоже подался назад.

– Прости, – пробормотал он, краснея.

– Что ты делаешь? – пораженно прошептала я.

– Прости, – он отвернулся, явно смутившись.

– Зачем ты это сделал? – я коснулась своих губ кончиками пальцев.

– Просто... твои слова сегодня… и ты искала меня вчера… то, как ты вела себя в последнее время... Я подумал, быть может, твои чувства изменились. И ты мне нравишься. Думал, ты заметишь, – он повернулся ко мне лицом. – И... О, это было ужасно, да? Кажется, тебе совсем не

понравилось.

Я попыталась стереть любые эмоции со своего лица. Максон , казалось, готов был сквозь землю провалиться.

– Мне очень жаль. Я прежде никого не целовал. Понятия не имею, что делаю. Я только… Прости, Америка, – он тяжело вздохнул и оперся на перила, пробежав рукой по волосам.

Неожиданно, меня переполнило тепло.

Он хотел, чтобы его первый поцелуй случился со мной.

Я подумала о Максоне, как о человеке, которого я теперь знала - о человеке, рассыпающемся комплиментами при каждом удобном случае, готовом отдать мне победу в споре, который я проиграла, простившем меня после того, как я причинила ему боль - эмоциональную и физическую. И я вдруг поняла, что была совершенно не против такого расклада.

Да, у меня до сих пор остались чувства к Аспену. Я не могла с этим ничего поделать. Но раз уж я не могла быть с ним, что удерживало меня от отношений с Максоном? Ничего, кроме моих предубеждений, которые совершенно не оправдались.

Я подступила к нему и провела рукой по его лбу.

– Что ты делаешь?

– Стираю воспоминания. Думаю, мы способны на большее.

Я отвела руку и втиснулась в пространство между ним и перилами, становясь лицом к своей комнате. Максон не шелохнулся. На его лице появилась печальная улыбка.

– Америка, не думаю, что ты можешь изменить прошлое, – и все же в его глазах мелькнула надежда.

– Вместе мы можем. Кроме того, никто ведь больше об этом не узнает.

Максон посмотрел на меня пристально, словно бы удостоверяясь, что я и правда была не против. Медленно уверенность просочилась в его черты. Но он все еще ждал чего-то. Мне понадобилось мгновение, чтобы вспомнить, что именно я тогда говорила.

– Что же поделать, если я родилась совершенством? – прошептала я.

Максон подошел совсем близко и притянул меня к себе за талию, еще больше сокращая расстояние между нами. Он дотронулся кончиком своего носа до кончика моего и погладил меня по щеке так нежно, будто боялся, что я рассыплюсь на мелкие кусочки.

– Не думаю, что с этим можно что-то поделать, – выдохнул он.

Он приподнял мое лицо навстречу своему и накрыл мои губы легким как шепот поцелуем. Эта его нежная неуверенность заставила меня почувствовать себя по-настоящему красивой. Без единого слова я понимала, каким захватывающим и в то же время волнительным был для него этот момент. И совершенно внезапно я поняла, как сильно он мной очарован. Вот, оказывается, каково это было - чувствовать себя настоящей леди.

– Лучше на этот раз? – спросил он, отстранившись через мгновение. Я смогла лишь кивнуть.

Максон, казалось, вот-вот откажется от всего этого. У меня было похожее чувство. Все поизошло так неожиданно. Слишком быстро, слишком странно. Замешательство, должно быть, отразилось на моем лице, потому что Максон вдруг посерьезнел.

– Можно мне кое-что сказать?

Я снова кивнула.

– Я не настолько глуп, чтобы думать, будто ты забыла своего бывшего. Я видел, через что тебе пришлось пройти, и понимаю, что ты здесь не при обычных обстоятельствах. Я знаю, ты считаешь, что здесь есть девушки, которые лучше подходят для меня и этой жизни, и я не хочу торопить тебя или принуждать ко всему этому. Я только... Я лишь хочу знать, возможно ли что-нибудь между нами…

Это был сложный вопрос. Соглашусь ли я прожить жизнь, о которой месяц назад даже слышать не желала? Буду ли я готова наблюдать за его попытками поддержать отношения с остальными, чтобы убедиться бесповоротности своего выбора? Захочу ли я разделить с ним его обя-

занности перед страной? Смогу ли я полюбить его?

– Да, Максон, – прошептала я. – Возможно.

# 19 ГЛАВА

Я решила никому не рассказывать о том, что произошло между мной и Максоном, даже Марли и горничным. Тот вечер стал этаким чудесным секретом, к мыслям о котором я могла вновь и вновь возвращаться во время скучных уроков Сильвии или томительных дней в Женской Комнате. По правде говоря, я думала о наших поцелуях - неловких, но в тоже время приятных - даже чаще, чем хотелось бы.

Я понимала, что не смогу влюбиться в Максона в одночасье. Понимала, что мое сердце мне этого не позволит. Но неожиданно для себя я вдруг осознала, что, возможно, именно таких отношений мне и хотелось в этот момент. Так что я тайком обдумывала подвернувшуюся возможность, хоть порой мне и хотелось все разболтать окружающим.

Особенно три дня спустя, когда Натали объявила полупустой Женской Комнате, что Максон ее поцеловал.

Я и подумать не могла, что это заставит меня почувствовать такой сильный укол в сердце. Я неосознанно начала поглядывать на Натали и гадать, что в ней могло быть такого особенного.

– Расскажи нам всё! – настаивала Марли.

Многим девушкам тоже было любопытно, но Марли особенно выделялась на их фоне. За то короткое время, что прошло с момента их последнего свидания с Максоном, ее интерес к тому, как обстоят дела с

принцем у остальных Отобранных, казалось, порядком возрос. Я не знала, что именно послужило тому причиной, но не была достаточно смелой, чтобы спросить.

Натали не пришлось долго упрашивать. Она плюхнулась на один из диванов и расправила платье. Она сильно напрягла спину, что казалось особенно неестественным, по сравнению с её всегда спокойным видом, и сложила руки на коленях. Это выглядело так, словно она уже пыталась вести себя, как принцесса. Меня так и подмывало сказать ей, что один поцелуй ещё не значил, что она выиграла.

– Не стану вдаваться в подробности, но это было довольно романтично, – ее щеки вспыхнули, и она опустила голову. – Он отвёл меня на крышу. Там есть такое место похожее на балкон, где обычно стоит стража. Не знаю, как это называется. Оттуда видно все, что находится по ту сторону стены - целый город, сверкающий огнями. Он ничего особо не говорил. Просто притянул меня к себе и поцеловал, – она даже задрожала от удовольствия.

Марли вздохнула. Селеста выглядела так, словно ей хотелось что-нибудь разгромить. Я просто молча сидела рядом.

Я твердила себе, что не стоит так беспокоиться, ведь это было лишь частью Отбора. Да и кто сказал, что я вообще захочу остаться с Максоном? Честно признаться, я только выиграла в сложившейся ситуации. У Селесты появился новый объект для травли, а после инцидента с моим платьем – о котором, к слову, я забыла рассказать Максону – я была только рада, что она переключилась на кого-то другого.

– Думаешь, Максон целовал только ее? – прошептала мне на ухо Тьюсди. Крисс, стоявшая рядом со мной, услышала и вклинилась в разговор.

– Не может же он целовать всех подряд. Должно быть, она сумела чем-то ему понравиться.

– Что, если он уже целовался с половиной из присутствующих здесь, а остальные девушки просто умалчивают об этом? Может, это часть их стратегии? – предположила Тьюсди.

– Не думаю, что те, кто умолчал, сделали это из стратегических соображений, – возразила я. – Быть может, они просто считают это личным.

Крисс ахнула.

– А что если все, что Натали нам рассказывает, - лишь часть игры, которую она ведет? Она только что заставила всех в комнате начать беспокоиться, и ведь никто из нас не сможет спросить у Максона, действительно ли он ее поцеловал. Мы не сможем подловить ее на лжи.

– Думаешь, она на такое способна? – спросила я.

– Очень на это надеюсь, – ответила Тьюсди.

Крисс вздохнула.

– Всё гораздо сложнее, чем я думала.

– Расскажи кому другому, – пробормотала я.

– Я ничего не имею против других девушек в этой комнате, но когда я слышу, что у Максона с ними что-то было, у меня тут же возникает желание стать лучше них, – призналась она. – Мне не нравится чувствовать себя чьей-то конкуренткой.

– Я то же самое сказала на днях Тайни, – подхватила Тьюсди. – Она ведь такая робкая с одной стороны, но и очень женственная в то же время, и мне кажется, что из нее вышла бы отличная принцесса. Но я просто не могу обижаться на нее за то, что она чаще видится с Максоном, даже если и хочу, чтобы корона досталась мне.

Крисс и я на секунду обменялись взглядами, и мне показалось, что мы обе подумали об одном и том же. Она сказала *корону*, а не *его.* Но я опустила этот момент, потому что все остальное из ее речи было мне поразительно знакомо.

– Мы с Марли постоянно говорим об этом. И о том, как в каждой из нас есть что-то хорошее.

Мы все переглянулись и атмосфера в комнате изменилась. Моя ревность по отношению к Натали внезапно улетучилась, и неприязнь к Селесте тоже. Все мы оказались здесь по разным причинам и каждая проходила через это по-своему. Но, так или иначе, мы делали это вместе.

– Быть может, королева Эмберли была права, – сказала я. – И нужно просто оставаться собой. Как по мне, так лучше уж пусть Максон отошлет меня домой, за то, что я сама не угодила ему, а не какая-то другая девушка, которой я постаралась притвориться.

– Именно, – поддержала меня Крисс. – В конце концов, почти все мы покинем дворец. И если я останусь последней, то мне хотелось бы ощущать ваши поддержку и одобрение. Думаю, каждой из нас хотелось бы. Поэтому давайте попробуем радоваться успехам других.

Я кивнула, понимая, что она права. И я была уверена, что смогу пойти на это.

Однако в тот самый момент в комнату ворвалась Элис в сопровождении Зои и Эммики. Обычно она держалась очень спокойно и уравновешенно, и никогда не повышала голос. Но сегодня она буквально визжала от восторга.

– Только взгляните на них! – воскликнула она, показывая нам два изысканных гребня для волос, усыпанных драгоценными камнями. – Максон подарил. Разве они не прекрасны?

Из-за этого на комнату обрушился новый шквал восторгов и возмущений, и моя новообретенная уверенность вмиг испарилась.

Я попыталась особо не расстраиваться. В конце концов, разве я не получала подарков? Разве Максон не целовал меня? Но по мере того, как в комнате появлялись новые девушки, и истории раз за разом пересказывались все воодушевленнее, мне захотелось куда-нибудь сбежать. Наверное, остаток дня мне было бы лучше провести в компании своих горничных.

Когда я уже твердо решила покинуть комнату, вошла Сильвия, немного потрепанная, но в то же время и приятно взволнованная.

– Дамы! – попыталась она привлечь наше внимание. – Все здесь?

Мы дружно отозвались.

– Слава богу, – сказала она чуть боле спокойно. – Я знаю, что сообщаю об этом буквально в последний момент, но мы и сами только узнали, что король и королева Швендвея будут во дворце уже через три

дня. Если помните, у них достаточно близкие отношения с нашей королевской семьей. Кроме того, в это же самое время приедут родственники королевы Эмберли, чтобы со всеми вами познакомиться. Так что совсем скоро наш дом будет полон гостей. У нас очень мало времени на подготовку, так что отложите все свои послеобеденные дела. Мы проведем урок в Большом Зале сразу после ленча.

***

Казалось, дворцовые служащие готовились к этому событию месяцами. В саду расположились огромные шатры и фуршетные столы с вином и закусками. Стражников вокруг было больше, чем обычно, и к ним присоединились также швендвейские солдаты, прибывшие вместе со своими правителями. Видимо, даже им было известно, какому риску обычно подвернут дворец.

В особом шатре были установлены троны для Максона и его родителей, а также для короля и королевы Швендвея. Швендвейская королева, чье имя я не смогла бы произнести даже под дулом пистолета, была почти так же красива, как королева Эмберли, и они, казалось, были очень близкими подругами. Обе семьи, за исключением Максона расположились в своем уютном шатре, а он бродил по саду, то и дело останавливаясь, чтобы пообщаться с девушками или своими приезжими родственниками.

Казалось, он был взволнован встречей с кузенами, даже самыми маленькими, которые постоянно дергали его за пиджак, а потом убегали. У него с собой был один из его многочисленных фотоаппаратов, и он гонялся за детишками, беспрестанно их щелкая. Почти все Отобранные восторженно наблюдали за этой картиной.

– Америка, – позвал меня кто-то. Я обернулась и увидела Элаяну и Лию, которые стояли рядом с женщиной, безумно похожей на королеву Эмберли. – Иди познакомься с сестрой королевы.

В тоне Элаяны было что-то неопределенное, что это заставило меня

насторожиться, прежде чем присоединиться к ним.

Я подошла и присела в реверансе перед усмехающейся дамой.

– Брось, милая. Я ведь не королева. Меня зовут Адель, я старшая сестра Эмберли, – сказала она, а затем, икнув, протянула мне ладонь для рукопожатия.

Женщина говорила с легким акцентом, и от нее волнами исходило спокойствие и умиротворение, какое чувствуешь, когда возвращаешься домой после долгой разлуки с близкими. Природа наградила ее пышными формами. Она держала полупустой бокал вина, который, судя по ее тяжелому взгляду, был далеко не первым за сегодняшний день.

– Откуда Вы? Мне нравится Ваш акцент, – сказала я. Некоторые Отобранные из южных провинций говорили похоже, и такое произношение казалось мне очень романтичным.

– Хондурагуа. Это прямо на побережье. Мы росли в крохотном домишке, – она сузила пальцы перед нашими глазами. – А теперь взгляни на неё. И на меня, – добавила она, демонстрируя собственное платье. – Все в этой жизни меняется.

– Я живу в Каролине, но родители однажды возили меня на побережье. Я просто влюбилась в океан, – ответила я.

– О, нет-нет-нет, детка, – она взмахнула рукой. Элаяна и Лия, казалось, едва сдерживали смех. Они явно не ожидали, что сестра королевы окажется такой фамильярной. – Пляжи в средней полосе – просто свалки по сравнению с теми, что у нас, на юге. Ты обязательно должна как-нибудь приехать.

Я улыбнулась и кивнула, подумывая о том, что мне и правда хотелось бы поездить по стране и посмотреть другие провинции. Жаль, что этого, скорее всего, никогда не случится. Вскоре подбежал один из сынишек Адель и утянул ее прочь. Лия и Элаяна тут же расхохотались.

– Правда, она просто умора? – спросила Лия.

– Не знаю. Мне она показалась дружелюбной, – ответила я, пожав плечами.

– Она вульгарная, – возразила Элаяна. – Ты бы слышала все, что

она сказала до того, как ты подошла.

– Что в ней такого плохого?

– Можно подумать, что уроки этикета прошли для нее даром. И как только Сильвия смогла упустить такое из виду? – фыркнула Лия.

– Не забывай, что она выросла в семье Четвёртых. Как и ты, между прочим, – огрызнулась я.

Самодовольное выражение сползло с ее лица, как только она вспомнила, что они с Адель не так уж и далеко ушли друг от друга. Элаяна, однако, была урожденной Третьей, и без зазрения совести продолжила возмущаться:

– Будьте уверены, если я выиграю, мою семью тут же отправят учиться манерам. А если с них не будет толку - депортируют. Я никому из них не позволю так меня позорить.

– А что такого позорного она сделала? – спросила я.

– Она пьяна, – прошипела Элаяна. – Король и королева Швендвея здесь! А ей в таком состоянии место разве что в клетке с дикими животными.

Я решила, что с меня хватит, и отошла в сторонку, чтобы выпить немножко вина. Наполнив бокал, я оглянулась и не нашла ни единого места, куда мне захотелось бы подойти. Вокруг было очень красиво и здорово, но все это быстро надоедало.

Я задумалась над словами Элаяны. Ждала бы я от своей семьи серьезных перемен, если бы выиграла? Я взглянула на бегающих по саду ребятишек, на людей, встретивших своих старых знакомых и весело с ними болтающих. Разве я не захотела бы, чтобы Кенна осталась собой, чтобы ее дети наслаждались роскошной жизнью и вели себя так, как им вздумается?

Насколько жизнь во дворце изменила бы меня саму?

И захотел бы Максон, чтобы я изменилась? Не поэтому ли он целовался с другими девушками? Может, он нашел в них что-то, чего нет во мне?

– Улыбочку.

Я обернулась, и Максон ослепил меня фотовспышкой. От неожиданности я подпрыгнула. Этот внезапный снимок стал последней каплей в чаше моего терпения, и я раздраженно отвернулась.

– Что-то случилось? – спросил Максон, опуская камеру.

Я пожала плечами.

– Америка, что происходит?

– Просто сегодня мне как-то не хочется быть частью Отбора, – резко ответила я.

Максона это не остановило, и он подошел чуть ближе.

– Хочешь поговорить? Могу прямо сейчас потеребить ухо, – понизив голос, предложил он.

Я вздохнула и натянула вежливую улыбку.

– Нет, мне просто нужно подумать.

Я двинулась, чтобы уйти.

– Америка, – тихо окликнул он. Я остановилась и обернулась. – Я что-то сделал не так?

Я задумалась. Стоило ли спросить его о поцелуе с Натали? Стоило ли сказать ему, как неловко я чувствовала себя среди остальных девушек теперь, когда между нами все изменилось? Стоило ли признаться, что я не хотела меняться ради того, чтобы остаться в Отборе? Я уже готова была выплеснуть на него все, что накопилось в моей душе за последние дни, но тут позади нас раздался пронзительный голос:

– Принц Максон?

Мы обернулись и увидели Селесту, разговаривающую неподалеку с королевой Швендвея. Она помахала рукой, желая, похоже, чтобы Максон к ним присоединился.

– Чего же ты ждешь? Давай, беги к ней, – проворчала я, не в состоянии больше сдерживать свое раздражение.

Максон пристально на меня посмотрел. В его лице явно читалось напоминание о том, что у него есть определенные обязанности. Он не мог все свое внимание уделять мне.

– Будь с этой поосторожнее, – сказала я напоследок и, быстро при-

сев в реверансе, направилась в сторону дворца.

По пути я заметила Марли, сидевшую на скамейке у дальней дворцовой стены. Сейчас мне не хотелось находиться рядом даже с ней, но она была совсем одна на голом солнцепеке - лишь молчаливый стражник, чей пост находился всего в паре метров от скамьи, составлял ей компанию.

– Марли, что ты делаешь? – воскликнула я. – Бегом в палатку, пока лицо себе не спалила.

Она вежливо улыбнулась.

– Мне и здесь хорошо.

– Нет, серьезно, – я потянула ее за руку. – Ты будешь такого же цвета, как мои волосы. Лучше…

Марли вывернулась из моей хватки, но когда заговорила, ее тон был мягок.

– Я останусь, Америка. Мне тут нравится, – выражение ее лица было наряженным, хоть она и пыталась это скрыть. Я знала, что дело не во мне, но все же что-то ее тревожило.

– Хорошо. Только недолго, ладно? Найди место в теньке, а то и правда обгоришь, – сказала я и ушла.

Оказавшись во дворце, я решила податься в Женскую Комнату. Мне нельзя было исчезать из сада надолго, а там в этот момент почти наверняка никого не было. Это был мой шанс остаться наедине с собой. Однако, войдя внутрь, я обнаружила в комнате Адель. Она сидела у окна и наблюдала за происходящим на улице, но обернулась и слабо улыбнулась, заметив меня.

Я подошла и присела рядом.

– Прячетесь?

Ее улыбка стала чуточку шире.

– Вроде того. Я, конечно, хотела познакомиться со всеми вами и снова увидеть сестру, но я терпеть не могу, когда эти встречи приобретают политическую нотку. Это напрягает.

– Я и сама не особо люблю подобные мероприятия. Не представляю,

как можно заниматься этим всю свою жизнь.

– Еще бы, – лениво протянула она. – Ты ведь Пятая, верно?

В ее тоне не было ни капли пренебрежения. Она спросила это так, словно просто интересовалась, из ее ли я круга.

– Да, верно.

– Я запомнила тебя. Ты была милой с людьми в аэропорте. Она поступила бы так же.

Адель кивнула в окно в сторону королевы, и, вздохнув, добавила:

– Не понимаю, как ей это удаётся. Порой мне кажется, что она сильнее всех, кого я знаю, – она отхлебнула из своего бокала.

– Она выглядит сильной и в то же время женственной, – заметила я.

Адель усмехнулась.

– Да, но за этим кроется нечто большее. Взгляни на нее.

Я посмотрела на королеву и заметила, что ее взгляд был направлен через всю лужайку - на Максона и Селесту, которые вели увлеченную беседу с королевой Швендвея. Двоюродный братишка Максона в это время повис у него на ноге.

– Он был бы прекрасным братом, – сказала Адель. – У Эмберли было три выкидыша. Два до него, один - после. Она все еще не может перестать думать об этом, так она говорит. А у меня шестеро детей. Я чувствую себя виноватой каждый раз, как приезжаю сюда.

– О, уверена, Вам не стоит так переживать. Думаю, она всегда рада Вас видеть, – заверила я её.

Она пристально на меня посмотрела.

– Знаешь, что делает её счастливой? Знаешь ведь. Как думаешь, что она видит в каждой из вас? Дочь. Она знает, что, когда все это закончится, у нее будет два ребёнка.

Я снова взглянула на королеву.

– Думаете? Она кажется отстраненной. Я еще даже ни разу не разговаривала с ней.

Адель кивнула.

– Погоди. Она боится привязываться к вам, потому что большинство

вскоре уедет. Вот останется вас поменьше - увидишь.

Я перевела взгляд с королевы на Максона, потом на короля и снова на Адель.

В моей голове вертелось столько мыслей. О том, что семья остается семьей, к какой бы касте ее члены ни принадлежали. О том, что каждая мать всегда будет заботиться о своих детях. О том, что у каждого человека найдутся причины, чтобы время от времени скрывать свое лицо под маской храбрости. О том, что на самом деле я не испытывала ненависти к другим участницам Отбора, пусть порой они и бывали неправы. И, наконец, о том, что Максон мне кое-что пообещал.

– Извините, мне нужно кое с кем поговорить.

Она глотнула вина и беззаботно отмахнулась. Я выбежала из комнаты и вернулась в залитый солнечным светом сад. Я огляделась и тут же заметила Максона, играющего со своим маленьким кузеном в салки вокруг ровно подстриженного куста. Я улыбнулась и неспешно двинулась к ним.

Наконец Максон остановился и поднял руки вверх, признавая поражение. Он рассмеялся, и когда обернулся, услышав, должно быть, мои шаги, на его лице все еще играла широкая улыбка. Однако стоило лишь нашим взглядам встретиться - и улыбки как не бывало. Он внимательно смотрел на меня, изучая мое лицо, пытаясь угадать мое настроение.

Я закусила губу и опустила глаза. Было ясно, что впереди меня ждало еще много переживаний и волнений, как и любую другую участницу Отбора. И возможно мне предстояло столкнуться с чувствами, к которым я до сих пор не была готова. Но именно поэтому мне необходимо было научиться не вымещать свое раздражение на окружающих людях - особенно на Максоне.

Я вспомнила о королеве: важные гости, толпа родственников и множество незнакомых девушек одновременно свалились на ее хрупкие плечи. Она стояла во главе всех дворцовых приемов и занималась важными государственными делами. Она помогала мужу, сыну, стране. И при всем этом она, урожденная Четвертая с собственными страхами и

проблемами, никогда не позволяла своей бывшей касте или свалившимся на нее бедам выбить ее из колеи.

Я взглянула из-под ресниц на Максона и улыбнулась. Он медленно улыбнулся в ответ и что-то прошептал мальчугану, который тут же сорвался с места и убежал. Максон проводил его взглядом, а затем посмотрел на меня и потеребил свое ухо. И я сделала то же самое.

# 20 ГЛАВА

Семья королевы осталась на несколько дней, а гости из Швендвея – на целую неделю. На очередном Отчете часть вечера была посвящена обсуждению с ними международных отношений и нового мирного соглашения.

После их отъезда в атмосфере забрезжило что-то новое - умиротворение. С момента нашего прибытия во дворец прошел вот уже месяц, и я чувствовала себя как дома. Я наконец-то привыкла к новому климату, и душный столичный воздух больше не беспокоил меня. Сентябрь подходил к концу, и по вечерам становилось прохладнее, однако до настоящей осени, какая уже наступила в Каролине, все еще было очень далеко. Огромные пространства больше не казались чем-то таинственным. Стук каблуков о мраморный пол, звон хрустальных бокалов, смена караула за окном – все это стало таким же привычным, как звуки захлопывающейся двери холодильника или футбольного мяча Джерада, отскакивающего от стены.

Обеды с королевской семьей и вечера в Женской Комнате стали обычным делом, но все же каждый мой день был полон сюрпризов. Я стала больше времени уделять музыке. Дворцовые инструменты оказались гораздо лучше тех, что были у меня дома. А к хорошему, как известно, быстро привыкаешь. В Женской Комнате стало чуточку ожив-

леннее после того, как туда пару раз заглянула королева. Она по-прежнему ни с кем не разговаривала, но подолгу сидела в уютном кресле в окружении своих горничных и наблюдала за тем, как мы читаем и общаемся между собой.

В целом, вражда улеглась. Мы постепенно привыкали друг к другу. И мы, наконец, узнали, чьи фотографии в журнале получили больше всего голосов. Представьте мое удивление, когда я узнала, что стала одной из фавориток. Марли заняла безоговорочное первое место, а следом за ней расположились Крисс, Таллула и Бариэль. Селеста, услышав об этом, несколько дней не разговаривала с Бариэль, но вскоре все встало на свои места.

Но напряжение по-прежнему витало в воздухе, стоило лишь крохотным крупицам информации стать достоянием общественности. Те, кто чаще бывал на свиданиях с Максоном, не могли не обронить словечка о том, как все прошло в очередной раз. И судя по тому, что было слышно, складывалось впечатление, будто Максон выберет себе шесть или семь жен, никак не меньше.

Марли в последнее время тоже частенько бывала с Мксоном наедине, что вызвало панику среди остальных девушек. Однако она ни разу не вернулась такой же довольной, как после своего первого свидания с принцем.

– Америка, поклянись, что никто не узнает о том, что я сейчас скажу, – начала она во время одной из наших прогулок по саду. Я тут же поняла, что дело серьезное. Неспроста она увела меня подальше от любопытных ушей Женской Комнаты и вездесущих глаз стражи.

– Конечно, Марли. С тобой все в порядке?

– Да, все хорошо. Просто… мне нужно с тобой кое о чем посоветоваться, – осторожно сказала она.

– Что случилось?

Она закусила губу и посмотрела мне в глаза.

– Максон… Не уверена, что у нас с ним что-то получится, – она опустила взгляд.

– С чего ты взяла? – обеспокоенно спросила я, немного ускорив шаг.

– Ну, во-первых… Я ничего не чувствую, понимаешь? Никакой искры, никакой связи.

– Максон просто чуточку робкий, вот и все. Дай ему время, – это была правда. Мне было странно, что она не заметила этого в нем.

– Нет, я другое имею в виду… Не думаю, что *он* мне нравится.

– Оу, – а вот это уже совсем другое дело. – Ты пыталась?

Глупый вопрос.

– Да! Конечно же! Я все ждала момента, когда он скажет или сделает что-нибудь особенное, и я почувствую, что между нами есть что-то общее, но этого так и не произошло. Нет, я, конечно, нахожу его привлекательным, но этого недостаточно, чтобы построить серьезные отношения. То есть… Я даже не знаю, нравлюсь ли ему. Ты не в курсе, что ему… ну, нравится?

Я задумалась.

– Нет, вообще-то. Мы никогда не обсуждали, каких девушек он предпочитает… в физическом пане.

– В этом все и дело! Мы вообще никогда не разговариваем. Вы только и делаете, что болтаете часами напролет, а у нас разговоры не клеятся. Мы большинство наших свиданий проводим молча, смотря кино или играя в карты.

С каждой минутой она казалась все обеспокоеннее.

– Порой мы тоже проводим время в тишине. Просто сидим и молчим. Кроме того, такие чувства, как любовь, не приходят за ночь. Может, вам двоим нужно просто набраться терпения? – я старалась, чтобы мои слова звучали обнадеживающе: Марли выглядела так, словно вот-вот расплачется.

– Если честно, Америка, мне кажется, я все еще здесь только потому, что люди меня любят. Их мнение важно для него.

Подобная мысль до сих пор ни разу не приходила мне в голову, но теперь, когда Марли произнесла это вслух, мне и правда показался возможным такой расклад. Раньше я бы не стала особенно учитывать их

мнение, но Максон любит свой народ. Они, сами того не представляя, сыграют очень значимую роль в выборе следующей принцессы.

– И вообще, – прошептала она, – между нами все так… пусто.

Из ее глаз брызнули слезы.

Я вздохнула и обняла ее. По правде говоря, я бы очень хотела, чтобы она осталась здесь, со мной, но если она действительно не любит Максона…

– Марли, если ты не хочешь быть с Максоном, думаю, тебе лучше сказать ему об этом.

– О нет… Не думаю, что смогу.

– Ты должна. Он не захочет жениться на девушке, которая совсем его не любит. Если у тебя нет чувств к нему, будет правильнее, если он узнает.

Она покачала головой.

– Я не смогу просто взять и попроситься домой! Мне нужно остаться. Я не могу уехать… не сейчас.

– Почему, Марли? Что тебя здесь держит?

На мгновение я задумалась, велики ли шансы, что мы с Марли храним общий темный секрет. Быть может, у нее дома тоже был кто-то, от кого ей хотелось держаться подальше. Единственное, что в таком случае различало бы нас - Максон знал о моей ситуации. Как же мне хотелось, чтобы она призналась! Чтобы я поняла, что не я одна попала сюда при совершенно нелепых обстоятельствах.

Но слезы Марли высохли почти моментально. Она несколько раз глубоко вдохнула и, оправившись, повернулась ко мне лицом, демонстрируя теплую ободряющую улыбку.

– Знаешь что? Ты права, – она отступила на пару шагов. – Уверена, если я подожду еще немного, все получится. Мне пора бежать. Тайни ждет.

Марли чуть ли не бегом направилась в сторону дворца. Да что, черт возьми, с ней такое?

Весь следующий день Марли избегала меня. И день после - тоже. В

Женской Комнате я специально держалась от нее на приличном расстоянии, но всегда здоровалась, если мы вдруг сталкивались в коридорах. Я хотела, чтобы она осознала, что может мне доверять; я бы не стала принуждать ее к разговору.

Прошло четыре дня, прежде чем она мне грустно мне улыбнулась. В ответ я лишь кивнула. Видимо только по этой улыбке мне и придется догадываться, что творилось у нее на душе.

В тот же день, пока я была в Женской Комнате, Максон прислал за мной горничную. Вся в предвкушении, я выбежала сквозь двери в коридор и тут же очутилась в его объятьях.

– Максон! – выдохнула я, бросаясь ему на шею. Когда я отступила, ему, казалось, было немножко неловко, и я понимала почему.

В тот день, когда мы покинули Швендвейский прием и отправились во дворец, чтобы поговорить, мне было трудно справиться со своими чувствами. И я попросила его не целовать меня больше, пока я не свыкнусь со своим новым статусом. Кажется, это его немного задело, но он согласился и пока что сдерживал свое обещание. Трудно было понять, что именно я испытывала по отношению к нему, когда он вел себя как мой парень, на самом деле им не являясь.

После того как Камиллу, Микаэлу и Лайлу отправили домой, в Отборе осталось двадцать две девушки. Камилла и Лайла попросту не представляли из себя ничего особенного, так что их уход прошел почти незаметно. А Микаэла так соскучилась по дому, что расплакалась прямо во время очередного завтрака. Максон вывел ее из столовой, всю дорогу похлопывая девушку по плечу. Казалось, он ни капли не жалел об их отъезде, и был рад сосредоточить свое внимание на других кандидатках, в том числе и на мне. Но мы оба с ним прекрасно понимали, что с его стороны было бы глупо полностью посвящать себя мне, когда я сама еще не была до конца уверена в своих чувствах.

– Как ты? – спросил он, чуть отступив.

– Чудесно. Что ты тут делаешь? Разве тебе не нужно работать?

– Председатель Комитета Инфраструктуры неважно себя чувствует,

так что совещание отложили. Так что весь оставшийся день я свободен как птица, – в его глазах блеснул огонек. – Чем хочешь заняться? – спросил он, предлагая мне руку.

– Чем угодно! Я еще столько всего здесь не видела. Во дворце ведь есть лошади? И кинозал! Ты меня так туда и не сводил.

– Значит, идем сейчас! Мне как раз не помешает расслабиться. Какие фильмы ты любишь? – поинтересовался он, уводя меня по коридору в сторону лестницы, ведущей в подвал.

– Если честно, без понятия. Я не очень-то много их видела. Но мне нравятся романтические истории. И я бы не отказалась от комедии!

– Романтические, говоришь? – он поднял брови, словно бы в его голове в этот момент промелькнула парочка не слишком пристойных мыслей. Я рассмеялась.

Мы завернули за угол, продолжая беседу. Дворцовые стражи расступилась в стороны и отдали честь, стоило нам к ним приблизиться. Их было более десятка. Но теперь, когда я к ним привыкла, даже такое большое их количество не могло отвлечь меня от веселого разговора с Максоном.

Меня отвлекло другое.

По коридору пронесся чей-то вздох. Мы с Максоном обернулись.

Это был Аспен.

Я ахнула.

Несколько недель назад я слышала, как какой-то дворцовый служащий мимоходом упомянул осенний призыв. Я тут же вспомнила об Аспене. Но поскольку в тот момент я опаздывала на один из многочисленных уроков Сильвии, как следует поразмыслить над этим у меня не получилось.

Значит, его все же забрали в армию. Но ведь его могли распределить куда угодно…

– Америка, ты знаешь этого молодого человека? – Максон вывел меня из ступора своим вопросом.

Прошло вот уже больше месяца с тех пор, как мы с Аспеном виде-

лись в последний раз, но я узнала бы его из тысячи - я так отчетливо помнила его лицо, что он по-прежнему являлся ко мне во снах. Он стал немного шире за это время, словно его наконец-то как следует откормили и он целыми днями только и делал, что тренировался. Его спутанные волосы были почти полностью сострижены и теперь едва покрывали оголенный череп. Я привыкла видеть его в старой поношенной одежде, на которой живого места порой не было от заплаток, а теперь он красовался в новой, идеально подогнанной форме дворцовых стражей.

Он казался мне таким чужим и в то же время таким знакомым. В нем столько всего изменилось. Но эти глаза… это были глаза Аспена.

Мой взгляд упал на именную табличку, пристроченную к его форме: «Офицер Леджер». Секундное сомнение прошло.

Мне на удивление хорошо удалось срыть свои эмоции - никто не заметил бури, бушующей внутри меня в тот момент. Мне хотелось дотронуться до него, поцеловать его, броситься на него с кулаками и криками и потребовать, чтобы он покинул мое бережно созданное убежище. Мне хотелось раствориться в воздухе и исчезнуть с лица земли.

Но я по-прежнему была здесь, и он все еще стоял прямо передо мной, так что во всем этом не было никакого смысла.

Я прокашлялась.

– Да. Офицер Леджер прибыл из Каролины. Вообще-то, мы с ним из одного города, – ответила я Максону с улыбкой.

Аспен не мог не услышать наш смех, доносившийся из-за угла, и наверняка заметил, что мы с принцем до сих пор стоим рука об руку. Что ж, пусть думает, что хочет.

Максон, казалось, был искренне рад за меня.

– Вот это совпадение! Добро пожаловать, офицер Леджер. Должно быть, вы рады вновь увидеть свою Чемпионку, – он протянул Аспену руку, и тот пожал ее.

– Да, Ваше Высочество. Очень рад, – ответил Аспен с непроницаемым лицом.

Что это значит?

– Уверен, вы тоже когда-то были ей очарованы, – Максон подмигнул мне.

– Разумеется, Ваше Высочество, – ответил Аспен с легким кивком.

А *это* что значит?

– Чудесно. Поскольку Америка родом из вашей провинции, не могу представить более подходящего человека, кому можно было бы поручить присматривать за ней во дворце. Я прослежу, чтобы вам отдали пост рядом с ее комнатой. Эта девушка отказывается по ночам держать у себя горничных. Сколько бы я ее ни уговаривал… – Максон беспомощно посмотрел на меня и покачал головой.

Аспен, кажется, немного расслабился.

– Я не удивлен, Ваше Величество.

Максон улыбнулся.

– Что ж, уверен, вам предстоит трудный день. Нам пора. Всего доброго, офицер, – кивнув Аспену на прощание, Максон увел меня вниз по лестнице.

Мне потребовалось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не оглянуться.

Очутившись в темноте кинозала, я попыталась придумать, как быть дальше. В ту ночь, когда я рассказала Максону об Аспене, он ясно дал понять, что возненавидит любого, кто посмеет столь бессовестно повести себя со мной. Если бы я сказала ему, что человек, которого он только что назначил моим персональным телохранителем, и был «тем самым бывшим парнем», наказал бы он его как-нибудь? Я бы не стала рисковать. Он разработал общенациональную программу помощи бедным, основываясь лишь на моих рассказах о голодной и холодной жизни низших каст. Так что, пожалуй, будет лучше, если я ничего не скажу Максону.

Да, я ничего ему не скажу. Потому что, как бы зла я ни была на Аспена, я все еще любила его. И я не могла допустить, чтобы кто-то причинил ему боль.

Должна ли я в таком случае покинуть дворец? Мое сердце разрывае-

лось на части от терзавших его противоречий. Так я могла бы убежать от Аспена, убежать от его лица - лица, которое будет мучить меня каждый день, ведь каждый новый взгляд на него будет напоминать мне о том, что оно больше мне не принадлежит. Но если я уеду, мне придется расстаться и с Максоном. А он за это время стал моим самым близким другом; быть может, даже чем-то большим. Я не могла просто взять и уехать. Как бы я объяснила Максону свой уход, не упоминая приезд Аспена?

И моя семья. Может, сумма на чеках и стала меньше, но, по крайней мере, они получали хоть что-то. Мэй написала, что папа обещал устроить в этом году лучшее в нашей жизни Рождество, но я была уверена, что если я прямо сейчас вернусь домой, то следующее наше Рождество будет далеко не таким отличным. Если я уйду, много ли денег принесет им моя былая слава? Нужно скопить как можно больше, пока у нас есть такая возможность.

– Тебе совсем не понравилось, да? – спросил Максон часа два спустя.

– А?

– Фильм. Ты даже ни разу не засмеялась.

– О… – я попыталась вспомнить хоть одну понравившуюся мне сцену. Не получилось. – Думаю, я просто немного не в духе сегодня. Прости, что мы так бесполезно потратили твой свободный день.

– Чепуха, – Максон отмахнулся, останавливая мои вялые оправдания. – Зато я насладился твоей компанией. Хотя знаешь, может тебе стоит вздремнуть перед ужином? Ты выглядишь немного бледной.

Я кивнула. Я всерьез подумывала о том, чтобы запереться в своей комнате и никогда больше оттуда не выходить.

Перевод: Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 21 ГЛАВА

В конце концов, я отказалась от затеи вечно прятаться в своей комнате. Вместо этого я решила прятаться Женской. Обычно я весь день металась туда-сюда между библиотекой, Марли и своими горничными. Теперь - Женская комната стала моим единственным убежищем. Поскольку мужчинам, в том числе и стражам, было запрещено входить сюда без позволения королевы, я посчитала это место просто прекрасным для реализации своих целей.

Однако, прекрасным оно было лишь на протяжении трех дней. Среди стольких девушек у кого-нибудь рано или поздно должен был нагрянуть день рождения. Вот у Крисс, например, он был в грядущий четверг. Видимо, она намекнула об этом Максону - который, казалось, не упускал ни единой возможности нам угодить - и вот, через пару дней должна была состояться грандиозная вечеринка для всех Отобранных. Поэтому, с самого утра в четверг по коридору то и дело проносились девушки в ночных рубашках, забегая друг к другу в комнаты, чтобы выбрать наряды и пошушукаться о том, насколько масштабным, по их представлениям, выйдет мероприятие.

Никто не говорил, что нужно будет дарить подарки, но я все же решила сделать для Крисс что-нибудь приятное.

В день вечеринки я надела одно из своих любимых дневных платьев

и захватила с собой скрипку. Я кралась по коридору в сторону Большого Зала, заглядывая за каждый угол, прежде чем обогнуть его. Добравшись до Зала, я внимательно изучила лица стражей, выстроившихся вдоль стен. К счастью, Аспена нигде не было видно. Я усмехнулась такому количеству мужчин в форме. Они что, боялись, что вечеринка выйдет из-под контроля?

Большой Зал украсили просто великолепно. Комната была усыпана букетами из белых и желтых цветов - они висели в кашпо на стенах, стояли на полу в больших узорчатых вазах, а их миниатюрные копии разместились на столах, подоконниках и других плоских поверхностях. Окна, участки стен, да и вообще все большое и неподвижное было увешано гирляндами. Фуршетные столы покрыли яркими скатертями и слегка присыпали сверкающими конфетти. На спинки стульев повязали изысканные банты.

В дальнем углу красовался огромный торт, выполненный в тех же цветах, что и комнатное убранство. Он словно только и ждал, когда его разрежут и попробуют. Рядом поставили маленький столик, на котором уже лежало несколько подарков для именинницы. Возле одной из стен расположился струнный квартет, делая мое и без того жалкое подобие подарка абсолютно бессмысленным.

По Залу бродил фотограф, запечатлевая моменты торжества для прессы. Настроение царило игривое. Тайни, которой до сих пор удавалось сблизиться лишь с Марли, теперь оживленно болтала с Эммикой и Дженной - она казалась более воодушевленной, чем когда-либо. Марли, стояла у окна, неподвижная, словно стражи у противоположной стены. Она ни разу не покинула свой пост, но останавливала любого, кто проходил мимо, чтобы немного поговорить. Группка Третьих - Кайли, Эмили и Элизабет - дружно обернулись, помахали мне и улыбнулись. Я ответила им тем же. Сегодня все были счастливы и вели себя дружелюбно.

За исключением Селесты и Бариэль. Обычно они были не разлей вода, но сегодня Бариэль разговаривала в одном конце комнаты с Аман-

дой, а Селеста в гордом одиночестве восседала за одним из столиков в другой части Зала, сжимая в руке хрустальный бокал, наполненный темно-красной жидкостью. Очевидно, я что-то пропустила между вчерашним ужином и сегодняшним обедом.

Я поудобнее перехватила свой кейс со скрипкой и направилась через комнату к Марли.

– Привет. Это просто что-то, правда? – спросила я, опуская инструмент на подоконник.

– Это точно, – она обняла меня. – Я слышала, Максон подойдет чуть позже, чтобы лично поздравить Крисс. Разве не мило? Спорим, он и подарок приготовил?

Марли продолжила что-то говорить в своей обычной восторженной манере. Я по-прежнему не понимала, что за тайну она хранила, но доверяла ей достаточно, чтобы предоставить ей возможность самой поднять эту тему, если вдруг захочется. Мы какое-то время болтали о мелочах, пока в дальнем конце Зала не скрипнули двери.

Мы с Марли обернулись. Но если она осталась все так же спокойна, то я была абсолютно ошеломлена.

К выбору платья Крисс подошла стратегически. Все девушки были одеты в коротенькие дневные платьица, а на ней было роскошное платье в пол. Но не в длине было дело. Платье было кремового, почти белого цвета. А ее волосы были уложены в высокую прическу, спереди обрамленную изящными золотыми шпильками, так что создавалось впечатление, будто на ее голове сверкала корона. Она выглядела зрело, величественно и почти свадебно.

Хоть я и не была уверена, что хотела роскошной жизни, я почувствовала укол зависти. Больше ни у кого из нас не будет подобного момента. Независимо от того, сколько еще вечеринок и званых ужинов будет здесь устроено, любая попытка повторить образ Крисс покажется весьма жалкой. Я заметила, как свободная от бокала рука Селесты сжалась в кулак.

– Она выглядит… действительно чудесно, – задумчиво прокомменти-

ровала Марли.

– Даже более чем, – отозвалась я.

Вечеринка продолжалась, и мы с Марли в основном просто наблюдали за остальными, стоя в сторонке. Селеста подозрительно крепко вцепилась в Крисс и принялась тороторить без умолку, пока именинница обходила гостей и благодарила всех за то, что пришли, хоть у нас по большому счету и не было выбора.

Когда Крисс, наконец, дошла до дальнего угла комнаты, где мы с Марли стояли, греясь в лучах солнца, проникающих сквозь окно, Марли, в свойственной ей манере, крепко обняла ее.

– С днём рождения! – воскликнула она.

– Спасибо! – ответила Крисс не менее воодушевленно и обняла Марли в ответ.

– Значит, тебе уже девятнадцать?

– Угу. Я даже представить себе не могу лучшего способа отпраздновать! Так здорово, что нас фотографируют. Мама будет рада! Хоть мы и неплохо живем, у нас никогда бы не хватило денег на что-то подобное. Все так красиво! – она радостно вздохнула.

Крисс была Четвертой, как и Марли. Их жизнь была не так ограничена, как моя, но все же им тоже приходилось несладко.

– Впечатляюще, – прокомментировала Селеста. – На свой прошлый день рождения я устраивала черно-белую вечеринку. Если на ком-то была хоть одна цветная ниточка, его даже на порог не пускали.

– Вау, – прошептала Марли. В этом коротком возгласе отчетливо слышалась зависть.

– Было чудесно. Изысканная еда, эффектное освещение… и о, музыка! Мы отрывались под Тессу Тамбл. Слышали о ней?

Не знать Тессу Тамбл было просто невозможно. У нее было с десяток хитовых песен. Иногда мы с Мэй видели ее клипы по телевизору, и это выводило из себя маму. Она считала нас гораздо талантливее кого-то вроде Тессы, и ее раздражало, что у нее были слава и деньги, в то время как нам приходилось сводить концы с концами, занимаясь факти-

чески тем же, что и она.

– Я ее обожаю! – воскликнула Крисс.

– Ну, Тесса - хороший друг семьи, и она согласилась выступить на моей вечеринке. Не могли же мы напустить полную комнату Пятых, чья скучная музыка высасывала бы всю жизнь из помещения.

Марли глянула на меня исподлобья. Я чувствовала, как стыдно ей было это выслушивать.

– Упс, – добавила Селеста, взглянув на меня. – Совсем забыла. Не хотела никого обидеть.

Вязкая сладость её голоса приводила в бешенство. Мне снова захотелось её ударить… Но лучше не искушать судьбу.

– Ничего страшного, – ответила я так спокойно, как только смогла. – А чем именно занимаются Вторые, Селеста? Не припомню, чтобы я когда-нибудь слышала ваши песни по радио.

– Я модель, – ответила она тоном, подразумевающим, что это должно быть известно всем. – Ты что, ни разу не видела меня в рекламе?

– Вообще-то нет.

– Ах, ну да, ты же Пятая. Должно быть, ты не можешь позволить себе покупать журналы.

А вот это меня задело, потому что было отчасти правдой. Мэй нравилось украдкой листать журналы прямо у стойки, когда нам удавалось выбраться в магазин. Но причин покупать их у нас совершенно не было.

Крисс, вновь принимая роль хозяйки вечера, направила разговор в другое русло.

– Знаешь, Америка, я всегда хотела спросить, в какой области из доступных Пятым ты работала?

– Я музыкант.

– Ты просто обязана как-нибудь для нас сыграть!

Я вздохнула.

– Вообще-то я принесла на сегодняшний вечер скрипку. Думала, получился бы хороший подарок, но тут уже есть целый квартет, так что…

– Ну же, сыграй! – умоляла Марли.

– Америка, пожалуйста, это же мой день рождения! – вторила ей Крисс.

– Но у нас ведь уже есть…

Мои протесты не помогли. Крисс и Марли уже шикнули музыкантам и подозвали остальных девушек. Некоторые раскинули подолы своих платьев и уселись прямо на пол, остальные притащили в наш угол несколько стульев. Крисс сидела в самом центре, сжимая руки от предвкушения, а Селеста стояла чуть в стороне, все еще не выпуская из рук своего полупустого бокала.

Когда все девушки удобно устроились, я пристроила скрипку на плечо. Квартет также держал инструменты на изготовке, собираясь мне подыграть. Несколько официантов, обслуживающих вечеринку, замерли в ожидании.

– Для тебя, – сказала я, взглянув на Крисс.

Я закрыла глаза и позволила смычку парить над струнами еще несколько мгновений, а потом музыка, наконец, полилась.

И на какое-то время меня оставили все заботы: не было больше озлобленной Селесты, бродящего по дворцу Аспена и жаждущих заполучить власть повстанцев. Казалось, в эти минуты в мире не существовало ничего, кроме чудесных нот, цепляющихся одна за другую, словно они боялись затеряться во времени, потеряв друг с другом эту зыбкую связь. Но раз за разом им все же удавалось удерживаться вместе, и по мере того, как эта невесомая цепочка становилась все длиннее и длиннее, я вдруг осознала, что мелодия, которая должна была стать подарком для Крисс, стала чем-то особенным и для меня самой.

Пусть я была Пятой, но я тоже чего-то стоила.

Я продолжала исполнять эту песню - такую же знакомую, как голос отца или запах моей комнаты дома - в течение еще нескольких прекрасных мгновений, а потом подвела ее к неизбежному концу. Я в последний раз коснулась смычком струн и подняла его в воздух.

Я стала искать глазами Крисс, чтобы посмотреть, понравился ли ей мой подарок, но у меня не было даже шанса перевести свой взгляд в ее

сторону: позади столпившихся вокруг меня Отобранных стоял Максон. Он был в сером костюме и с коробкой под мышкой - подарком для Крисс. Девушки аплодировали мне, но я не слышала ни звука. Все мое внимание было приковано к лицу Максона: оно было таким красивым в этот момент, исполненным благоговения, которое медленно переросло в искреннюю улыбку - улыбку лишь для меня одной.

– Ваше Высочество, – сказала я, присев в реверансе.

Остальные девушки поспешно поднялись с пола, чтобы поприветствовать принца. И внезапно по комнате разнесся душераздирающий визг.

– О нет! Крисс, мне так жаль!

Несколько девушек, обернувшись на звук, ахнули. А потом Крисс повернулась ко мне, и я поняла, в чём дело. Её роскошное платье было залито пуншем из бокала Селесты. Издалека эти пятна напоминали свежевыступившую кровь.

– Прости, пожалуйста, я просто слишком быстро повернулась. Я не хотела, Крисс! Позволь мне помочь…

Остальным тон Селесты может быть и показался искренним, но я видела ее насквозь. Крисс прикрыла рот ладошкой, пытаясь подавить всхлип, и выбежала из комнаты. Праздник, очевидно, был окончен. Максон, к его чести, последовал за ней, хотя, признаться, мне бы очень хотелось, чтобы он сейчас остался со мной.

Селеста тем временем продолжала всем доказывать, что это была лишь случайность. Тьюсди поддакивала ей, утверждая, что она все видела, но столько девушек закатывали на это глаза и складывали на груди руки, что ее поддержка оказалась попросту бессмысленной. Я молча убрала скрипку и уже собралась уйти, но тут Марли схватила меня за руку.

– Кто-то должен поставить ее на место.

Если Селеста могла спровоцировать такого прекрасного человека, как Анна, на насилие, или думала, что попробовать снять с меня платье - приемлемо, и если уж кто-то столь добродушный, как Марли, находил

ее поведение по меньшей мере дерзким, тогда ей и правда было тут не место.

Я должна вышвырнуть эту девицу из дворца.

Перевод: Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 22 ГЛАВА

– Говорю тебе, Максон, это не было случайностью.

Мы снова гуляли в саду, коротая время перед очередным выпуском Отчета. Я с трудом дождалась этого момента, чтобы поговорить с ним.

– Но ведь она так растерялась, и похоже, ей действительно было жаль, – возразил он. – Да и зачем ей специально устраивать что-то подобное?

Я вздохнула.

– Говорю тебе. Селеста каждый день у меня на виду, и я знаю, что этой уловкой она хотела испортить Крисс праздник. Она на что угодно пойдет ради победы.

– Что ж, если она таким образом пыталась перевести мое внимание с Крисс на себя, у нее ничего не вышло. Я почти целый час провел с этой девушкой. И не самый приятный час, надо заметить.

Я не желала выслушивать подробности. Я знала, что между нами что-то есть, и я не хотела иметь дело с чем-то, что могло бы повлиять на эту хрупкую связь. По крайней мере до тех пор, пока я не была окончательно уверена в своих чувствах.

– А что тогда насчет Анны? – спросила я.

– Кого?

– Анны Фармер. Она ударила Селесту, и ты вышвырнул ее из двор-

ца, помнишь? Так вот, я знаю, что ее спровоцировали.

– Ты слышала, как Селеста ее оскорбила? – в его тоне слышалось недоверие.

– Ну... нет. Но я знала Анну и я знаю Селесту. Говорю тебе, Анна была добрейшей души человеком. Селеста должна была сказать что-то абсолюино неприемлемое, чтобы она так отреагировала.

– Америка, я прекрасно понимаю, что ты проводишь в обществе этих девушек куда больше времени, чем я, но разве ты можешь поручиться, что по-настоящему хорошо знаешь каждую из них? Насколько мне известно, ты предпочитаешь уединяться в укромных уголках, вроде библиотеки или собственной комнаты. Рискну предположить, что ты гораздо лучше знаешь своих горничных, чем любую из прочих Отобранных.

В его словах была доля правды, но я не собиралась отступать.

– А вот это несправедливо! Ведь я была права насчет Марли? Разве она тебе не понравилась?

Он поморщился.

– Да, она... вроде бы милая.

– Тогда почему ты отказываешься мне верить, года я говорю, что Селеста все просчитала заранее?

– Америка, я не сказал, что не верю тебе. Я убежден, что именно так все для тебя и выглядело. Но Селеста извинилась. И она ни разу не дала мне повода плохо о ней подумать.

– Ну еще бы, – пробормотала я чуть слышно.

– Довольно, – Максон вздохнул. – Я не хочу говорить о других.

– Она пыталась забрать у меня платье, Максон! – воскликнула я.

– Я сказал, что не желаю о ней разговаривать, – повторил он чуть более сурово.

Мне это надоело. Я взмахнула руками и испустила раздраженный стон.

– Если ты собираешься и дальше так себя вести, я найду кого-нибудь, кому действительно интересно мое общество, – с этими словами он двинулся прочь.

– Эй! – окрикнула я его.

– Нет! – он обернулся и заговорил со мной так жестко, как я никогда бы не подумала, что он способен. – Вы забылись, Леди Америка. Вам следовало бы помнить, что вы обращаетесь к крон-принцу Иллеи. Я будущий государь и покровитель этой страны, и будь я проклят, если вы решили, будто можете помыкать мной подобным образом в моем собственном доме. Вы можете быть несогласны с моими решениями, но вы им подчинитесь.

И он ушел, оставив мня позади, не заметив или не озаботившись тем, что у меня на глаза выступили слезы.

Я ни разу не посмотрела в его сторону за ужином, но во время Отчета игнорировать его было сложнее. Я дважды поймала на себе его взгляд, и оба раза он теребил свое ухо. Я не ответила. Я не хотела сейчас с ним разговаривать. Это не привело бы ни к чему хорошему, и я не видела необходимости в том, чтобы выслушать еще одну нотацию о неподобающем поведении.

Я поднялась к себе в комнату сразу после эфира, все еще сердясь на Максона, да так сильно, что другие мысли попросту не шли в голову. Почему он отказался меня выслушать? Неужели он решил, что я лгу? Или того хуже, верит, что Селеста неспособна на ложь?

Видимо, Максон все-таки был тичным парнем. А Селеста была красива, так что не стоило удивляться из-за того, что он ставил ее выше остальных. Несмотря на все его разговоры о поисках родственной души, возможно он все-таки искал себе лишь подстилку.

А если таковыми были его истинные намерения, зачем мне вообще было о нем думать? Глупая, глупая, глупая! Я его поцеловала! Сказала ему, что готова к чему-то большему! Я просто...

Я свернула в коридорчик, где располагалась моя комната, и увидела Аспена, стоящего у моих дверей. Вся моя злость мигом испарилась, и на смену ей пришло странное чувство смущения. Дворцовые стражи, по уставу, должны были смотреть точно перед собой, стоя по стойке "смирно". Он же смотрел прямо на меня.

– Леди Америка, – прошептал он.

– Офицер Леджер.

Хоть это и не входило в его обязанности, он слегка подался вперед и приоткрыл для меня дверь. Я медленно прошла мимо, почти боясь поворачиваться к нему спиной, почти боясь, что все это мне только снится. Как бы я ни старалась выдворить его из головы и из сердца, я хотела бы, чтобы в этот момент он был со мной рядом. Я услышала, как он вдохнул запах моих волос, когда я проходила мимо него. От этого по спине пробежал холодок.

Он снова окинул мня пристальным взглядом и медленно затворил дверь.

Поспать не получилось. Я не могла перестать ворочаться, а в это время мысли о глупости Максона и о близости Аспена вели жестокую битву за вакантное место в моей голове. Я понятия не имела, что делать. В обоих случаях. Мои душевные метания так меня захватили, что я даже не заметила, как стрелка на часах перевалила за два ночи.

Я вздохнула. Моим горничным придется хорошенько потрудиться, чтобы придать мне утром надлежащий вид.

Внезапно, темноту разрезала полоска света из коридора. Словно плод моего разыгравшегося воображения, Аспен вошел внутрь и тихонько захлопнул за собой дверь.

– Аспен, что ты делаешь? – прошептала я. Он молча двинулся ко мне. – У тебя будут большие неприятности, если тебя здесь застукают!

Он не остановился.

– Аспен?

Он подошел к кровати и опустил оружие на пол.

– Ты его любишь?

Я заглянула в глубокие глаза Аспена, таинственно мерцающие в темноте. Долю секунды я не знала, что ответить.

– Нет.

Он откинул мои одеяла, решительно и в то же время изящно. Мне следовало бы прогнать его, но я не смогла. Его ладонь оказалась у ме-

ня на затылке, привлекая мое лицо ближе к его собственному. И он поцеловал меня, страстно, отчаянно, и все в мире снова встало на свои места. Он больше не пах домашним мылом, и он был сильнее, чем прежде, но каждое движение, каждое прикосновение было до боли знакомым.

– Они убьют тебя за это, – выдохнула я, когда его губы спустились на мою шею.

– Я бы сам умер, если бы не пришел.

Я хотела было собрать в себе остатки воли, чтобы попросить его остановиться, однако в глубине души я знала наперед, что мои попытки ни к чему не приведут. Все кричало о том, что это было неправильно. Мы нарушали закон, я предавала те чувства, что уже зародились между мной и Максоном, и, насколько я знала, у Аспена была другая девушка. Но ничто из этого меня не волновало. Я была так зла на Максона, а в объятьях Аспена мне было так хорошо, что я просто позволила его рукам ласкать мои обнаженные ноги.

Но даже это не могло полностью отвлечь меня от мыслей, кишащих в моей голове. Я была зла на Максона, на Селесту, даже на Аспена. Я была зла на всю Иллею, черт ее дери! Мы все целовались и целовались, и тут по моим щекам потекли слезы.

Аспена это ничуть не смутило, а через какое-то время к моим слезам добавились и его собственные.

– Знаешь, я ведь тебя ненавижу, – прошептала я.

– Я знаю, Мер. Я знаю.

Мер. Эти прикосновения, это имя. Мне казалось, будто мы перенеслись в другое место, в другое время. Как бы я ни была расстроена, оказавшись в объятьях Аспена, я словно бы попала домой.

Мы не отрывались друг от друга минут пятнадцать, пока он, наконец, не опомнился.

– Мне пора возвращаться, скоро начнется смена караула, мне нужно быть на посту.

– Что?

– По коридору пойдут другие стражи. Может через час, может через двадцать минут, а может и через пять - тут не угадаешь.

– Тогда иди скорее! – поторопила я его, резко вскакивая и помогая ему пригладить взъерошенные волосы.

Он подхватил с пола оружие, и спешно направился к двери. Прежде чем он открыл ее, я подбежала к нему, и он еще раз притянул меня к себе для глубокого поцелуя. У меня было ощущение, будто кровь в моих жилах превратилась в чистый солнечный свет .

– Поверить не могу, что ты здесь, – прошептала я.

Аспен покачал головой.

– Поверь, я удивлен не меньше.

– Сомневаюсь.

Мы улыбнулись друг другу.

– Нет, правда, как ты попал в дворцовую стражу?

Он пожал плечами.

– Видимо, я прирожденный солдат. Они всех нас свезли на тренировочную базу в Уайтесе. Америка, там повсюду лежит снег! Не то что у нас, где снега даже зимой не допросишься. Всех новобранцев сразу начали откармливать и тренировать. И они проводили с нами всякие тесты. И еще пичкали чем-то. Уж не знаю чем, но от этих уколов я очень быстро набрал массу. И я сильный боец, и соображаю неплохо. Я лучше всех в отряде справлялся с тестами.

Меня переполняла гордость.

– И почему я совсем не удивлена?

Я поцеловала его. Аспен всегда был слишком хорош для жизни Шестого.

От приоткрыл дверь и проверил коридор. Там было пусто.

– Мне столько нужно тебе рассказать, – прошептала я.

– Знаю. И мы обязательно поговорим. Это займет какое-то время, но я вернусь. Не сегодня. Не знаю когда, но скоро.

Он снова поцеловал меня, крепко, почти до боли.

– Я скучал по тебе, – прошептал он отрываясь от моих губ и возвра-

щаясь на свой пост.

Я вернулась в свою постель в полном замешательстве. Я поверить не могла в то, что только что произошло. Какая-то часть меня - та, что была больше всего обижена на Максона - говорила, что он это заслужил. Если он собирался закрывать глаза на все выходки Селесты и не желал меня слушать, я определенно не хотела оставаться частью Отбора дольше, чем это было действительно необходимо. Если ей все сходило с рук, то и мне ничто не мешало нарушать дворцовые правила. Проблема была решена.

Ощутив внезапную усталость, я за считанные секунды провалилась в сон.

Перевод: Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 23 ГЛАВА

Следующим утром я проснулась, чувствуя себя виноватой. И даже чуточку перепуганной. То, что я не ответила Максону, когда тот потеребил свое ухо, вовсе не означало, что он не может в любой момент зайти ко мне, если захочет. Нас запросто могла застукать. Если только кто–нибудь узнает, что я натворила...

Это была государственная измена. А во дворец с изменниками не церемонились.

Но какой-то части меня было искренне плевать на все это. В утренней полудреме я снова переживала каждый взгляд, каждое прикосновение, каждый поцелуй. Как же я по всему этому скучала.

Хотела бы я, чтобы у нас было больше времени для разговоров. Мне правда нужно было знать, о чем Аспен думал, когда дал мне пару недвусмысленных намеков этой ночью. Просто, после того, как я столько усилий потратила, чтобы забыть его, казалось невероятным, что *он* может все еще *меня* любить.

Была Суббота, и я должна была спуститься в Женскую комнату, но мне даже вспоминать об этом не хотелось. Мне нужно было все хорошенько обдумать, и я знала, что это будет просто невозможно сделать, окунувшись в нескончаемый гомон, царящий внизу. Когда прибыли мои горничные, я сказала им, что у меня болит голова и я сегодня останусь

в постели.

Они так старались помочь мне хоть чем-нибудь, принося еду в комнату, убираясь так тихо, как только было возможно, что мне даже стало совестно за свою ложь. Но я ничего не могла поделать. Я не могла заставить себя спуститься, чтобы мило пообщаться с королевой, другими девушками, а может быть даже и самим Масконом, когда все мои мысли были заняты только одним - Аспеном.

Я лежала с закрытыми глазами, хоть и не собиралась засыпать. Я пыталась прояснить для себя, что именно я чувствовала. Однако мои раздумья вскоре были прерваны стуком в дверь. Я обернулась, ловя на себе взгляд Энни, как бы спрашивающий, стоит ли ей открыть. Я поспешно села, расправила свои волосы и кивнула.

Я молилась, чтобы это не был Максон. Я боялась, что он прочтет все на мое лице. Но я никак не ожидала, что в комнату войдет Аспен. Я вдруг поняла, что сама того не осознавая села прямее, и понадеялась, что мои горничные этого не заметили.

– Прошу прощения, мисс, – обратился он к Энни. – Я Офицер Леджер. Я здесь, чтобы переговорить с Леди Америкой о новых мерах безопасности.

– Разумеется, – ответила она с улыбкой, и жестом пригласила Аспена войти. Краем глаза я заметила, как Мэри предостерегающе толкнула Люси, которая в этот момент тихонько хихикнула. Аспен, однако, услышал, и, обернулся, приподнимая фуражку.

– Дамы.

Люси смущенно опустила голову, а Мэри покраснела так, что ее щеки запылали чуть ли не ярче, чем мои волосы. Они не проронили ни слова. Энни, казалось, была очарована Аспеном ничуть не меньше, но она все же нашла в себе силы заговорить.

– Нам выйти, мисс?

Я задумалась. Я не хотела давать им повода для подозрений, но поговорить с Аспеном наедине было бы очень неплохо.

– Только на минутку. Уверена, офицер Леджер не займет много мое-

го времени, – сказала я, и они тут же выскользнули из комнаты. Стоило им исчезнуть за дверью, как Аспен тут же заговорил.

– Боюсь, ты ошибаешься. Я займу так много твоего времени, сколько вообще возможно, – он подмигнул мне.

Я покачала головой.

– До сих пор не могу поверить, что ты здесь.

Не теряя ни секунды, Аспен сбросил свою фуражку и присел на краешек моей кровати так, что наши пальцы почти соприкасались.

– Никогда бы не подумал, что буду благодарить бога за тот день, когда меня призвали в армию, но если так я смогу добиться твоего прощения, я никогда не устану говорить ему за это "спасибо".

Я молчала, сидя в полном потрясении. Аспен заглянул мне в глаза.

– Пожалуйста, прости меня, Мер. Я был так глуп, и я жалел о той ночи на дереве с того самого момента, как мои ноги коснулись земли. Но я был слишком горд, чтобы сказать тебе об этом, а потом твое имя выпало в лотерее... Я не знал, что делать, – он смолк на секунду. Мне показалось, что он старался сдержать слезы, выступившие ему на глаза. Неужели он все это время страдал ничуть не меньше меня? – Я все еще тебя люблю.

Я закусила губу, силясь поглотить комок в горле. Я должна была кое в чем удостовериться, прежде чем поверить его словам.

– А что же насчет Бренны?

Он изменился в лице.

– Что?

Я судорожно вздохнула.

– Я видела вас двоих на площади в день своего отъезда. Ты порвал с ней?

Аспен нахмурился, словно пытаясь что-то припомнить, а потом разразился громким смехом. Он прикрыл рот рукой и повалился спиной на кровать, а спустя пару секунд приподнялся на локтях и спросил:

– Ты решила, что между нами что-то есть? Ох, Мер, она чуть не упала. Она споткнулась, и я ее подхватил.

– Споткнулась?

– Ну да, площадь была битком забита, люди буквально на головах друг у друга стояли. И она налетела на меня, жалуясь на собственную неуклюжесть. Ты ведь знаешь Бренну, она и на ровном месте может упасть, – я сразу же вспомнила, как она однажды упала посреди тротуара без видимой на то причины. И почему только это до сих пор не пришло мне в голову? – Я бросился к сцене, как только смог от нее отвязаться.

И этого я не забыла. Того, как Аспен отчаянно пытался пробиться ко мне сквозь толпу. Он ни секунды не притворялся. Я улыбнулась.

– И что же ты планировал делать, когда доберешься до меня?

Он пожал плечами.

– Да я, по правде сказать, не особе над этим задумывался. Я собирался умолять тебя остаться. Я готов был выставить себя идиотом перед всей страной, лишь бы ты не села в эту машину. Но в твоем взгляде было столько злости... и я понимаю почему, – он вздохнул. – Я просто не смог. К тому же, я подумал, что тебе здесь понравится.

Он окинул взглядом комнату, полную миловидных побрякушек, ставших на какое-то время моими. Я понимала, почему такая мысль могла прийти к нему в голову.

– И потом, – продолжил он, – я был уверен, что смогу снова добиться тебя, когда ты вернешься, – тут его голос внезапно вобрал в себя тревожные нотки. – Я был уверен, что ты не задержишься здесь надолго и отправишься домой в числе первых. Но ты... не вернулась.

Он умолк и посмотрел на меня, но, к счастью, не спросил, насколько мы с Максоном сблизились за это время. Он видел нас вместе пару раз, но он понятия не имел о поцелуе и о наших тайных знаках, и у меня не было ни малейшего желания объясняться перед ним.

– А потом начался призыв, и я решил, что будет нечестно с моей стороны писать тебе об этом. Я ведь спокойно мог погибнуть. И я не хотел снова навязываться к тебе со своей любовью...

– Навязываться? – переспросила я в изумлении. – Аспен, я никогда

не переставала тебя любить.

Резко, но в то же время осторожно, Аспен наклонился и поцеловал меня. Он коснулся ладонью моей щеки, чтобы придержать мое лицо, и все воспоминания последних двух лет мгновенно наводнили мое сознание. Я так радовалась, что для нас еще не все было потеряно.

– Прости меня, – бормотал он между поцелуями. – Прости меня, Мер.

Он отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза. Его прекрасное лицо было тронуто легкой улыбкой, его взгляд словно бы спрашивал: "И что же теперь?" И в этот самый момент дверь распахнулась, и мои горничные изумленно уставились на нас с Аспеном, сидящих всего в паре сантиметров друг от друга. У меня сердце ушло в пятки.

– Слава богу, вы вернулись! – воскликнул Аспен, чуть сильнее прижимая ладонь к моей щеке, прежде чем потрогать еще и мой лоб. – Нет, мисс, не думаю, что у Вас есть температура.

– Что случилось? – взволнованно спросила Энни, тут же оказавшаяся у моей кровати.

Аспен встал.

– Она жаловалась на самочувствие, сказала, что голова кружится.

– Вам хуже, мисс? – спросила Мэри. – Вы так побледнели!

Ну, еще бы. Уверена, вся краска сошла с моего лица в тот момент, когда они вошли и увидели нас вместе. Но Аспен, такой спокойный в критической ситуации, моментально все уладил.

– Я схожу а лекарством, – вставила Люси и метнулась в ванную.

– Простите меня, мисс, – сказал Аспен, как только мои горничные вернулись к работе. – Не буду Вас больше беспокоить. Я зайду, когда вы будете чувствовать себя лучше.

В его взгляде я узнавала человека, которого тысячу раз целовала в крохотном домике на дереве. Пусть жизнь и поменяла свой курс, связь между нами осталась все так же сильна.

– Благодарю, офицер, – слабо ответила я.

Он удалился с коротким поклоном.

Вскоре мои горничные окружили меня, изо всех сил стараясь отразить болезнь, которой и в помине не было.

С моей головой все было в полном порядке. Другое дело – сердце. До боли знакомое желание оказаться в объятьях Аспена засело так глубоко во мне, словно никогда и не пропадало.

***

Я проснулась от того, что Энни усиленно трясла меня за плечи посреди ночи.

– Что...?

– Пожалуйста, мисс, Вам нужно подняться! – ее голос дрожал, полный ужаса.

– Что случилось? Тебя кто-то обидел?

– Нет, нет. Мы должны спуститься в подземелья, на дворец напали.

Мои мысли были словно в тумане, и я не была уверена, что расслышала ее правильно. Но тут я заметила, что по щекам Люси, стоящей чуть поодаль, уже текут слезы.

– Они пробрались внутрь? – ужаснулась я.

Испуганного всхлипа Люси хватило, чтобы подтвердить мои опасения.

– Что же нам теперь делать? – спросила я. Внезапный всплеск адреналина окончательно разбудил меня, и я тут же соскочила с постели.

Как только я оказалась на ногах, Мэри помогла мне обуться, а Энни бросилась накидывать на меня халат. Я могла думать лишь о том, откуда пришли повстанцы. *Север или Юг? Север или Юг?*

– Там, в углу, есть потайной ход. Он ведет прямо в подземное укрытие. Стража уже там. Королевская семья и большинство девушек тоже должны были уже спуститься. Скорее, мисс, – Энни спешно вывела меня в коридор и нажала на какой-то выступ в стене. Открылся проход, прямо как в какой-нибудь таинственной сказке. Разумеется, за стену вели ступеньки.

Пока я медлила, Тайни выскочила из своей комнаты и припустила

вниз по лестнице.

– Ладно, идемте, – сказала я. Энни и Мэри уставились на меня в изумлении. Люси трясло до того сильно, что она уже еле держалась на ногах. – Идемте, – повторила я.

– Нет, мисс. Мы найдем другое укрытие. Вам нужно торопиться, пока они не добрались сюда. Ну же!

Я знала, что если они не успеют спрятаться, их в лучшем случае ранят, а в худшем - и вовсе убьют. Я не могла допустить, чтобы они пострадали. Может, я слишком много о себе возомнила, но если все, что Максон делал до этого было хотя бы отчасти искренне, возможно был шанс, что он не откажет им в помощи, если узнает, как много они для меня значат. Даже если мы были в ссоре. Может, я слишком сильно полагалась на его щедрость, но я не собиралась оставлять их здесь.

Страх подгонял меня. Я схватила Энни за руку и толкнула в проход. Он споткнулась и не успела воспротивиться, когда я схватила Мэри и Люси под руки.

– Ну же! – воскликнула я.

Они пошли вслед за мной, однако Энни протестовала всю дорогу.

– Они не впустят нас, мисс! Это место только для королевской семьи... Они просто нас прогонят! – но я ее не слушала. Где бы ни находилось их укрытие, я была уверена, что оно не было и вполовину так же хорошо защищено, как то, в котором пряталась королевская семья.

Тоннель освещался тусклыми лампами, вывешенными через равные промежутки, но я в своей спешке все равно несколько раз чуть не упала. Беспокойство мешало мне здраво мыслить. Как далеко уже забрались повстанцы? Знали ли они о существовании этих тайных ходов? Люси едва могла двигаться сама, и мне приходилось тащить ее за собой, чтобы она не отстала.

Не знаю, сколько времени у нас занял спуск, но в конце концов узкий проходик расширился, образуя большую искусственную пещеру. С разных сторон в нее вели другие лестницы, и другие девушки, спускавшиеся по ним, также как и мы, спешили к огромным железным дверям

почти метровой толщины.

– Спасибо, что привели эту девушку. Можете идти, – кивнул моим горничным один из стражников.

– Нет! Они со мной. Они останутся, – твердо сказала я.

– Мисс, у них есть свое укрытие, – возразил он.

– Прекрасно. Если не впустите их, я тоже не войду. Уверена, принц Максон будет рад узнать, что мое отсутствие - ваших рук дело. Идемте, дамы, – я потянула Мэри и Люси в обратную сторону. Энни осталась стоять на месте, словно вкопанная, таращась на меня в изумлении.

– Стойте! Стойте! Ладно, берите их с собой внутрь. Но если кого-то это не устроит, оправдывайтесь сами.

– Без проблем, – ответила я. Подтолкнув горничных ко входу, я сама вошла в укрытие с высоко поднятой головой.

Внутри стояли гомон и суета. Некоторые девушки сбились в кучки и плакали, другие молились. Я заметила короля с королевой. Они сидели рядом, со всех сторон окруженные стражей. Неподалеку от них стоял Максон, держа за руку Элайну. Она выглядела потрясенной, но его присутствие определенно ее успокаивало. Я заметила, что королевская семья расположилась ближе всех к двери... Возможно здесь работало правило "Капитан тонет вместе со своим кораблем". Они сделают все, чтобы дворец остался на плаву, но если он все же пойдет ко дну, они первыми отдадут свои жизни. Их небольшая группка заметила мое появление и с интересом оглядела компанию, которую я привела с собой.

Я приняла на себя их изумленные взгляды, кивнула им и прошла мимо с высоко поднятой головой. Я решила, что пока я выглядела уверенно, никто не стал бы лезть ко мне с лишними вопросами.

Я ошиблась.

Не успела я сделать и трех шагов, как к нам подошла Сильвия. Она была невероятно спокойна. Должно быть, она уже привыкла к подобным эвакуациям.

– Отлично. У нас есть прислуга. Девочки, давайте-ка за водой в дальний конец комнаты, и начинайте обходить королевскую семью и

леди. Им не помешает освежиться. Ну же, бегом! – скомандовала она.

– Нет, – я повернулась к Энни и отдала ей свой первый настоящий приказ. – Энни, принеси воды королю, королеве и принцу, а затем возвращайся ко мне, – я встретила взгляд Сильвии. – Остальные могут сами себя обслужить. Они предпочли оставить своих горничных наверху, значит сами в состоянии налить себе воды. Мои горничные останутся со мной. Идемте, дамы.

Я знала, что все это произошло в достаточной близи от королевской семьи, чтобы они услышали каждое мое слово. К тому же, чтобы придать больше значимости своим словам, я говорила чуть громче, чем нужно. Но мне не было дела, если они вдруг решили, что я веду себя слишком грубо. Люси была напугана сильнее, чем большинство людей в этой комнате. Она тряслась с головы до ног, и я ни за что не позволила бы ей в таком состоянии подносить воду тем, кто и в половину себя так плохо не чувствовал. Возможно, это сказывались годы, проведенные в качестве старшей сестры, но я чувствовала свою ответственность за этих девушек.

Мы нашли укромный закуток в дальнем конце комнаты. Люди, которые готовили эту комнату для подобных ситуаций, не ожидали, по всей видимости, что с Отбором во дворец прибудет так много народу, потому что стульев здесь было явно меньше, чем нужно. Зато запасов воды и еды хватило бы на долгие месяцы осады, если бы все зашло настолько далеко.

Собравшиеся внутри убежища люди поражали своим контрастом. На нескольких министрах, очевидно заработавшихся допоздна, все еще были надеты костюмы. Даже Максон был до сих пор одет. Но почти все девушки были в тоненьких шелковых ночных сорочках, в которых было так приятно засыпать там, наверху. Не все они успели набросить на себя халаты, когда в спешке покидали свои комнаты. Хотя мне, например, даже в халате было немного прохладно.

Несколько девушек сгрудились неподалеку от двери. Они погибнут первыми, если повстанцы все-таки пробьются в убежище. Ну а если нет

- только подумайте, сколько времени они проведут совсем рядом с Максоном! Остальные девушки последовали нашему примеру и отошли в дальний угол, дрожа и плача от страха, прямо как Люси.

Энни взялась обслуживать королевскую семью, а мы с Мэри тем временем обняли Люси с обеих сторон, в надежде, что это поможет ей успокоиться. Обстановка в убежище и сама ситуация не располагали к разговору, поэтому мы просто молча сидели, прислушиваясь к гомону, наполнявшему комнату. Невнятный шум голосов напомнил мне о нашем первом дне во дворце и о том, как целая команда стилистов развернула для нас настоящий салон красоты. Я закрыла глаза и попыталась воссоздать все это в памяти, чтобы хоть как-то себя успокоить.

– Вы в порядке?

Я подняла глаза и увидела Аспена. Он выглядел просто неотразимо в своей сияющей форме. Его тон был предельно официальным; ни намека на тревогу или потрясение.

Я вздохнула.

– Да, спасибо.

Мы помолчали какое-то время, наблюдая за тем, как люди вокруг устраиваются на ночлег. Мэри, похоже, совсем вымоталась - она мирно спала, облокотившись на зажатую между нами Люси. Да и сама Люси была довольно спокойна, учитывая обстоятельства. Она перестала плакать и теперь просто сидела, с интересом поглядывая на Аспена.

– Это было очень щедро с Вашей стороны взять с собой своих горничных. Не каждый заботится о людях, которые ниже его по статусу, – сказал он.

– Касты никогда не имели для меня особого значения, – тихо ответила я. Он слегка улыбнулся.

Люси напряглась, словно собираясь задать Аспену какой-то вопрос, но тут стражник в дальнем конце комнаты рявкнул, чтобы все замолчали. Аспен, слава Богу, отошел. Я боялась, что кто-нибудь что-нибудь заподозрит.

– Это тот же стражник, что заходил к вам сегодня, так ведь? – спро-

сила Люси.

– Да, это он.

– В последнее время он сторожит вашу дверь. Он ужасно дружелюбный, – заметила она. Я была уверена, что Аспен при встрече говорил с моими горничными так же мягко, как и со мной. В конце концов, они, как и он когда-то, были Шестыми.

– И еще он очень красивый, – добавила она.

Я улыбнулась и уже собралась ответить, но велевший молчать стражник грозно посмотрел в мою сторону. Последние обрывки разговоров стихли, и комната погрузилась в полную тишину.

Эта тишина была хуже любого шума. В кромешной темноте и без единого звука, который подсказал бы мне, что на самом деле творится наверху, мое воображение рисовало мне страшные картины: разгромленные комнаты, кучи искалеченных тел, безжалостных вооруженных повстанцев, подбирающихся все ближе к нашей двери. Я не сразу осознала, что мы с остальными девушками, сидевшими поблизости, схватили друг друга за руки, словно это могло защитить нас от любой надвигающейся угрозы.

Единственным звуком в темной тишине подземелья были шаги Максона, методично обходившего комнату, чтобы проверить каждую девушку. Когда он приблизился к нашему закутку, не спали только мы с Люси. Мы тихонько переговаривались время от времени, не поднимая голоса выше чуть слышного шепота, так, что иногда нам приходилось даже читать по губам, что говорит другая.

Максон подошел ближе и улыбнулся, увидев, как мои горничные облепили меня со всех сторон. В этот момент я не почувствовала ни капли злости, которая могла бы остаться в его взгляде после нашей ссоры, о которой я теперь очень жалела. Вместо этого, я видела на его лице улыбку, радость от простого осознания того, что со мной все в порядке. На меня накатила волна стыда... Что я натворила?

– Ты в порядке? – спросил он.

Я кивнула. Максон взглянул на Люси, и склонился над ней, желая,

видимо, что-то у нее спросить. Он был так близко, что со следующим вдохом я ощутила его запах. Он не пах ничем искусственным, ничем, что могло бы храниться в бутылке или коробке. Ни корицей, ни ванилью, ни домашним мылом, о котором я неожиданно для себя вспомнила. Максон пах собой, легким неповторимым запахом, который исходил прямо от его тела.

– А ты? – спросил он Люси.

Она тоже кивнула.

– Ты, должно быть, удивлена, что тебе позволили сюда спуститься? – он одарил ее теплой улыбкой, стирающей любой намек на превосходство прозвучавший в его вопросе.

– Нет, Ваше Высочество. Ведь я здесь с ней, – Люси кивнула в мою сторону.

Масон повернулся ко мне, и его лицо оказалось совсем близко. Я почувствовала себя неловко. Слишком много людей прижимали меня к полу. Я с трудом могла пошевелиться. И еще больше людей, включая Аспена, наблюдали за нами. Момент был упущен, и Максон снова перевел взгляд на Люси.

– Понимаю, – он опять улыбнулся. Казалось, ему хотелось сказать еще что-то, но он передумал и уже собрался встать, но я схватила его за руку и прошептала:

– Север или Юг?

– Помнишь фотосессию? – выдохнул он.

В ужасе, я кивнула. Эти повстанцы двигались на северо-запад, сжигая посевы и убивая всех, кто попадался на их пути. Эти палачи медленно, но упорно приближались к нам, и ничто не смогло их остановить. Это были убийцы. Южане.

– Никому ни слова, – шепнул о напоследок и двинулся к Фионе, которая сидела, обняв себя за плечи и поминутно всхлипывая.

Я старалась выровнять дыхание, рисуя в воображении пути к отступлению, если вдруг повстанцы до нас доберутся. Но я понимала, что надежды нет. Если они прорвутся в подземелья, все будет кончено. Нам

оставалось только ждать.

Минуты превращались в часы. Я понятия не имела, сколько мы тут уже просидели, но все, кто какое-то время назад заснул, начинали потихоньку просыпаться.

В конце концов, двери приоткрылись, выпуская нескольких стражников, отправленных разведать обстановку. Прошло еще какое-то время, прежде чем они обошли весь дворец и вернулись.

– Дамы и господа, – доложил один из стажей, – повстанцы повержены. Пожалуйста, вернитесь в свои покои тем же путем, каким спустились сюда – по потайным лестницам. В коридорах все еще царит хаос и много раненых. Будет лучше, если какое-то время вы побудете в стороне от главных комнат и залов. Участницы Отбора, пожалуйста, не покидайте своих покоев до дальнейших объявлений. Я переговорил с поварами, еду доставят в течение часа прямо в ваши комнаты. Весь медицинский персонал нужен мне в больничном крыле в самое ближайшее время.

Он закончил, и люди тут же начали подниматься и расходиться, словно ничего и не произошло. Некоторые даже скучающими выглядели. Конечно, в их число не входили люди, которые, как Люси, особенно остро пережили нападение, но для всех остальных, казалось, ситуация была довольно привычной.

В своей комнате я обнаружила настоящий погром. Матрас был сброшен с кровати на пол, платья вытряхнуты из шкафов, фотографии моей семьи содраны с зеркала и разорваны в клочья. Я огляделась в поисках своей баночки с монеткой. Она все еще была на месте, надежно спрятанная под кроватью. Я силилась не расплакаться, но слезы не желали отступать. Не то, чтобы все это меня напугало, хотя, надо признаться, потрясение я получила немалое. Просто я расстроилась из-за того, что повстанцы рылись в моих вещах, и даже испортили некоторые из них.

Понадобилось немало времени, чтобы навести порядок, особенно учитывая, как все мы устали. Но мы справились. Энни даже отыскала катушку скотча, чтобы я могла склеить свои фотографии. Поблагодарив

ее, я отправила своих горничных спать. Энни было возразила, но я не стала ее слушать. Однажды примерив на себя командный тон, я больше не боялась его использовать.

Оставшись одна, я позволила себе поплакать. Страх, пусть и немного притупившийся, все никак не отпускал меня.

Я достала подаренные Максоном джинсы и рубашку, привезенную из дома, и надела их. В простой одежде я почувствовала себя чуточку лучше. Мои волосы растрепались за ночь и не менее беспокойное утро, поэтому я собрала их в маленький небрежный пучок на затылке, не заботясь о том, что несколько прядей все еще падали мне на лицо.

Я высыпала перед собой на кровать кусочки фотографий и принялась их раскладывать. Мне нужно было собрать четыре пазла, а все детальки перемешались между собой.Мне удалось закончить лишь одной карточкой к тому моменту, когда в дверь постучали.

«Максон», – пронеслось у меня в голове, – «пожалуйста, пусть это будет Максон». Я с надеждой распахнула дверь.

– Здравствуй, милочка, – это была Сильвия. Ее лицо приобрело странное выражение, которое, видимо, должно было показать мне ее сочувствие. Она прошла мимо меня в комнату, окидывая меня взволнованным взглядом, очевидно, удивленная моим выбором одежды.

– Только не говори, что ты тоже уезжаешь, – взмолилась она. – Серьезно, то, что случилось, даже атакой не назовешь. Так, ничего особенного, – она махнула рукой, словно один этот жест мог стереть все ужасы прошлой ночи. Я бы так не сказала.

– Я никуда не собираюсь, – заверила я ее, заправляя выбившуюся из пучка прядь волос за ухо. – А другие что, уезжают?

Сильвия вздохнула.

– Трое, как минимум. И Максон, милый мальчик, велел мне отпустить всех, кто захочет отправиться домой. Прямо сейчас готовятся документы. Даже забавно. Он словно заранее знал, что некоторые захотят уехать, – она пустилась в обход по комнате, разглядывая мебель и прочий декор. – Знаешь, будь я на твоем месте, я бы трижды подумала,

прежде чем засобираться домой из-за какого-то пустяка.

Пустяк? Эта женщина вообще в своем уме?

– Что-нибудь пропало? – спросила она.

– Нет, мэм. Они устроили беспорядок, но я не заметила, чтобы они что-нибудь взяли.

– Прекрасно, она подошла и протянула мне крошечный мобильный телефон. – Это самая безопасная линия во дворце. Позвони своим родителям и скажи, что с тобой все в порядке. Только давай не долго. Мне нужно обойти еще нескольких.

Я удивленно смотрела на маленький предмет. Я никогда прежде не держала в руках мобильного. Я пару раз видела похожие у Вторых и Третьих, но никогда бы не подумала, что мне самой доведется таким воспользоваться.

Мои пальцы дрожали от нетерпения, пока я торопливо набирала номер. Я вот-вот услышу их голоса! После всего, что произошло за последние несколько дней, одна лишь эта мысль заставила меня улыбнуться.

Мама взяла трубку после второго гудка.

– Алло?

– Мам?

– Америка! Это ты? С тобой все в порядке? Я так волновалась!

Кто-то позвонил нам и сказал, что связь с дворцом может пропасть на несколько дней, и мы сразу поняли, что на вас напали повстанцы. Мы до смерти перепугались! – она заплакала.

– Ну же, мам, не плачь. Все хорошо. Я в безопасности, – я взглянула на Сильвию. У той был откровенно скучающий вид.

– Погоди минутку, – мама передала кому-то трубку.

– Америка? – голос Мэй звучал так, словно она последние сутки только и делала, что плакала. Должно быть, это был худший день в ее жизни.

– Мэй! О, Мэй, я так соскучилась! – я почувствовала, как слезы снова наполняют мои глаза.

– Я боялась, что ты умрешь! Америка, я люблю тебя. Пообещай, что не умрешь! – взмолилась она.

– Обещаю, – тут я не могла не улыбнуться.

– Ты приедешь домой? Или ты не можешь? Я не хочу, чтобы ты там оставалась, – не унималась Мэй.

– Хочешь, чтобы я вернулась домой? – спросила я. На меня нахлынули эмоции. Я скучала по своей семье, и я уже успела устать от нападений повстанцев. Мои чувства к Аспену, да и к Максону тоже, становились все более запутанными, и я не была уверена, что смогу разобраться, если оба они то и дело будут мелькать рядом. Уехать было бы проще всего. Но все же...

– Нет, Мэй, я не могу приехать. Я должна остаться.

– Почему? – простонала Мэй.

– Потому что, – ответила я.

– «Потому что» что?

– Просто... потому что.

Мэй секунду не отвечала, очевидно, задумавшись.

– Ты что, влюбилась в Максона? – в одно мгновение Мэй снова стала восторженной романтичной девочкой, которую я знала и любила. Она будет в порядке.

– Эммм, не уверена насчет этого, но...

– Америка! Ты влюбилась в Максона! О, бог ты мой!

– Что? – раздался на заднем плане папин голос.

– Да, да, да! – это был уже мамин.

– Мэй, я ведь ничего такого не...

– Я знала! – Мэй смеялась. Вот так, не прошло и секунды, как все ее страхи потерять меня улетучились

– Мэй, мне пора. Другим девушкам тоже нужен телефон. Вы только не переживайте за меня, хорошо? Я напишу как только смогу, обещаю.

– Ладно, ладно. Расскажи мне в письме о Максоне! И пришли подарков! И я люблю тебя! – вопила она в трубку.

– Я тоже тебя люблю. Пока, – я положила трубку, прежде чем она

попросила еще о чем-нибудь. Но как только ее голос смолк, я ощутила еще большую тоску по дому, чем до нашего разговора.

Сильвия не церемонилась. Она выхватила телефон у меня из рук и в считанные секунды оказалась у двери.

– Молодец, девочка, – сказала она и исчезла в коридоре.

Я себя точно молодцом не чувствовала. Но я знала, что это изменится, как только я улажу все свои отношения с Аспеном и Максоном.

Перевод: Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 24 ГЛАВА

Эми, Фиона и Таллула уехали в течении нескольких часов. Я не знала, к чему была эта спешка. Может, Сильвия слишком ревностно подошла к выполнению своего поручения, а может, сказалось состояние самих девушек. Нас осталось девятнадцать, и, внезапно, у всех появилось ощущение, что конкурс движется к своему завершению как-то слишком уже быстро. Но мы даже представить себе не могли, насколько.

В понедельник, как только все улеглось, мы вернулись к привычной рутине. Завтрак был столь же вкусен, как и всегда, и я задумалась, настанет ли когда-нибудь день, когда я перестану восхищаться дворцовой пищей.

– Разве это не божественно вкусно, Крисс? – спросила я, жуя маленький кусочек какого-то экзотического фрукта, по форме напоминающего звезду. Я никогда прежде не видела такого. Рот Крисс был набит едой, и она смогла лишь согласно кивнуть. В воздухе витала теплая атмосфера сестринства. После того как мы вместе пережили опасную повстанческую атаку, зыбкая связь, объединявшая нас, переросла в нечто большее. Эмили, сидевшая рядом с Крисс, передавала мне мед. Тайни интересовалась, откуда у меня появился мой кулон с маленькой птичкой, который, как оказалось, с самого начала очень ей приглянулся. Эта новая атмосфера напомнила мне о тех временах, когда мы всей семьей

каждый вечер собирались за ужином - еще до того, как Кенна переехала к мужу, а Кота превратился в полного придурка.

Внезапно, я поняла, что Максон не солгал, сказав, что его мать до сих пор поддерживает контакт с теми, с кем познакомилась во время своего Отбора. Я бы тоже хотела когда-нибудь узнать, кто за кого вышел замуж. Хотела бы обмениваться с ними рождественскими открытками. И чтобы через двадцать-с-чем-то лет, если у Максона родился бы сын, мы бы звонили друг другу и обсуждали бы наших любимиц из нового поколения Отобранных. Мы бы вспомнили, через что нам самим когда-то пришлось пройти и посмеялись бы, словно все это было лишь увлекательным приключением, а не борьбой за высокий титул.

Казалось странным, что Максон был единственным человеком в комнате, кто был искренне обеспокоенным. Он не притронулся к еде, оглядывая вместо этого сидящих за столом девушек. Каждые несколько минут он опускал глаза, и в такие моменты казалось, что он отчаянно спорит о чем-то с самим собой. Но вскоре это проходило, и его взгляд устремлялся дальше.

Когда он дошел до меня, он заметил, что я за ним наблюдаю и слабо улыбнулся. Если не считать пары фраз, оброненных прошлой ночью, мы так ни разу и не поговорили с момента нашей ссоры, а мне определенно было, что ему рассказать. Однако в этот раз, мне нужно было самой вызвать его на встречу. С надеждой посмотрев ему в глаза, я потеребила ухо. Выражение его лица осталось спокойным, но он все же ответил мне.

Я облегченно вздохнула, и мой взгляд переместился к массивным дверям, у которых стояла стража. Как я и подозревала, еще одна пара глаз смотрела в мою сторону. Я заметила Аспена в ту же секунду, как вошла, однако постаралась ничем себя не выдать. Но, видимо, невозможно игнорировать присутствие человека, которого ты так долго и так сильно любила.

Максон встал. Ножки его стула проскрежетали по полу, привлекая всеобщее внимание. Когда все головы повернулись в его сторону, ему,

казалось, захотелось незаметно присесть обратно. Но, поняв, что сделать шаг назад у него уже не получится, он заговорил.

– Дамы, – начал он, склонив голову. На его лице читалась боль. – Боюсь, что после вчерашнего нападения, я был вынужден серьезно пересмотреть ситуацию с Отбором. Как вам, должно быть, известно, вчера трое девушек попросились уехать домой, и я им это позволил. Я посчитал недостойным удерживать их здесь против воли. Более того, поразмыслив, я решил, что больше не намерен оставлять во дворце, тем самым подвергая немыслимой опасности, тех из вас, с кем я абсолютно точно не вижу своего дальнейшего будущего.

Постепенно девушки в комнате начали понимать, о чем идет речь.

– Он же не собирается... – прошептала Тайни.

– Еще как собирается, – ответила я.

– Как ни печально мне об этом говорить, я обсудил этот вопрос со своей семьей и несколькими близкими советниками, и они одобрили мое решение сократить количество Отобранных до Элиты. Однако, во дворце останется не десять, как предполагалось изначально, а всего лишь шесть девушек. Остальные из вас будут отпущены домой, – закончил Максон без тени эмоции в голосе.

– Шесть? – ахнула Крис.

– Так не честно, – пискнула Тайни, едва сдерживая слезы.

Я оглядела присутствующих под гул приглушенных возмущений. Селеста напряглась так, словно собралась силой вырывать себе место. Бариэль закрыла глаза и скрестила пальцы, надеясь, видимо, что так удача будет на ее стороне. Даже Марли, которая накануне призналась мне, что не испытывает к Максону ни малейшей симпатии, была крайне взволнована. Почему она так сильно хотела остаться?

– Я не вижу необходимости откладывать этот момент, поэтому объявлю свое решение прямо сейчас. Лишь те девушки, которых я назову, продолжат свое участие в Отборе. Леди Марли и леди Крисс...

Марли облегченно выдохнула, прижав руку к сердцу. Крисс запрыгала на своем стуле, оглядываясь на сидящих вокруг девушек, ожидая,

видимо, шквала поздравлений. И я была искренне рада за нее. До тех пор, пока не поняла, что два места из шести уже заняли. Отправит ли Максон меня домой из-за наших с ним разногласий? Видел ли он меня в своем будущем? Хотела ли я, чтобы он видел? Что я буду делать, если вернусь домой?

До сих пор, только от моего желания зависело, когда я уеду. Внезапно я ощутила, как важно для меня было остаться.

– Леди Натали и леди Селеста... – продолжил он, останавливая взгляд по очереди на каждой из них. Я поморщилась, когда он назвал Селесту. Не мог же он оставить ее и выгнать меня. Я с трудом могла поверить, что он вообще решил ее оставить. Значило ли это, что меня отправят домой? Ведь именно о ней мы и спорили в тот день, когда поругались.

– Леди Элис... – сказал он, и вся комната, казалось, задержала дыхание в ожидании последнего имени. Я вдруг осознала, что мы с Тайни вцепились друг в друга мертвой хваткой.

– И леди Америка, – Максон посмотрел на меня и я, наконец, расслабилась.

Тайни тут же пустилась в слезы, как и большинство других. Максон тяжело вздохнул.

– У всех остальных я прошу прощения, и искренне надеюсь, что вы поверите мне и поймете, что я делаю это исключительно для вашего блага. Я не хочу никому давать ложных надежд, рискуя при этом вашими жизнями. Если кто-нибудь из вас пожелает сказать мне пару слов на прощанье, я буду в библиотеке дальше по коридору. Можете присоединиться ко мне, как только закончите трапезу.

Максон вышел из комнаты так быстро, что казалось вот-вот и он сорвется на бег. Я проследила за ним, пока он не дошел до Аспена, и в этот момент мое внимание переключилось на кое-что другое. На лице Аспена явно читалось недоумение, и я понимала, почему. Я сказала ему, что не люблю Максона, и он, очевидно, решил, что Максон во мне также никоим образом не заинтересован. Так почему же тогда я так на-

пряглась, когда Максон сказал, что большинство девушек сегодня уедет? И почему он захотел, чтобы именно я вошла в шестерку тех, кто продолжит борьбу за его сердце?

Эммика и Тьюсди в ту же секунду бросились вслед за Максоном, вне всяких сомнений для того, чтобы потребовать у принца объяснений. Некоторые девушки не могли сдержать слез, и утешать их выпало на долю тех из нас, кто еще на какое-то время оставался во дворце. Надо ли говорить, как нам всем было неловко в этой ситуации. Тайни с силой оттолкнула меня и выбежала прочь из комнаты. Я очень надеялась, что она не затаит на меня обиды.

Люди разошлись в считанные минуты, потеряв всякий аппетит. Я и сама ушла среди первых, не желая и дальше наблюдать за выплескиванием чужих эмоций. Когда я проходила мимо Аспена, и он шепнул мне "вечером", я легонько кивнула и продолжила свой путь.

Остаток дня прошел странно. Я не сошлась ни с кем из отсеянных настолько близко, чтобы скучать по ним. Все двери в нашем коридоре были распахнуты настежь, и девушки бегали туда-сюда, обмениваясь номерами телефонов и адресами. Мы вместе поплакали и посмеялись напоследок, а после обеда дворец стал куда более тихим и серьезным местом, чем был с момента нашего приезда сюда.

В моем маленьком закутке больше никого не осталось, и поэтому из коридора больше не доносилось звуков бегающих по поручениям горничных или хлопающих то и дело дверей. Я сидела за своим столом и читала книгу, пока мои горничные протирали в комнате пыль. Я гадала, всегда ли во дворце, на самом деле, было так одиноко. Пустота в коридорах нагнетала мою тоску по домашним.

Внезапно в дверь постучали. Энни поспешила открыть, по пути оглянувшись, чтобы получить мое позволение. Я легонько кивнула.

Когда в комнату вошел Максон, я подскочила со своего места.

– Дамы, – сказал он, взглянув на моих горничных. – Мы снова встретились.

Хихикая, они присели в реверансах. Он поклонился им и повернулся

ко мне.

Я даже не осознавала, как сильно хотела его увидеть. Я стояла, вцепившись в краешек стола, и не могла пошевелиться.

– Прошу простить меня, но я хотел бы поговорить с Леди Америкой. Вы не оставите нас на минутку?

Последовало еще немного хихиканья, и после того, как Энни спросила у Максона - тоном, в котором слышалось явное обожание - не желает ли принц чего-нибудь, и он вежливо отказался, они еще раз присели в реверансах и ушли.

Он держал свои руки в карманах. Мы немного помолчали.

– Я боялась, что ты меня не оставишь, – наконец призналась я.

– Почему, – он, казалось, был искренне удивлен.

– Потому что мы поссорились. Потому что между нами все странно. Потому что...

*"Потому что, несмотря на то, что ты встречаешься с пятью другими девушками, я чувствую себя виноватой за то, что изменяю тебе",* – подумала я.

Максон подбирал слова, медленно сокращая расстояние между нами. Когда он, наконец, подошел ко мне, он взял мои руки в свои ладони и попробовал все объяснить.

– Для начала, позволь мне извиниться. Я не должен был срывать свою злость на тебе, – его голос был наполнен искренностью. – Просто некоторые советники и отец уже начали подталкивать меня к выгодному для них выбору, а я действительно хочу самостоятельно принять решение. Я оказался в очередной ситуации, когда к моему мнению никто не пожелал прислушаться. Это вывело меня из себя.

– Очередной ситуации? – переспросила я.

– Ну, ты ведь видела, кого я оставил. Марли - любимица народа, ее просто нельзя исключать на этом этапе. Селеста очень властная девушка, и она происходит из достойной семьи, с которой для нас было бы честью породниться. Натали и Крисс - очаровательные особы, любимицы некоторых членов моей семьи. У Элис обнаружились родственники в

Новой Азии. И, поскольку мы изо всех сил стараемся закончить эту проклятую войну, такую возможность тоже нельзя упускать из виду. Каждая из этих девушек была навязана мне тем или иным человеком, меня окружили со всех сторон.

Он так и не ответил, почему осталась я, но я догадывалась, какое объяснение он приберег для меня, и поэтому не настаивала. Во мне не было никакой политической ценности, просто я была его другом. Но мне все же нужно было услышать, что скажет он, чтобы я могла принять свое собственное решение.

Я не могла заставить себя посмотреть ему в глаза.

– А почему я все еще здесь? – мой голос прозвучал едва ли громче обычного шепота. Я была уверена, что его ответ ранит меня. В глубине души я была уверена, что я все еще оставалась здесь лишь потому, что он был слишком благороден, чтобы нарушить данное мне слово.

– Америка, я думал, я ясно дал понять, как отношусь к тебе, – спокойно ответил Максон. Он вздохнул и осторожно приподнял мое лицо, едва коснувшись пальцами моего подбородка. Когда я, наконец, встретила его взгляд, он признался.

– Если бы все было проще, к этому времени здесь не осталось бы никого кроме тебя. Я уверен в своих чувствах. Возможно, с моей стороны поспешно делать такие выводы, но я знаю, что буду с тобой счастлив.

Я залилась румянцем. На глаза навернулись слезы, которые я поспешила сморгнуть. Его лицо было исполнено обожания, и я не хотела упустить этот момент.

– Порой мне кажется, что все стены между нами разрушены, но иногда... все так, будто ты остаешься здесь только ради денег. Если бы я точно знал, что я один - причина, по которой ты все еще здесь... – он умолк и покачал головой, словно в конце этого предложения таилось нечто, чего он и сам пока что не мог позволить себе желать. – Я ведь не ошибусь, если скажу, что ты все еще не уверена, что ко мне чувствуешь?

Я не хотела причинять ему боль, но я должна была ответить честно.

– Нет.

– Значит, я должен подстраховаться. Если ты вдруг решишь прекратить все это, я тебя отпущу. Но я все-таки должен найти себе жену. Я пытаюсь принять правильное решение, основываясь на тех вариантах, что у меня есть, но пожалуйста, не сомневайся ни минуты, что ты мне небезразлична. Совсем не безразлична.

Я больше не могла сдерживать слезы. Я вспомнила об Аспене, о том, что натворила, и почувствовала прилив стыда.

– Максон, – я шмыгнула носом. – Сможешь ли ты... сможешь ли ты простить меня...

Я не смогла ему признаться.

Он принялся смахивать слезы с моих щек своими сильными пальцами.

– За что простить? За эту глупую ссору? Я уже забыл о ней. За то, что тебе нужно время, чтобы ответить на мои чувства? Я готов подождать, – он покачал головой. – Не думаю, что в этом мире есть что-то, за что я не смог бы простить тебя. Вспомни хотя бы тот удар промеж ног?

Я рассмеялась сквозь слезы. Максон улыбнулся, но вдруг внезапно посерьезнел.

– В чем дело? – спросила я. Он покачал головой.

– Они так стремительно напали в этот раз, – голос Максона был переполнен недоумения и страха перед невиданной настойчивостью повстанцев. Внезапно я осознала, что чуть было не оказалась на волосок от смерти, решив спасти своих горничных. – Я все больше и больше обеспокоен, Америка. Северяне ли, Южане... они полны решимости. Кажется, они не остановятся ни перед чем, пока не получат то, чего хотят, а мы не имеем ни малейшего понятия, что это такое, – его лицо было полно отчаянья и печали. – Иногда мне думается, что это только вопрос времени, прежде чем они отнимут у меня кого-то, кто по-настоящему мне дорог.

Он посмотрел мне в глаза.

– Знай, что у тебя по-прежнему есть выбор. Если боишься оставаться здесь, ты только скажи, – он помолчал, задумавшись. – И если знаешь, что не сможешь полюбить меня, лучше признайся в этом сейчас. Я отпущу тебя, мы можем расстаться друзьями.

Я обняла его, прижавшись щекой к его широкой груди.

Максон, казалось, был приятно удивлен этим моим жестом. Он замешкался лишь на секунду, прежде чем обвить вокруг меня свои сильные руки.

– Максон, я не уверена, что между нами происходит, но мы явно больше, чем просто друзья.

Он вздохнул. Моя голова покоилась у него на груди, и сквозь плотную ткань его пиджака я могла различить едва слышный звук его сердцебиения. Оно показалось мне учащенным.

Его ладонь нежно легла на мою щеку. Когда я посмотрела ему в глаза, я почувствовала, как то безымянное чувство, что росло между нами, стало еще крепче. Взглядом Максон спросил позволения сделать то, с чем мы оба согласились немного помедлить. И я была рада, что он больше не хотел ждать.

Я легонько кивнула, и он, вмиг покрыв то маленькое расстояние, которое еще разделяло нас, подарил мне невероятно нежный поцелуй. Сквозь поцелуй Максон улыбнулся, и ощущение этой улыбки еще надолго осталось у меня на губах.

Перевод: Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# 25 ГЛАВА

Кто-то легонько тряс меня за локоть. Было темно - либо уже очень поздно, либо еще слишком рано. На долю секунды я испугалась, что на нас снова напали. Но я тут же поняла, что ошиблась, потому что будивший меня человек не проронил ни слова.

– Мер?

Я лежала к Аспену спиной и воспользовалась этим, чтобы собраться с мыслями, прежде чем повернуться и посмотреть на него. В мыслях я уже не раз прокрутила слова, которые собиралась произнести, чтобы, наконец, разложить все между нами по полочкам. Я надеялась, что мое сердце позволит мне это сделать.

Я обернулась и поймала взгляд ясных зеленых глаз Аспена, и поняла, что это будет даже сложнее, чем я думала. А потом я заметила, что он оставил дверь моей комнаты открытой.

– Аспен, ты с ума сошел? – прошептала я.

– Закрой дверь!

– Нет, я все продумал. Если дверь будет открыта и кто-нибудь пройдет мимо, я смогу сказать, что просто услышал какой-то шум и зашел чтобы проверить, все ли с тобой в порядке. Это моя работа, так что никто ничего не заподозрит.

Все было просто и гениально. Видимо, в некоторых случаях лучший

способ сохранить что-то в тайне - это выставить все напоказ. Я кивнула, давая ему понять, что не возражаю.

– Ладно.

Я включила маленькую лампу на прикроватной тумбе, чтобы случайному прохожему было вдвойне очевидно, что мы ничего не скрываем. Я заметила, что на часах было уже около трех утра.

Аспен явно был доволен собой. Он широко улыбался - той самой улыбкой, которой он когда-то встречал меня по ночам в нашем древесном домике.

– Ты ее сохранила, – сказал он.

– Что?

Аспен кивнул в сторону тумбы, на которой стояла баночка с одинокой монеткой.

– Да, – сказала я. – Не смогла заставить себя от нее избавится.

В его глазах с новой силой вспыхнула надежда. Он оглянулся, проверяя, нет ли кого за дверью, а потом наклонился, чтобы поцеловать меня.

– Нет, – тихо сказала я, отклоняясь в сторону. – Ты не можешь.

На его лице отразились боль и непонимание, и я уже начинала бояться, что все, что я собиралась ему сказать, только еще сильнее усложнит ситуацию между нами.

– Я что-то не так сделал?

– Нет, – возразила я. – Ты замечательный. Я была так рада снова тебя увидеть и узнать, что ты все еще любишь меня! Это все меняет.

Он улыбнулся.

– Хорошо. Потому что я и правда люблю тебя, и позабочусь, чтобы ты никогда больше в этом не сомневалась.

Я прикусила губу.

– Аспен, кем бы мы ни были друг для друга, неважно, тогда или сейчас, мы не можем быть ими здесь.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, чуть отстраняясь.

– Теперь я участница Отбора. Я здесь ради Максона, и, пока этот

конкурс не закончится, мы не можем быть вместе, - мои пальцы неосознанно теребили уголок моего одеяла.

Он задумался.

– Значит, ты лгала мне? Когда сказала, что никогда не переставала любить меня?

– Нет, – заверила его я. – Все это время ты был в моем сердце. Ты - причина, по которой все идет так медленно. Я нравлюсь Максону, но я не могу ответить ему взаимностью из-за тебя.

– Что ж, прекрасно, – его голос был полон сарказма. – Рад был узнать, что если бы меня не было поблизости, ничто не мешало бы вам двоим быть вместе.

Под всей этой злостью я могла ясно видеть, как больно на самом деле ему было в тот момент. Но не я была виновата, что все так вышло.

– Аспен, – тихо позвала я, снова привлекая его внимание. – Когда ты оставил меня там, в домике на дереве, мое сердце разбилось вдребезги.

– Мер, я же сказал...

– Дай мне закончить, – он хмыкнул, но замолчал. – Ты разрушил все мои мечты, и здесь я оказалась только потому, что ты настоял на моем участии.

Он покачал головой, еще сильнее раздражаясь, потому что это было чистой правдой.

– Мне было очень сложно собрать себя в кучу и жить дальше, и Максон был очень добр ко мне все это время. Ты ведь знаешь, как много значишь для меня. Но теперь я часть этого конкурса, и я была глупа, позволив твоему возвращению в мою жизнь заставить меня забыть об этом.

– Значит, ты выбираешь его? – спросил он с отвращением.

– Нет, я никого из вас не выбираю. Я выбираю себя.

Сказав это, я ничуть не покривила душой. Я все еще не знала, чего хотела, и я не могла позволить чьим-то еще решениям повлиять на мой выбор. Мне нужно было время, чтобы определиться, какая жизнь будет

для меня лучше.

Аспен задумался на секунду, все еще недовольный моим ответом. И вдруг, он улыбнулся.

– Ты ведь знаешь, что я не сдамся, правда? – в его тоне явно звучал вызов, и я не смогла сдержать улыбку. Аспен никогда не был тем, кто легко признает поражение.

– Это не лучшее место, чтобы устраивать бои за женское сердце. Твоя напористость может навредить нам обоим.

– Да не боюсь я этого паренька в модном костюмчике, – бросил он с издевкой.

Я закатила глаза. Никогда бы не подумала, что окажусь в подобном положении. Я всегда боялась, что кто-нибудь уедет у меня Аспена. Мне было даже немного неловко ощущать радость от осознания того, что и он способен меня ревновать.

– Погоди-ка. Ты ведь сказала, что не любишь его... но должно быть он тебе все же нравится, если ты хочешь здесь остаться.

Я понурила голову.

– Да, это так, – сказала я с легким кивком. – Он гораздо лучше, чем я могла себе представить.

Он снова задумался, стараясь, видимо, переварить услышанное.

– Что ж, похоже, мне придется бороться усерднее, чем я думал, - сказал он, направившись к выходу. Прежде чем закрыть за собой дверь, Аспен подмигнул мне. - Сладких снов, Леди Америка.

– Спокойной ночи, Офицер Леджер.

Дверь захлопнулась, и на меня накатила волна спокойствия. С тех самых пор, как Отбор начался, я переживала, что этот конкурс бесповоротно разрушит мою жизнь. Но в этот момент я даже представить себя не могла в другом месте и при других обстоятельствах.

Совсем скоро пришли мои горничные, и это возвестило о начале нового дня. Энни раздвинула шторы, и свет залил комнату, прямо как в мое первое утро во дворце. Отбор больше не был каким-то проходящим этапом моей жизни. Теперь я стала важной частью его кульминации. Я

вошла в Элиту.

Я откинула одеяла и с улыбкой встретила новый день.

Перевод: Алина «yakoveha» Яковенко
Редактура: Алина «yakoveha» Яковенко
специально для http://vk.com/the_selection

# БЛАГОДАРНОСТИ

Ладно, на случай, если вы заняты или очень устали, потому что зачитались допоздна, я хочу поблагодарить вас за чтение моей книги. Я люблю вас. Правда. Спасибо.

Теперь - к людям, благодаря которым это стало возможным. Хотя, вообще-то, давайте вернемся немного назад.

Спасибо Богу за то, что есть слова. Не будь их, я бы, наверное, не смогла донести до вас эту историю. Слова восхитительны, и я всгда буду счастлива, что они существуют.

Коллоуэй: Овсянка с бананом! Спасибо за поддержку и за то, что ты такой замечательный.

Гайден: Спасибо, что делился мамой с человечками в ее голове.

Море любви моим маме, папе и братишке за то, что всегда потакали мне в моих странностях. А еще куча обнимашек моим мачехе, отчиму и маленькому сводному братику за то, что всячески поддерживали меня. Вы шестеро вселяли в меня столько вдохновения, что я до чертиков благодарна всем вам.

Спасибо чувачкам из [nlcf] и команде FTW за то, что не оставили меня без внимания. Обнимаю!

Спасибо Мэри - первому человеку, прочитавшему Отбор - за то, что полюбила эту книжку, а также Лиз и Мишель за то, что они, в отли-

чие от меня, вдумчивые, беспристрастные и неподкупные читатели. Книга стала лучше благодаря вам, ребята. И вообще, я думаю, что вы очень крутые.

Спасибо Эшли Бруйлетт за прекрасное видео, благодаря которому книжный персонаж получил твое имя. Браво, мисс! И еще я должна поблагодарить Элизабет О'Брайан, Эмили Арнольд и Кейли Поулин за то, что всегда были рядом, несмотря на то, что я полное задротище. И спасибо за то, что позволили вписать свои имена в историю, конечно же.

Спасибо другим людям, чьи имена я позаимствовала: Дженна, Элис, Мэри, Люси, Джерад, Эми, и т.д. Спасибо за то, что всплывали в памяти, когда я не знала, что напечатать. Йоу!

Элана Рот: Ты просто рок-богиня среди агентов, и я никогда не смогу в полной мере отблагодарить тебя за то, что дала мне шанс, несмотря на то, что я не могла и двух слов связать, когда ты впервые мне позвонила. Та до сих пор и не поняла, что на тебя нашло в тот день. И спасибо, что разрешаешь мне, сумасшедшей женщине, обнимать тебя. Люблю!

Карен и Коллин из JLA: спасибо за то, что вы чумовые ребята. И просто за то, что вы есть.

Эрика Суссман: Ты нереально крута. Правда-правда. Поразительно, как хорошо ты понимаешь Америку. Работать с тобой одно удовольствие. Я обожаю твои фиолетовые карандашные пометки. Спасибо, что редактура больше похожа на безудержное веселье, чем на серьезную работу.

Тайлер, нахалка, я чувствую твою энергию во всем! Спасибо за все, что ты для меня сделала.

Дорогие Все в HarperTeen: Эмм, СПАСИБИЩЕ! Вы были мечтой, о каких не говорят вслух, и для меня огромная честь стать одним из ваших авторов. Я безумно благодарна за всю вашу работу. Начиная с обложки и заканчивая рекламной кампанией. И я даже представить себе не могла, что общаться с вами будет так круто. Спасибо. Правда.

Жаннетт, Кэтрин, Кати, Кьяра, Кристина, и другие няни Гая, кого

я, возможно, пропустила: спасибо за то, что просматривали за Гайденом время от времени, чтобы у меня была возможность поработать. Ваши помощь и поддержка для меня очень много значили.

И, если вы дочитали все это до конца, еще раз спасибо вам! Кто-то из вас был со мной с самого начала, когда я впервые в своей жизни сидела перед камерой и говорила: "Привет интернет!". Кто-то из вас читал Сирену или случайно наткнулся на меня в Твиттере. А некоторые просто увидели красивую девушку на обложке книги и решили купить и прочитать ее. Как бы и когда бы вы меня ни нашли, благодарю вас за чтение моей книги. Надеюсь, она хотя бы чуточку подняла вам настроение.